

АЛЕКСАНДРЪ

литературно-историческия журнал № 10 (13), октябрь, 2017

ISSN 2542-0135

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Принято считать, что «хорошая, умная книга – это всегда праздник». Вспомнил эту истину, когда читал один из первых номеров «Александра». Идея издания такого литературно-исторического журнала сама по себе заслуживает и внимания, и признательности. И прежде всего потому, что само его название приглашает читателя войти в мир нашей истории и культуры, в том числе истории ратной славы страны.

Хочу надеяться, что новое издание даст нам достойные уроки патриотизма поможет жизненно в необходимом деле – воспитании любви к родной земле, гордости за её богатства, свершения тамбовчан – героев Отечества, отличившихся на поприще ратном и трудовом.

Хочу пожелать, чтобы в большой и многотрудной работе сотрудники журнала и его внештатные корреспонденты сумели бы выделить главное – помочь читателю в формировании национального исторического сознания, понимания того, что успех каждого дела во славу родного края и великой России вершит труд людей – хлеборобов, механизаторов, строителей, животноводов, деятелей науки, культуры, образования и, конечно же, защитников Родины.

Всё, что принесёт в души своих читателей журнал, должно давать ключ к пониманию того, как величайшая трагедия, которую пережила страна в годы войны, делала каждого человека гражданином, гражданина – патриотом, патриота – героем.

Искренне хочу выразить надежду, что «Александръ» с исторической достоверностью поможет нам познать новые имена наших земляков и соотечественников, даты и события замечательной летописи Тамбовского края.

Как военный историк верю, что журнал откроет нам новые страницы истории Тамбовщины, расскажет о том, как ковалась победа над врагом, какие пережила наша область триумфы и трагедии в годы военного лихолетья, как вместе со всей страной осваивала космические орбиты, крепила оборону, а сегодня всё увереннее превращается в огромный цветущий сад.

Уверен, что наше сотрудничество с журналом будет активно способствовать рассказу об уникальных реликвиях Музейно-выставочного центра Тамбовской области, о выставках, концертных программах, обо всём, чем по-настоящему богат наш музейный центр, в котором живёт великое прошлое Тамбовщины и России.

Игорь НИКОЛАЕВ,
*руководитель Музейно-выставочного центра Тамбовской области,
заслуженный работник культуры РФ, почётный гражданин г. Тамбова*

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Рад представить вашему вниманию октябрьский, тринадцатый номер литературно-исторического журнала «Александръ». За прошедший год коллективом редакции был пройден нелёгкий путь формирования и становления нового печатного издания.

Несмотря на препятствия со стороны некоторых лиц и сил, следует отметить, что доброжелателей у «Александра» появилось достаточно, круг настоящих друзей расширяется, что позволяет с оптимизмом смотреть в будущее и уверенно развиваться.

В течение прошедшего года происходил отбор рубрик, появлялись новые, но при этом неизменным оставался главный принцип журнала – оставаться вне политики, публиковать на своих страницах литературные произведения и раскрывать исторические факты.

Хотелось бы поблагодарить авторов журнала за доброе сотрудничество с «Александром» и искренне пожелать новых творческих успехов и благодарных читателей.

Слова благодарности хотелось бы высказать и вам, наши друзья-читатели, приятно, что я не встретил ни одного равнодушного человека, и хочется вас заверить, что в будущем литературно-исторический журнал «Александръ» не разочарует и будет чутко воспринимать поступающие пожелания, предложения и критику.

Желаем вам новых приятных открытий! До новых встреч!

***С искренним уважением,
директор и главный редактор
Анатолий ТРУБА***

Данный журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Главный редактор – Анатолий ТРУБА

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ, шеф-редактор (Мичуринск)
Е. В. БАРАБАНЩИКОВ (Первомайский)
В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва)
Л. Н. ВАСИЛЬЕВА (Москва)
В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов)
В. А. КАЗМИН (Луганск)
С. И. КОТЬКАЛО (Москва)
Л. В. КОЛПАКОВ (Москва)
Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск)
А. И. НОВИКОВ (Екатеринбург)
Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва)
Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск)
А. Н. СЁМИН (Екатеринбург)
В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов)
В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов)
Я. Б. ХУТОРЯНСКИЙ (Екатеринбург)

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 10 (13), октябрь, 2017 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Шеф-редактор В. С. Аршанский.

Дизайн, верстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 02.10.2017

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.
E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

СОБЫТИЕ

4 Благодатное кольцо мира и дружбы

ПОЭЗИЯ

8 Александр Боев. Эхо листопада

36 Татьяна Бердичевская

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

10 Ольга Луценко. Мост

ПРОЗА

16 Николай Наседкин. Литлабиринт

ДЕБЮТ

29 Галина Наумович.
Карельские рассказы

РОДНОЕ

38 Марина Шеремета

ПРАВОСЛАВИЕ

47 Роман Леонов. Ильинский храм

ЗАПОВЕДНОЕ

53 Игорь Мартынов. Героизм казаков
в Первой мировой войне

РЕЦЕНЗИЯ

57 Валерий Аршанский.
Преданья старины глубокой

ИСКУССТВО

60 Вадим Гранитов.
Разговор с Мастером

САТИРА И ЮМОР

64 Валерий Седых.
Два слова по-хеттски. Диета.
Персональное дело

ПУТЕШЕСТВИЯ

70 Владимир Юрченко. Ветры
дальних странствий. Эквадор

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

76 Наталия Хохонова.
Petroart и лапидусы

БЫЛОЕ

79 Александр Сухачёв.
Степень – лекарь

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

91 Шаги «Александра»

БЛАГОДАТНОЕ КОЛЬЦО МИРА И ДРУЖБЫ

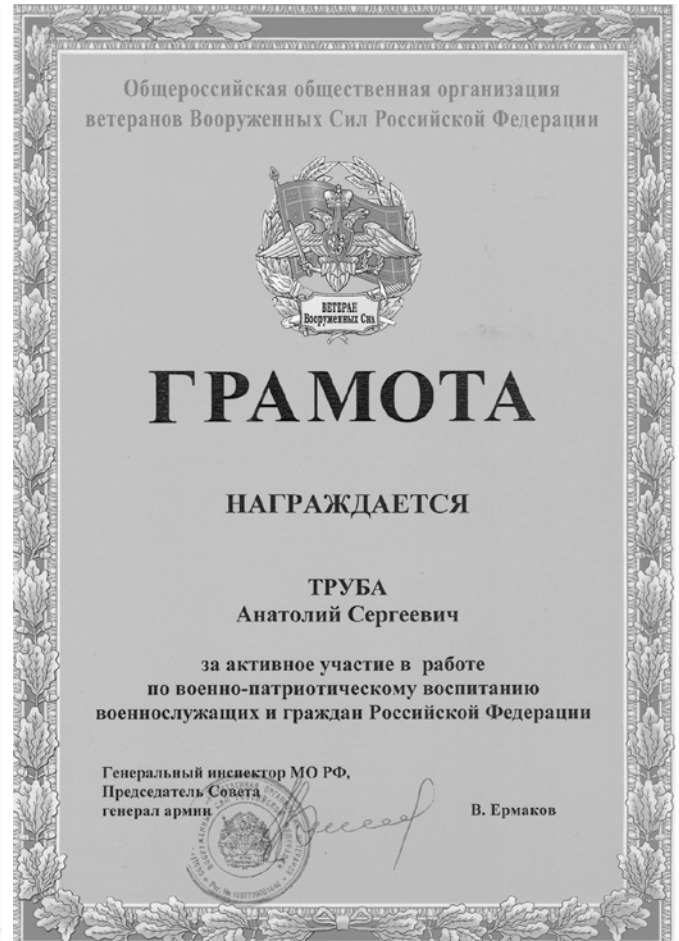
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ МИРА, СОВПАВШИЙ С БОЛЬШИМ ПРАВОСЛАВНЫМ ПРАЗДНИКОМ – РОЖДЕСТВОМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ, – ВМЕСТЕ С ПРОФЕССОРОМ МИЧУРИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА, ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЬ» А. С. ТРУБОЙ НАМ ПРИШЛОСЬ ВСТРЕЧАТЬ В УДИВИТЕЛЬНОМ МЕСТЕ – ГОРОДЕ ПЕРЕСЛАВЛЕ-ЗАЛЕССКОМ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ. ГОРОД ОКАЗАЛСЯ ЧУДНЫЙ, ГОРОД ДИВНЫЙ, ИСТОРИЧЕСКАЯ МАЛАЯ РОДИНА ВЕЛИКОГО ПОЛКОВОДЦА ЗЕМЛИ РУССКОЙ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО, ПРЕКРАСНЫЙ ПАМЯТНИК КОТОРОМУ УСТАНОВЛЕН ЗДЕСЬ, В САМОМ ЦЕНТРЕ, ИМЕНУЕМОМ КРАСНОЙ ПЛОЩАДЬЮ.

Близ Спасо-Преображенского собора состоялось торжество при развёрнутом на многие метры полотнище, символизирующем Красное Знамя Победы! По инициативе директора Международного центра развития социально значимых проектов «Святые Лавры Руси Православной» Владимира Васильевича Березовского (Москва), поддержанной многими и многими энтузиастами, была предложена интернациональная акция в масштабе России, Украины и Беларуси, стран, наиболее пострадавших от гитлеровского нашествия в годы Великой Отечественной войны. В знак светлой памяти и скорби о 27 миллионах советских людей, павших на фронтах сражений, замученных в фашистской неволе, умерших от ранений, тяжёлых болезней, голода и холода в блокаде, в тылу, в течение ряда лет высадить в этих трёх странах 27 миллионов плодовых деревьев как вечно цветущий Сад памяти!

Этот исключительно благородный и благодарный в силу своей гуманитарной значимости проект, получивший название «Международный год мира – "Благодатное кольцо"», и начался в старинном русском городе Переславле-Залесском, на берегах изумительного по красоте Плещеева озера, видами которого, как и неповторимой архитектурой многочисленных стародавних монастырей, можно любоваться часами.

Поздравить людей, собравшихся на Красной площади, помимо руководства Ярославской области и города Переславля-Залесского, прибыли первый заместитель Постоянного Представителя Республики Крым при Президенте Российской Федерации С. Н. Кудрин, Герой Российской Федерации лётчик-космонавт Валерий Григорьевич Корзун, видные представители духовенства, ветераны войны и труда, школьные и студенческие делегации.

Вместе с ними мы передали большой и сердечный привет всем участникам акции от главы администрации Тамбовской области А. В. Никитина, мэра Мичуринска – наукограда РФ А. Ю. Кузнецова, почетного гражданина Тамбовской области генерала армии Н. Е. Рогожкина. Но только поздравлениями наша поездка не ограничилась. В уникальный, занимающий 58 гектаров Дендрологический сад – украшение Переславля-Залесского, – где произрастают сотни плодовых и декоративных деревьев, ягодников и кустарников, нами были переданы 100 саженцев яблонь раннего и позднего сроков созревания. Это дар известного далеко за пределами Тамбовской области садоводческого хозяйства «Снежеток» (Первомайский район), руководит которым Сергей Валерьевич Хаустов, и Центра патриотического воспитания им. Генерала армии Н. Е. Рогожкина, воспитанники которого приняли активное участие

в подготовке данного мероприятия. Под ликующие звуки военного духового оркестра, специально приглашённого для музыкального сопровождения праздника, с помощью солдат срочной службы местного гарнизона 100 мичуринских саженцев заняли свои места под солнцем на лучшем земельном участке дивного парка, редкостного по своей красоте, ландшафтному устройству, предназначенного для отдыха людей всех возрастов, от мала до велика.

Волнующей процедурой, предшествующей закладке нового участка сада, стало вложение в заранее подготовленную бетонную нишу капсул с землёй, привезённой из нашего Мичуринска, от стен храма Всех Скорбящих Радость, а также с мемориальных комплексов «Хатынь» (Беларусь), «Непокорённые» (Краснодон), «Зайцева гора» (Калужская область), из города Турсунзаде (Таджикистан), с ярославских курганов славы. В особую капсулу (к

слову, все они были изготовлены умельцами мичуринского завода «Прогресс») было вложено письмо с обращением к потомкам. Вскрыть капсулу предстоит через полвека, в сентябре 2067 года. Суровые и правдивые строки авторов интернационального проекта «Международный год мира – "Благодатное кольцо"» легли в текст послания.

«Сегодня Святая Русь вновь становится вождёленной целью западного мира. Некоторые освобождённые от фашистских захватчиков страны перешли в стан врагов. <...> Но мы надеемся, мы уверены, что люди доброй воли будут поддерживать жизнь в священных рощах и передавать светлую память о героях фронта и доблестных тружениках тыла из поколения в поколение».

Нишу плотно укрывает плита из чёрного мрамора, где среди участников проекта выгравировано и изображение нашего Мичуринска с его храмом Всех Скорбящих Ра-

дость. Знакомясь с гостями праздника, мы вручали им на память свежие номера журналов «Александръ», «Вестник Тамбовской общественной палаты», газет «Мичуринская правда» и «Наше слово», других тамбовских газет, входящих в структуру Издательского дома «Мичуринск».

А на другой день – уже иных участников – ждала Москва, Миусская площадь, 1, что неподалёку от метро «Белорусская», где расположена Общественная Палата Российской Федерации. Здесь состоялся Третий Культурный форум регионов России под девизом «Образование и культура: потенциал взаимодействия и ресурсы некоммерческих организаций в социокультурном развитии регионов России». Открыл пленарное заседание недавно избранный председателем Палаты известный телевизионный журналист и ведущий Первого канала Валерий Александрович Фадеев. Тамбовскую область представляли член Общественной палаты России и областной Общественной палаты, декан факультета истории, мировой политики и социологии, доктор исторических наук профессор Владимир Викторович Романов, сопредседатель Тамбовского регионального отделения «Объединённый народный фронт», заслуженный работник культуры РФ, директор Мичуринского драматического театра Галина Николаевна Попова и автор этих строк – в качестве председателя комиссии областной Общественной палаты по информационной политике и свободе слова в СМИ.

Многими важными мероприятиями был насыщен столичный форум, пригласивший представителей 57 регионов страны из больших и малых городов, районных центров и сёл. После пленарного заседания в формате круглых столов с участием членов Совета Федерации, Государственной Думы, правительственных учреждений, руководителей и членов ряда областных общественных палат состоялись горячие дискуссионные обсужде-

ния целого спектра злободневных вопросов, тесно связанных с нашими реальными, земными делами. Основной вектор пришёлся на проблемы сохранения культурного наследия, вопросы образования и неразрывно связанного с ним воспитания, поддержку творческих инициатив, инноваций и гражданское участие как можно большего числа энтузиастов во всех этих делах.

Представители Тамбовского региона, каждый в своей секции, выступили с сообщениями об опыте работы своих НКО, рассказали о том внимании, которое уделяет губернатор А. В. Никитин и органы местного самоуправления области развитию добрых начинаний, начиная от школы «Сколково-Тамбов» до промышленных предприятий и культурно-образовательных учреждений. Всем участникам встречи для изложения интересных мыслей, идей, планов и замечаний было предложено обращаться к страницам литературно-исторического журнала «Александръ», ставшего, между прочим, в этом году грантополучателем в своей номинации.

Исключительно интересными оказались проекты, которые презентовали для широкого доступа специалисты-профессионалы, студенты разных вузов, общественники, щедро делясь накопленным опытом в различных сферах жизни своих территорий – урбанистических и сельских. Большое оживление вызвал телемост, организованный между двумя столицами – Москвой и Санкт-Петербургом, конечно же, в социокультурном пространстве.

В целом можно сказать, что Третий Культурный форум регионов России по своей энергетике, полемическому накалу, здоровому духу патриотизма, любовному отношению к делу людей, представляющих свои предприятия, учреждения, организации, вселил большие надежды. Ещё сильнее укрепил уверенность в том, что ровно так, как всегда цвести садам России, так и цвести всей нашей стране, от самых маленьких её уголков до мощных, могучих мегаполисов, одинаково составляющих единство Родины! **А**

Валерий АРШАНСКИЙ,
шеф-редактор журнала «Александръ»

Александр БОЕВ

Родился в 1969 году в Воронеже. Окончил Воронежский политехнический институт и Высшие литературные курсы Литературного института имени А. М. Горького (2005).

Автор книги стихотворений «Снегопад» (2000). Член Союза российских писателей.

Эхо листопада

И. К.

Если клён на ветру, как гортань у заики,
Что не может сказать от волненья «люблю»,
Если жёлтого цвета случайные книги
Даже тонкостью шрифта под стать октябрю –
Что ты можешь сказать, кроме тихого вздоха,
Стержень сломанной ручки в руках теребя?
За оконным стеклом исчезает дорога
Под стекающей каплей «слепого» дождя.
Но в колодце вода с лёгким привкусом Леты,
И таблетка от сердца, как горький обол, –
Чтобы ты забывала все страхи и беды,
Черновые наброски и письменный стол.
Ты забудешь. И будто совсем без причины
По бескрайнему полю пойдёшь не спеша
В те края, где летящая нить паутины –
Это то, чем держалась за тело душа.
И ты выйдешь к реке – там, где старая липа,
И не виден тот берег в белёсом дыму...
Ты вернёшься назад и напишешь одно лишь:
«спасибо» –
Обращаясь уже неизвестно к кому.

В парке – осень. Спешащий прохожий.
Странный свет сквозь сплетенье ветвей –
Вот такой же бывает в прихожей,
Когда ждёшь непришедших друзей.

Сяду здесь. Не пройдёт и минуты,
Ты почувствуешь в воздухе то,
Как в ларёк по приёму посуды
Превращается цирк-шапито;

Как дрожат поредевшие тени
И пустая скрипит карусель,
Заменяя пакет на коленях
На потрёпанный школьный портфель.

Ты о чём это? Я? О немногом
И, быть может, единственном – том,
Что по осени входит со вдохом,
Как хозяин в заброшенный дом.

Как назвать, если слово – как рыба,
Что скользит из хватающих рук,
Если кроме «прощай» и «спасибо»
Неуместен какой-либо звук?

Да и стоит ли? Знаешь, не стоит.
Обойдись без подобных затей –
Здесь любой перекрёсток накроет
Пустотой городских площадей.

Просто молча смотри, как в фонтаны
Ветер сносит листву октября...
И сижу я, уставший и пьяный,
Сам с собой не спеша говоря.

Почитай мне Тарковского на ночь.
Что-то есть в его тихих стихах –
Будто Осип, Марина и Анна
Завели разговор при свечах.
Боль и радость. Наивность и опыт.
Так становится жизнью игра.
Так в стихи превращается шёпот,
Заклинающий пламя костра
Не погаснуть в январскую стужу
Страшной ночью в бескрайней степи...
Не травми мне, бессонница, душу,
Снова нервы мои не трепи –
Ты читай. И покажется: мимо
Проплывает в тумане окно –
Там, по форме блаженного Крыма,
Разлилось дорогое вино.
Там чернила пропахли печалью,
А листья на столе – октябрём,
Чтобы слову отсвечивать сталью,
Проверяясь судьбой на излом.
Это там, среди хлама и сора,
Через годы отыщут ключи
От закрытой двери, за которой...
Ради бога, прошу, замолчи.

Аллеи цвета мёртвой канарейки.
И воздух замер – как прощальный жест.
Вот почему на сломанной скамейке
В безлюдном парке нет свободных мест.

И только дворник – эхо листопада –
Играет в осень с пламенем свечи.
И хочется домой – не потому, что надо,
А потому, что потерял ключи.

А. М.

Как семя в пашне, умирает речь.
Уже не важно, кто ты, чей ты,
Когда всю жизнь оттачиваешь меч,
Что рассекает воздух звуком флейты –
Для колыбельной близким и родным;
Для заклинанья памяти и горя.
Уставший шут с лица стирает грим
И им рисует мальчика у моря –
И наступает осень. Дым с утра.
Он пахнет так, что, проходя по саду,
Почудится не нищий у костра –
Слепой Гомер сжигает «Илиаду».
Идти в дыму, не закрывая глаз,
И видеть в нём, как умирают боги.
Я так давно хочу тебе рассказ...
Но ты заснула, и читаю строки:
«Как семя в пашне, умирает речь...»

Микола Демьяненко, здоровый парубок семнадцати лет от роду, у себя на селе, да и за его пределами, слыл рьяным борцом за права и демократию. Ни дня не проходило, чтобы его круглую физиономию с намалёванным на левой щеке жёлто-голубым флагом кто-нибудь не украшал очередным синяком или ссадиной. В драку Микола лез всегда – по поводу и без него. Вот как, например, сейчас. Драка ещё только предстояла, а Микола уже предвкушал победу.

Накануне, ближе к ночи, на мобильник позвонил Лесь, сказал, что есть первостатейная задача – свалить Ленина в Харькове. Сказал, все хлопцы из округи собираются надрать хвосты колорадам, которые едут туда же.

Спозаранку Микола достал из сарая кусок цепи и бухнул его в рюкзак.

– Ты куда? – Мать устало опустила на пол полное ведро с водой. – Опять битый

придёшь! Ой, допрыгаешься, прибьют тебя когда-нибудь насмерть! Вон глянь, в огороде конь не валялся, а у тебя одна драка на уме!

– Отстань! – Молодой, сильный, с бритой головой, Микола отстранил мать и шагнул за порог в прохладу раннего утра.

Солнце едва поднялось над горизонтом, зацепившись за крышу водонапорной башни. От обильной росы джинсы быстро вымокли, но Микола не сбавляя шагу шёл к железнодорожной станции. По всему селу наперебой горлопанили петухи.

На станции были ещё четверо – Юрко, Ден, Сашко и Василь. Все такие же решительные и бесшабашные. Сельчане, ожидавшие электричку, сторонились их шумной и сквернословящей компании.

– Слава Украине! – приветствовал приятелей Микола.

– Героям слава! – загоготали те в ответ.

– А шо Щербатый? Не едет с нами?

– Та не, – Ден криво усмехнулся. – Говорит, дела есть.

– А може, ему Ленина жалко? – Сигарета в пачке оказалась последней, и Микола с досадой взглянул на закрытый киоск. – Вернёмся, глянем, шо у него там за дела. Давно зубы не пересчитывал, видно.

– Там ещё мемориал есть, со звёздами. Лесь говорил, что его размалевать надо, краску он даст. – Ден зевнул. – Только я на мемориал не подписывался, пусть сам малюет. Ленин – другое дело, а на мемориал не пойду.

– Бздишь?

– Не. Дед у меня на той войне погиб.

– Так ты тоже колорад? – Компания воодушевлённо засмеялась.

– Та тю на вас...

В электричке витал стойкий запах застоялого курева, пыли и мазута. Лихие молодчики, бряцая цепями и стальными прутьями, уселись у окна. Немногочисленные пассажиры поспешили перейти в соседний вагон.

Раннее утро брало своё, от стука колёс веки становились тяжёлыми, и разговор не клеился. В скором времени дремота сморила грозных воителей. Бритые головы с выстриженными чубами равномерно закачались в такт бегущей мимо подсолнуховых полей электричке.

* * *

Он возник в вагоне внезапно – белый как лунь, холодный, как утренний туман, старик. Как и когда он появился, никто не видел, электричка мчалась быстро, до следующей станции было не менее сорока пяти минут. По вагону он шёл ровно, словно скользил в проходе, не касаясь пола. В глубоких глазницах отражалась тяжёлая, свинцовая вода какой-то далёкой, неведомой реки. Микола вздрогнул всем телом, едва встретившись с ним взглядом. Липкий холодок пробежал по спине, парубок покосился на приятелей, но те безмятежно спали.

Старик остановился напротив и нахмурился:

– Ну что, Микола? Далеко ли путь держишь?

– Да кто ты такой, дед, чтобы я отвечал тебе? – хорохорился Микола, стараясь не показывать своего страха.

– Память твоя, забытая память, на пустые дела растроченная. – Белый ковыль длинных волос старца стелился по плечам. – Так скажи мне, Микола, чем тебе Ленин в городе Харькове помешал? Или тебе дома дел нету?

– А! Так ты, дед, москаль? – Микола толкнул локтем Юрка. – Слышь, Юрко? Этот старый пень – москаляка! А ну, хай он тут нам поскачет, а мы глянем!

Но спящий Юрко даже не шелохнулся. Микола струхнул уже не на шутку.

– Ну что? Спит твой дружок? Не слышит тебя? – Старик не отводил взгляд. – И никто не услышит. К тебе одному я шёл. С большой надеждой на тебя шёл. Через Мост. Однако никак не думал, что такой поганец вместо меня по земле моей ходить станет. Но, видать, так тому и быть, другого всё равно не дано. Единственный ты остался. Наследник. Чего дрожишь? Страшно? А много ли ты знаешь о страхе?

Что-то неведомое приковало Миколу к скамейке и не давало шелохнуться.

– Вот что, внучок, скоро Мост, мне выходить надо, а ты проводишь меня. – Старик рассеянно взглянул в окно на подсолнуховые поля. – Семьдесят лет подсолнухов не видал...

– Ты спятил, дед! Тут нет никакого моста! Не стану я тебя куда провожать!

– Станешь! – Старик медленно повернулся и направился к выходу.

Сам не понимая почему, Микола встал со скамьи и тоже двинулся по проходу, вслед за стариком в тамбур. Вдруг стало холодно, так холодно, что окна покрыла изморозь. Старик повернулся, его глаза смотрели глубоко, прямо в душу, выворачивая всю её наизнанку.

– Героям слава, говоришь? – Старик распахнул дверь вагона настежь. – Видал я вашу славу! Изгадили Киев, злыдни, напакостили – и рады? Теперь вы все герои?

– Дед, ты что, рехнулся на старости лет? Ты что плетёшь? – Покрытая ледяными игол-

ками тамбурная дверь холодом обжигала спину. Хотелось уйти, спрятаться, исчезнуть – только бы не видеть этого старика и не слышать его всепроникающий голос.

– Молчи, герой! Молчи и слушай меня! После фашистов Киев не для того отстраивали, чтобы бандеровские ублюдки по нему с факелами шли! Думаешь, если размалёванной тряпкой срам прикрыли, то уже и слава Украине? Тебе ли знать, как из руин город поднимали? Каждый дом берегли! А вы? Что же вы? Наследники! Спалили Крещатик, а ради чего? Ради красного словца? Что там, за занавеской? А? Совесть твоя там, за ненадобностью от глаз спрятанная. Вот что там! Думаешь, чем выше скакать станешь, тем славы больше сдобудешь?

Микола смотрел на развевающиеся седые пряди волос старца, на его высохшую спину, на мозолистые, ещё крепкие руки. Смотрел не мигая, до острой боли в глазах.

– Чем, к примеру, тебе памятник Ленину не угодил? Или только и дел, что с памятниками воевать? А? Микола?

Холод пронизывал Миколу насквозь. А от леденящего взгляда старика становилось ещё холоднее, словно сама душа внутри застыла.

– Колорады, говоришь? Ватники? Продад ты нас всех, дружок, за пачку печенюшек на Майдане продал! Да вот только продешевил...

Микола сжался в комок и дрожал всем телом – то ли от страха, то ли от холода. «Что ж так холодно? Лето же?» Через открытую дверь были видны только клубы тумана, что неслись за вагоном, цепляясь за него длинными холодными щупальцами.

– Ладно. Не затем я шёл к тебе. Вот и Мост. – Старик кивнул на тяжёлые обледеневшие опоры. – Пора.

Электричка вздрогнула и со звоном помчалась по Мосту, как над пропастью. Далеко внизу серые клочья тумана перекачивались и ворочались, словно огромный спрут, и чёрная бездна разверзлась под колёсами вагона.

Старик шагнул в распахнутую дверь, но не упал вниз, а продолжал стоять рядом, словно парил над бесконечностью. Микола коснулся языком пересохших губ. «Какой

мост? Откуда? Здесь же нет никакой речки. Чёрт! Какая высотища! И почему же так холодно?»

– Ты идёшь? Микола?

Словно во сне, Микола медленно подошёл к двери, осторожно коснулся заиндеветых поручней и посмотрел вперёд – массивные пролёты со свистом проносились мимо, в бесконечную ледяную пургу, и не было конца-краю тому мосту...

* * *

Серая мгла застилала глаза, горький запах полыни забирался в нос вместе с пригоршней пыли, которая залепила всё лицо. Сухой кашель застрял где-то глубоко в горле и мешал дышать.

– Эй! Микола! – Молодой парень в выцветшей гимнастёрке, пробитой с одного боку каске, чумазый от порохового дыма, протягивал широкую шершавую ладонь. – Вставай! Некогда тут загорать, подстрелят.

– Ты кто такой? – Микола оглянулся – местность была чужая, незнакомая. – Меня откуда знаешь?

Вой снаряда заставил вздрогнуть и пригнуться. Раздался взрыв, за ним другой, третий.

– Вставай, говорю! – Сильные руки подняли Миколу с земли. – Да не считай ворон, бегом в блиндаж! Я, хлопче, как и ты, Микола Демьяненко, до войны в селе Кут жил, под Харьковом.

– Под Харьковом? До какой войны? – Микола едва поспевал за незнакомцем.

– Как это «до какой»? Разве была ещё какая-то другая война? – Парень вдруг остановился. Его тёмно-карие, словно переспелые вишни, глаза смотрели на Миколу удивлённо и настороженно. Густые ресницы вздрогнули от удивления, а чёрные, вразлёт, брови подпрыгнули ещё выше, словно птица взлетела.

Свист пуль избавил Миколу от необходимости искать ответ. Пригнувшись, они засели вдоль окопа к блиндажу.

Под бревенчатым настилом было темно. Микола не сразу смог увидеть выплывающие

из сумерек лица. Старик лет шестидесяти, с окладистой тёмно-русой, с проседью, бородой. Невысокого роста очкарик с оттопыренными в разные стороны ушами. Усатый рыжий дядька с россыпью веснушек на лице. Двое смуглых хлопцев с раскосыми глазами, один совсем маленький, другой с Миколу ростом. Светловолосый парнишка лет восемнадцати, худой и длинный, словно жердь. Да Миколин полный тёзка – лет двадцати пяти от роду, вихрастый, широкоплечий и до дрожи в коленях похожий на самого Миколу. На всех была военная форма, Микола такую только на плакатах про День Победы да на старых фотографиях видел.

– Дело у нас к тебе, друг Микола, спешное дело. – Тёзка вытащил из кармана брюк кисет. – Куришь?

Махорка была крепкой, глаза у Миколы заслезились, в горле запершило.

– А дело такое, – продолжал солдат. – Как раз сегодня снова наступает наша последняя ночь, не пережить нам её. В семьдесят пятый раз не пережить... Осталось совсем немного...

– Как не пережить? Откуда знаешь? – недоумевал Микола.

Застывшие лица печально глядели на парубка из темноты блиндажа. Их глаза пристально вглядывались в каждую мелочь, слово старались запомнить, сохранить себе на память – смуглый румянец щёк, содранные локти, полинявшую на солнцепёке футболку с портретом Железного Арни, кроссовки с надписью ADIDAS – смотрели так, что мороз пробирал по спине.

– Пойдём со мной, покажу...

Они вышли наружу. День уже клонился к вечеру, и синие сумерки скользили по холмам, едва касаясь крыш разбитых домов какого-то посёлка. Стрельба притихла, словно автоматчики устали за день и решили отдохнуть.

– А где это мы? Что за посёлок там? – Микола напряжённо вглядывался в незнакомую местность.

– Да кто ж его знает? – Солдат вздохнул. – Видишь, вон там, за лесочком, их позиции? К утру они на штурм пойдут, высоту

эту отбивать. Пушку нашу ещё третьего дня накрыли. Пока патроны были, мы их держали, а теперь всё, кончились патроны.

– Послушай, солдат, а кто они-то?

– Та ты шо? Не понял, что ли? Немцы, конечно! Им эта высота до зарезу нужна! Фиг с маслом им! Снаряды, что от пушек остались, мы в блиндаже сложили. Много снарядов. Понимаешь, они, немцы то есть, тоже знают, что у нас патронов больше нету. Победу смакуют. Зря! Так рванёт, что не только нас с ними, весь холм разнесёт! И не будет тут больше никакой высоты...

– У незнакомого посёлка, на безымянной высоте... – неожиданно для самого себя прошептал Микола.

– Что?

– Ничего, песня такая будет. Потом.

– А ты не брешешь, хлопец? Правда, будет? – Солдат оживился.

– Правда, не брешу. Слухай, солдат, а чего вы тут сидите? Может, уйдём? Ночью? А? Вас же только семеро! А их – вон сколько! Тьма!

– Семеро? Это нас осталось семеро. Здесь, хлопче, целый полк полёг. Мы – последние. – Взгляд солдата потускнел. – Да ты не суетись так, мы все уже давно умерли, семьдесят пять лет назад. Погибли в сорок втором. Но каждый год мы проживаем заново эту ночь, и нет нам покоя, пока память наша домой не воротится.

– Бессмертный полк...

– Чего?

– Когда мёртвые встанут в один ряд с живыми... – Микола побледнел и, перехватив удивлённый взгляд солдата, добавил: – Не смотри так. Старуха одна сказала. Но я-то чем могу вам помочь? Зачем ты меня позвал? И почему меня?

– Идём. Холодно.

Небо озарила вспышка ракеты, и наступила тишина. Неуёмный озноб пробирал Миколу насквозь. Спотыкаясь, он снова спустился в блиндаж за своим тёзкой.

– Вот это Лёва Гейшенец. – Солдат кивнул на лопоухого очкарика. – До войны в Ленинграде он надписи на часах гравировал, а сейчас он у нас радист.

– Да какой я теперь радист без рации, товарищ командир? – Уши очкарика печально качнулись от его долгого вздоха.

– Так ты слухай меня, Микола, – продолжал солдат. – Мы все здесь без вести пропавшие, и нет нашим душам покоя от тоски по родной земле. Пока домой не воротимся, так и будем каждый раз умирать на этой высоте. Из года в год.

Микола слова вымолвить не мог, только глядел не мигая в карие глаза солдата, словно отражение своё в тёмной воде видел.

– Только тот, кто через Мост прошёл, может вернуть память нашу в родные места. Поисковикам нас сроду не найти – развеян наш прах над этой высотой. И лишь родная душа может нам помочь. Так получилось, Микола, что ты единственный, кого можно было провести через этот Мост.

– Это как? – Пересохшие губы едва шевелились.

– Как? – Солдат улыбнулся и указал на бородатого старика: – Вот это наш Дед, он из Белоруссии. Его семью фрицы ещё в начале войны заживо сожгли, а Дед тогда на фронт подался. Стало быть, нет у него прямых наследников.

– А это... – Из темноты блиндажа выплыла веснушчатая физиономия рыжего здоровяка. – Это старшина Емельянов. Он курский, семья его в эвакуации погибла, поезд разбомбили на переезде. Значит, тоже звать на помощь некого.

Рыжий старшина молча встал рядом с Дедом.

– Вот это Бакыт Жолосунов из Таджикистана и Мэхээчэ, Мишка то есть, из Якутии. Бакыт у нас кашевар, Мишка – снайпер. Молодые они, не успели семьёй обзавестись.

– Иван Иванович Иванов, – робко представился долговязый парень, смутился и покраснел. – Хорошее имя, правда?

Микола рассеянно кивнул ему в ответ.

– Вот гляди, Микола, какую штуку наш Лёва придумал. – Солдат снял с пилотки и положил на стол алую пятиконечную звезду. – Он тут на обороте каждому имя и адрес написал. Наш прах по степи разметало, не со-

брать, а вот звёздочки эти останутся... То есть мы надеемся, что останутся.

Микола перевернул звезду. На ней аккуратной витиеватой вязью было выгравировано: «Николай Николаевич Демьяненко, 1918 года рождения, село Кут Харьковской области».

– Кут? Николай Николаевич? – Руки у Миколы вдруг задрожали. – Так ты?..

– Выходит так, что только я мог пройти через Мост. Сын у меня тогда дома остался, два года. Тоже Микола, твой дед, стало быть... Только вот едва пропустил меня Мост на ту сторону. Холод. Память слабеет. Стирается. Забываете вы нас... Уж и не знаю теперь, станешь ли ты помогать нам? Мы тут все вроде как колорады и ватники? А ещё – москали, русские то есть... Немец ведь промеж нас различия не делает. Ему что таджик, что еврей – всё равно русский.

В глазах у Миколы потемнело, голова закружилась, и горький комок подступил к самому горлу.

– Ну а если ты помочь не захочешь, значит и просить больше некого. Тогда нам каждый год придётся сражаться за эту высоту, пока память о нас вовсе не исчезнет...

...Микола очнулся оттого, что Дед, старик из Белоруссии, настойчиво тряс его за плечо:

– Коля! Николай! Ну чего ты? – И обернувшись назад, добавил: – За что ты его так, командир? Он же внук тебе! Молодой, глупый ещё...

– Правнук...

– Тем более! А ну как не пойдёт он теперь через Мост?.. После твоих слов?

– Пойду! – Микола тряхнул головой и сел на лавку. – Пойду. Давайте сюда ваши звёздочки. Все до одной верну!

...Мост тёмной громадой нависал над головами. Сизый туман стелился над рекой и растекался мутным шлейфом над полем. Снова стало холодно. И чем ближе к Мосту, тем холоднее становилось.

– Вот и всё, Микола, слава Богу, свиделись. – Солдат глубоко вздохнул. – Дальше идти я уже не смогу, дважды Мост меня не пропустит. Теперь уж ты сам давай, без меня... Не оступись только.

Микола оглянулся: седой старик пристально смотрел ему в глаза. Холщовая рубаша, словно саван, покрывала его плечи. Старик печально улыбнулся и поднял вверх раскрытую ладонь. Его силуэт вдруг качнулся на ветру и стал растворяться в клубах тумана. Серая птица метнулась из сумерек и исчезла во тьме.

– Не забывай нас, Микола! Береги наши звёздочки!

– Не забуду, диду!

* * *

Серая мгла застилала глаза, горький запах полыни забирался в нос вместе с пригоршней пыли, которая залепила всё лицо. Сухой кашель застрял где-то глубоко в горле и мешал дышать.

– Микола! Микола! Ты живой? – Юрко испуганно заглядывал приятелю в лицо. – Ты чего из вагона сиганул? Жить надоело?

Микола поднял голову. По насыпи, поднимая тучи пыли, мчались Ден и Василь.

– Живой? – донеслось из кабины электровоза. – Хлопцы! Вас ждать?

– Домой поедem, чёрт с ним, с этим памяtnиком... – просипел Микола, едва ворочая пересохшими губами. – Дело у меня есть. Спешное.

Приятели в недоумении переглянулись.

– Не! Мы в другой раз! – Юрко поймал отрешённый Миколин взгляд и махнул рукой машинисту.

– Так ты шо? Не едeшь уже? – Запыхавшийся Ден скатился с насыпи. – Ух ты! Как тебе морду развезло!

– Ну, шо там, хлопцы? Живой? Слава Украине! – Сашко, гремя цепью, съехал по гравии следом за приятелями.

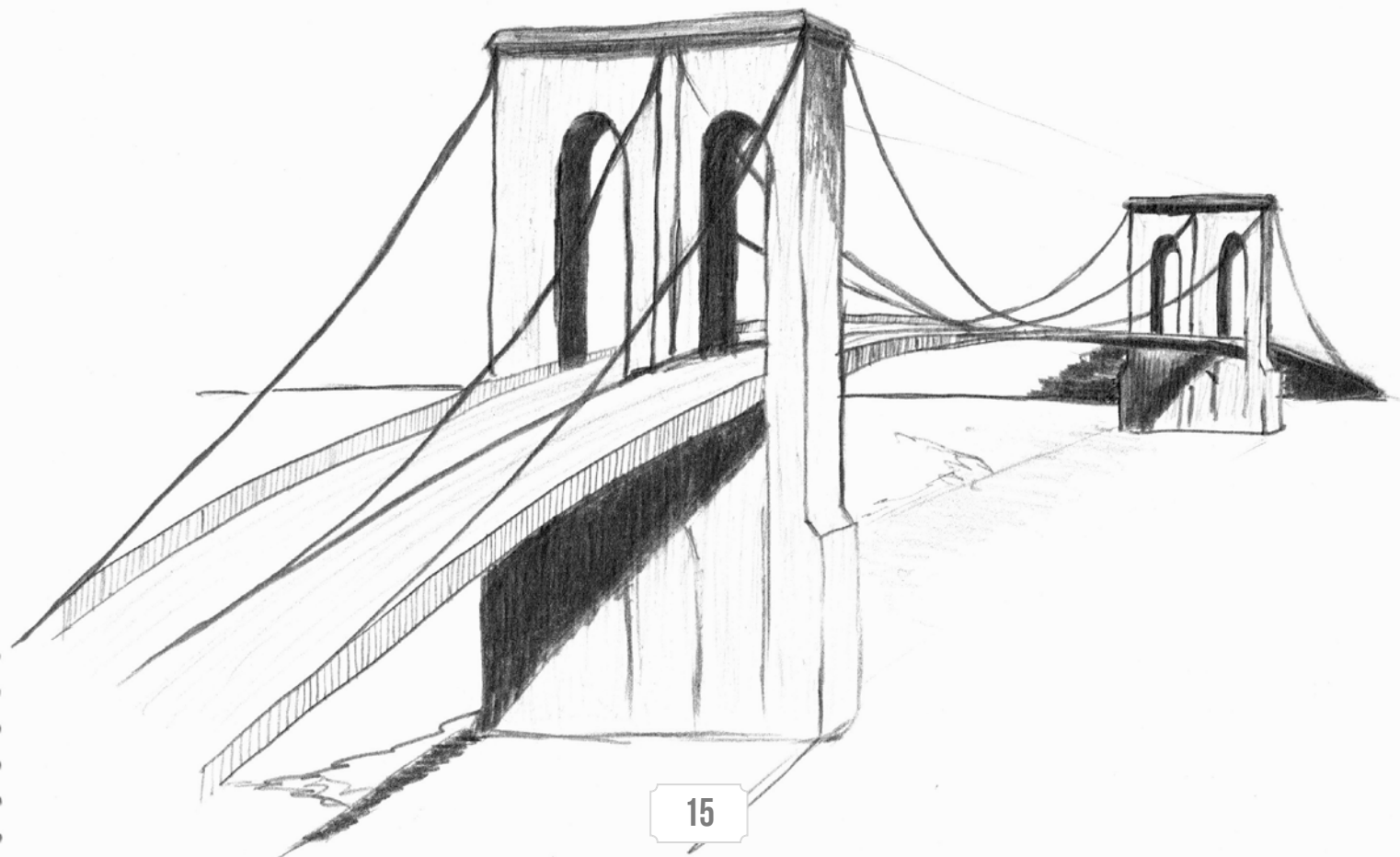
– Дурень. – Микола, покачиваясь, поднялся на ноги. – Героям слава...

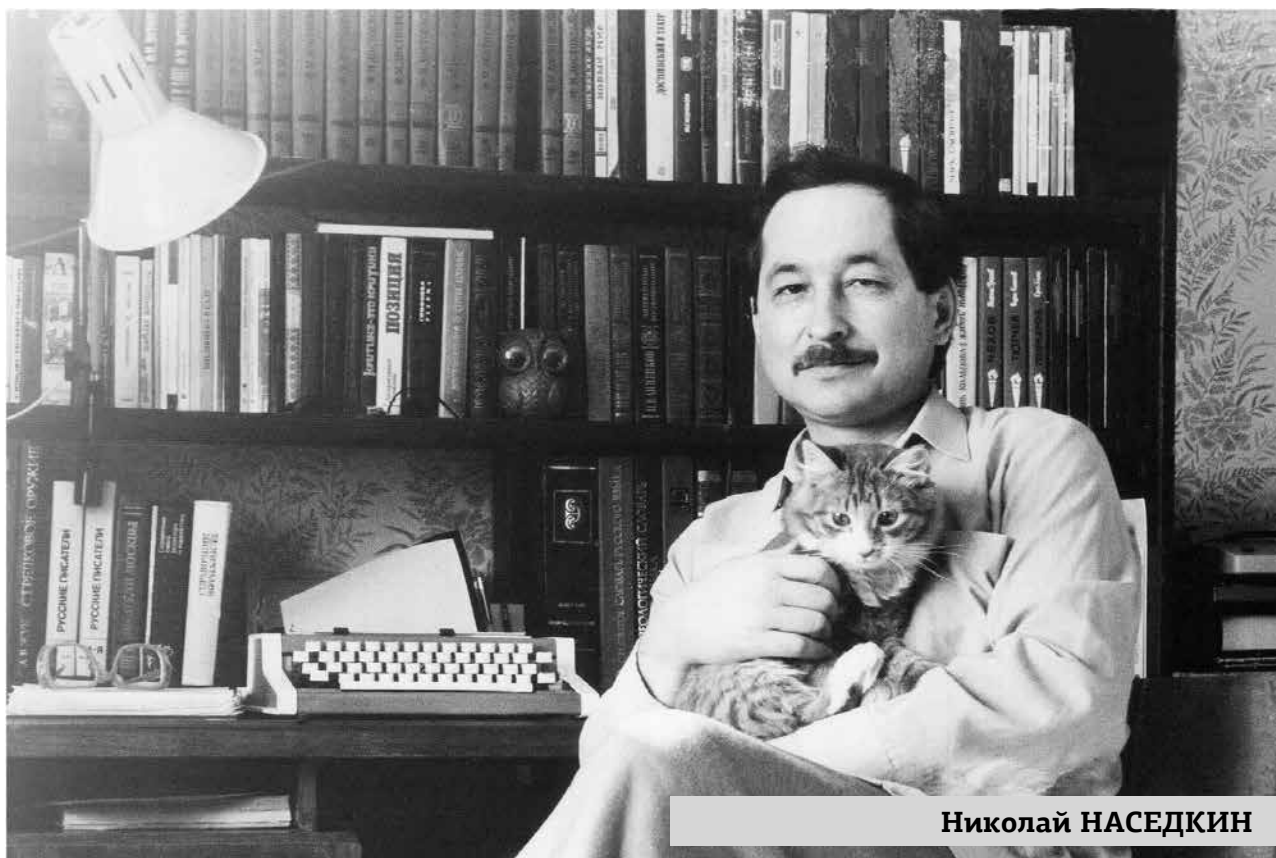
Он протянул вперёд руку. Сквозь плотно сжатые пальцы сочилась кровь, и алые капли стекали вниз, на пыльные листья полыни.

– Что это у тебя? – Юрко отступил назад.

– Это? – Микола разжал ладонь. Острые края пятиконечной звезды впились в неё, оставив кровавые раны. – Это... прадед мой... с войны домой вернулся... **А**

Фото из сети Интернет

Николай НАСЕДКИН

ЛИТЛАБИРИНТ

ФРАГМЕНТЫ СУДЬБЫ

1. В «МОСКВУ»! В «МОСКВУ»!

Ну, вот и сбылась мечта идиота: я опубликовался в толстом престижном журнале. Когда-то, на заре пресловутой туманной юности, в Сибири ещё, робко мечтая об этом, я говорил себе: вот напечататься в толстом столичном журнале и – умереть!..

Это – цитата из моего (потому и без кавычек) романа «Алкаш», выплеск эмоций героя-поэта, которого опубликовали наконец в Москве. Словечко «идиот» вставлено здесь, конечно, для снижения пафоса, для «чуть-чуть»

самоиронии, но по существу оно довольно точно характеризовало суть ситуации и положение вещей. Мечтать провинциальному автору опубликоваться в «Нашем современнике», «Новом мире», «Москве», «Знамени», «Молодой гвардии» или «Октябре» – это мог если не совсем идиот, то уж очень наивный человек, безусловно. Это было не-воз-мож-но! Чтобы рукопись молодого никому не известного автора, да ещё и из глубинки, в редакции столичного «толстяка» хотя бы ВНИМАТЕЛЬНО прочитали, для этого необходим был толчок, внешний мощный фактор – рекомен-

дация, сопроводиловка, слово поддержки литературного мэтра...

Но и это ещё не гарантия успеха, отнюдь. Вот хотя бы в качестве наглядного примера довольно грустная история моих взаимоотношений с самым престижным в прежние годы журналом «Новый мир». Сохранилось в моём архиве пять «отказных» ответов из редакции этого журнала, первый ещё от 17 марта 1983 года, и во всех: *«К сожалению... Не заинтересовали... Возвращаем...»* И тут судьба подбросила мне явный шанс. Весной 1988 года в Тамбове, где я тогда уже жил, проходило выездное заседание совета по прозе Союза писателей РСФСР, приехали столичные литературные зубры во главе с главным редактором «Нового мира», именитым писателем С. П. Залыгиным. Естественно, я как завотделом пропаганды (так пафосно именовался отдел культуры) областной молодёжной газеты договорился об интервью с Сергеем Павловичем. И вот, когда мы разговорились с ним в гостиничном люксе, вдруг выяснилось, что мы чуть ли не земляки, да ещё и в квадрате: столичный писатель когда-то жил и работал в Хакасии, где я тоже прожил почти двадцать лет, а дед и отец Залыгина, оказывается, родом с Тамбовщины... Ну и как-то так само собою вышло-получилось, что в итоге главный редактор «Нового мира» увёз с собой в Москву папочку с тремя моими рассказами.

Понятно, что какое-то время я ходил по улицам Тамбова, подпрыгивая и потирая ладони в предвкушении литературного триумфа. Для местных читателей и тем более сочинителей я был всего лишь журналистом, в лучшем случае литературным критиком, так как строчил на их нетленки рецензии в местной печати. А о том, что прозу я уже писал и публиковал (пусть пока в газетах) почти два десятка лет и мой рассказ уже чуть было не появился в журнале «Москва» (о чём у нас речь впереди), – об этом никто не знал и знать не хотел.

Короче, ходил я, напыжившись, по чернотёмным тротуарам, пока не получил очередную конверт из редакции «Нового мира» с фирменным бланком внутри: *«С. П. Залыгин*

прочитал Ваши рассказы и передал их нам в отдел прозы. Ваши рассказы в отделе прозы читали и обсудили. Вынуждены Вас огорчить, т. к. напечатать их мы не можем...» И далее как бы извинительные подробности: конкурс у них большой, рукописей много, отбор *«весьма жёсткий»*...

Я огорчился, обиделся и объявил бойкот «Новому миру». О чём, разумеется, ни редакция, ни тем более Залыгин знать не знали и ведать не ведали. Жили себе спокойно, продолжали публиковать литературные шедевры, прошедшие «весьма жёсткий» отбор (если кто-нибудь почует здесь иронию – я не виноват!), пока летом 1991-го не получили от меня очередной пакет с двумя рассказами – «Осада» и «Четвёртая охота». Да, продержался я ровно три года. Но уж больно хотелось попасть-пробиться сразу в дамки. А тут и повод: написались-родились на свет из-под моего пера (точнее для тех лет – из-под шарика пластмассовой ручки) несколько совершенно новых во всех смыслах рассказов в русле жёсткой прозы, они уже, можно сказать, с триумфом прошли в областных газетах, были приняты к печати в один новый толстый журнал (который, увы, на втором номере застрял). И вот бедной бессменной даме из отдела прозы «Нового мира», носившей титул «старший редактор» (фамилию трепать не будем), после трёхлетнего перерыва вновь пришлось отвечать настырному провинциальному непризнанному гению. И то ли эта самая настырность чуть растопила сердце литдамы, то ли и правда она прочла внимательно тексты и отметила рост и прогресс автора, только ответ её на этот раз оказался более обстоятельным и не вполне уничижительным:

Уважаемый Николай Николаевич!

Рассказы ваши сюжетны, вы умело держите нить повествования в руках – драматургия в них развивается последовательно (завязка, кульминация и т. д.), что в новой прозе встречается не так уж часто.

К сожалению, содержание их – при том, что вы выпукло вырисовываете самочувствие современного горожанина: отчуждение, страхи, непри-

ятие насилия и т. д. – не является открытием в текущем процессе. Пожалуй, рассказы ваши во многом угадываемы – ловишь себя на том, что читаешь их с тем, чтобы удостовериться в правильности того или иного предположения.

С другой стороны, вы явно обладаете пером. Как знать, может, случится, что рано или поздно вы будете писать так, что будет не в о з м о ж н о не публиковать вашу прозу. Пока же трудно подыскать существенные аргументы, опираясь на которые я бы мог рекомендовать редколлегии ваши рассказы...

Эти «вы» и «ваши» в письме почему-то с маленькой буквы и мужской глагол «мог» остались для меня загадкой, которую, впрочем, я разгадывать и не желал.

Понятно, что я решил расплеиваться с неприступным «Новым миром» окончательно и навсегда и перестать тратить деньги на почтовые пакеты в его адрес. Но судьбе угодно было так распорядиться, что уже вскоре, буквально через год, мой отвергнутый рассказ «Осада» вновь очутился в редакции этого журнала. И уж, разумеется, не по вине моей безразмерной настырности и безграничной наглости. Совсем нет, я как раз автор более чем скромный – когда мне указывали на дверь, в окно я влезть не пытался...

А случилось вот что. Совершенно отчаявшись от, как мне казалось, сплошных неудач (хотя были и проблески-публикации), я 16 марта 1992 года, преодолев свою псевдоинтеллигентность, сел и написал письмо в Красноярск В. П. Астафьеву, к тому времени уже безусловному живому классику и мэтру из мэтров:

Уважаемый Виктор Петрович!

Уже несколько лет собираюсь обратиться к Вам, но, отлично понимая Вашу безмерную занятость, откладывал. Однако вот решил. Бога ради, простите меня за отнимаемое время!

Дело в том, что Вы один из крайне немногих писателей, кого я уважаю в нынешней русской литературе. И ещё – что даёт мне смелость – мы с Вами в какой-то мере земляки: в детстве и молодости (до 24 лет) я жил и рос под Абаканом, в райцентре Белый Яр. Недавно похоронил там мать, но самые близкие, кровные, родственники живут и по сей час в Хакасии.

Мне уже под 40. В Тамбов попал по распределению после Московского университета. Сюда же вернулся и после Высших литературных курсов (тоже общая точка моей и Вашей биографий!), которые окончил в прошлом году. Я не член СП и поэтому на ВЛК учился в семинаре критиков.

А не член Союза писателей (да и не в членстве дело!) потому, что уже несколько лет бьюсь понапрасну лбом в бронированные журнально-издательские стены. Результаты унижительные: отрывки из повести в сборнике молодых в региональном издательстве да рассказ в журнальчике «Физкультура и спорт». Когда учился на ВЛК, вроде бы лёд тронулся, казалось, вот-вот – и шуга: одну повесть приняли в издательстве «Столица», рассказ – в журнале «Московский вестник». Но стоило мне уехать из Москвы, дело застопорилось напроочь.

Но я ещё продолжал трепыхаться. Однако ж толку мало. Я даже года 2–3 назад предлагал свою повесть «Казарма» и «Енисею». Рукопись мне кое-как вернули почти через год с разбором Т. Воронцовой. Об уровне суждений этой дамы, «разобравшей» армейскую повесть, говорит хотя бы тот факт, что на пяти страничках её рецензии наляпано почти пятьдесят орфографических, лексических и разных прочих ошибок.

Но я всё равно продолжал бы рассылать рукописи (помня о судьбе Джека Лондона), если б при нынешних почтовых вздорожаниях редакции не перестали вовсе отвечать и возвращать рукописи. Полный тупик!

Виктор Петрович, я, конечно же, мало на что надеюсь, тревожа Вас. И тем более – Вы не редактор, не издатель. Но Ваше слово, Ваше мнение весомы в мире литературы. Да если даже и не практической помощи, то хотя бы одобрение услышать от Вас – и то легче станет дышать, вдохновеннее будет работать. А то, ей-богу, уже сил никаких нет. Я понимаю: Вы добились в жизни и литературе всего сами, но будьте снисходительны и к тем, кто послабже Вас в коленках, не имеет характера для долгой (бесконечной) борьбы.

Виктор Петрович, прошу Вас, просмотрите, пожалуйста, два-три моих рассказа. Может быть, это и будет тем чудесным случаем-толчком, который сдвинет наконец мою буксующую писательскую судьбу с места. Бог Вам за это воздаст!

Если Вы ответите согласиём, я тотчас вышлю рассказы заказным пакетом и уж, само собой, оплачу все расходы по пересылке рукописи обратно.

Ещё раз очень и очень прошу – не гневайтесь на меня: решился обратиться к Вам после мучительных раздумий, уже в полном отчаянии.

Всего Вам наилучшего и главное – здоровья!

С большим уважением
Николай Наседкин

Мало кто поверит (я бы и сам не поверил), но совсем скоро, 26 марта, я получил из Красноярска ответ:

Дорогой Николай!

Весь крик и стон твоей души слышу и понимаю, но думаю, что будет ещё хуже, вот беда-то!

Раньше лета прочесть твои рассказы не смогу. Я заканчивал первую книгу романа, и сейчас меня качает и валит, проспал сегодня 12 часов, а голова всё не на месте. Раньше, когда был моложе, восстанавливался быстрее и легче, а сейчас...

За это время скопились вороха рукописей, и читать я их смогу летом, когда уеду в свою деревню садить огород и попробую отдохнуть от работы, где-то в конце мая присылай рассказы. И не обижайся и не старайся оплачивать их пересылку, я не самый бедный литератор в России, и на хлеб-соль да на почту моего заработка ещё хватает.

Кланяюсь, Виктор Петрович
(В. Астафьев)

Да, были люди в наше время! Напомню, что Виктору Петровичу уже шёл шестьдесят седьмой год, он, судя по его письмам тех лет, болел всеми, какими только можно и нельзя, болезнями и к тому же, потеряв один глаз ещё в юности на фронте, надсаживал оставшееся око многочасовой работой за письменным столом (рождался роман «Прокляты и убиты») и чтением книг да чужих рукописей. В оправдание себе скажу, что, конечно, не знал тогда весь ужас со здоровьем Виктора Петровича, вероятно, и про глаз один-единственный его не знал – это уже потом, когда вышла посмертная книга его писем «Нет мне

ответа...», все эти скорбные подробности стали известны и легли постфактум камнем на мою совесть. А тогда я, конечно, воспарил, еле дождался конца мая и отправил в Красноярск два рассказа (в том числе и «Осаду», которую считал на тот момент своим лучшим произведением, своей визитной карточкой), а также небольшой отрывок из повести «Муттер».

И опять же стремительно скоро, 16 июня, получил ответ:

Дорогой Николай Н. [Николаевич]!

Вернулся из Москвы, с так называемого съезда так называемых писателей, и, малость отоспавшись, принялся за рукописи, а их скопилось целая телега, да все рукописи-то дикие, самодеятельные. Чем хуже нам живётся, тем шибче исходит народ стишками, особенно пенсионеры. От одичания это, не иначе...

Рукописи Ваши вполне профессиональны, чисто написаны, и я готов предложить рассказы в «Новый мир», хорошо бы три, уж так почему-то повелось давать небольшие рассказы подборкой. Хорошо бы Вы подослали мне ещё один или два рассказа (чтоб выбор был), и не ниже по уровню, чем те, что я прочёл. Я со своей сопроводительной зашлю рассказы в отдел прозы нашего всё ещё очень требовательного журнала, и дальше уж помогай Вам Бог, но если «Н. [овому] Миру» не подойдут, можно подумать и о других органах, есть у меня кое-где знакомые, например Леонид Бородин в «Москве», да вот сама-то «Москва», как и многие наши журналы, висит на волоске.

Комплиментов Вам никаких не пишу. Зачем они твёрдо владеющему пером человеку? Дай Бог сил, здоровья и терпения «отражать» эту дорогую действительность, да ещё в «осаде» бесхлебья, беззакония, всеобщего разгула, политиканства, воровства и блядства.

Жму Вашу руку и кланяюсь Вашим близким.

Виктор Петрович
(В. Астафьев)

Легко представить, как бесконечно перечитывал я это чудесное письмо от САМОГО Виктора (!) Петровича (!!) Астафьева (!!!), как вновь воспарил я на крыльях надежд и

мечтаний, как захмелел без вина, а потом, на радостях, и от вина. Почему-то ещё больше хмеля, помимо одобрительных слов о моей прозе, добавляло и то, что писатель-классик, в отличие от той дамы из редакции и от своего первого письма, вдруг стал обращаться ко мне на уважительное «Вы» с большой буквы...

Позже, 27 августа, В. П. Астафьев, остановив свой выбор всё же только на «Осаде», писал:

...«Осаду» вместе с двумя рассказами провинциальных авторов я отослал с предисловием в «Новый мир» и пока не знаю, какое отношение тамошних лит. снобов, точнее изображающих оных, к этим материалам. Если не подойдут «Н.[овому] М.[иру]», рассказы передам в другой журнал, всё равно найду им место...

Но рекомендации Мастера так и не смогли пробить в «Новом мире» «снобизм», скорей всего, невзрачного человека со сказочно-былинным именем и почти славянофильской фамилией, который много лет рулил прозой в этом либеральном журнале. Он сам накропал десятка три романов (я начинал два-три читать – не одолел), учил в Литературном институте студентов мастерству, его то и дело упоминали через запятую в критических статьях о «московской прозе сорокалетних» рядом с именами Владимира Маканина и Анатолия Кима, так что снобизм его имел толстые и основательные корни.

Отголоски напрасных хлопот Виктора Петровича обнаруживаются в его письме к литератору В. Болохову от 24 ноября 1992 года (оно, как и одно из посланий ко мне, также опубликовано в книге «Нет мне ответа...»):

Вот перечитал телегу рукописей, выловил из того воза три талантливейших рассказа и со своим предисловием отправил в «Новый мир», увы, их там не приняли, и я передал рукописи в другой журнал...

Я же теперь уже окончательно и бесповоротно избавился от мечты опубликоваться в «Новом мире», осиянном именем великого

Твардовского и былой славой флагмана советской литературы, но в 1990-х становящемся крайне либерально-демократическим, прозападным и тенденциозным изданием. Всё же я понял-убедился окончательно, что, несмотря на свой нейтралитет и нежелание примыкать к какому-либо лагерю двух враждебных направлений в нашей литературе, мне всё же ближе «почвенники-патриоты», чем «либералы-западники». Тем более что с юности уже я был «человеком Достоевского». И вот теперь, по сути, подводя жизненные и творческие предварительные итоги, я даже благодарен судьбе за то, что в своё время не опубликовали меня ни «Новый мир», ни «Знамя», ни «Октябрь» – втянулся бы я в эту компанию и, глядишь, ходил бы сейчас с белой ленточкой на груди и мечтал о том, чтобы Запад усилил санкции против России... Бр-р-р!

А история моих взаимоотношений с «Новым миром» закончилась всё же на мажорной ноте: в его 7-м номере за 1995 год в обзоре периодики А. Василевский (будущий главный редактор) среди заметных публикаций прозы в «Знамени», «Гранях», «Звезде» и прочих либеральных журналах отметил и мою повесть «Прототипы», которая появилась в февральском номере «Нашего современника». И это дорогого стоит: демократический «Новый мир» в те годы уже в упор не замечал народно-патриотический «Наш современник».

Ну а В. П. Астафьеву я, несмотря ни на что, остался благодарен на всю жизнь. О чём свидетельствует пылкое письмо, вложенное в бандероль с первой моей книгой, которую послал я 8 декабря 1993 года в Красноярск:

Виктор Петрович, здравствуйте!

Случилось невероятное: вышла моя первая книжка – да ещё и в таком «красивом» виде. И Вы, Виктор Петрович, имеете к этому самое прямое отношение.

Когда летом прошлого года Вы по-доброму оценили мой рассказ «Осада» и даже вознамерились предложить его «Новому миру», я воспринял это...

Да что там объяснять! Я так вдохновился и чуть поверил в себя, что решился, собрал руко-

Николай Наседкин

* * *

Фирменных бланков с записками-отписками из «Москвы» в архиве моём сохранилось четыре. Первый имеет дату 26 июня

Прошу не обращать внимания на рубрику «Современный детектив» на обложке, моя проза к этому жанру не имеет никакого отношения, это уж издательство для рекламы присобачило. Разумеется, не надеюсь, что Вы прочитаете всю книгу (тем более что несколько рассказов знакомы Вам

16 июня 1992г. с. Овсянково

1989 года, однако в тексте сказано: «В ответ на Ваше письмо сообщаем, что рассказы (четыре) были возвращены Вам 16.9.88 г. с письмом литконсультанта Попова Н. П. заказной бандеролью». Увы, драгоценное письмо литконсультанта (надо полагать – с рецензией-отзывом), получается, до меня не дошло, хотя почта в те годы работала ещё вполне добросовестно. Но что в том отзыве тов. Попова могло быть написано – представить нетрудно: подобными литконсультантскими разборами забита в моём архиве толстая папка.

Разговор не о том. Получается, что уже в 1988 году редакция «Москвы» имела счастье узнать о моём существовании. Хотя, думаю, я и ранее озадачивал «московских» литконсультантов и сотрудников отдела прозы своими литпотугами. Ну не мог же я, пробуя пробиться в «Новый мир» с начала 1980-х, не пытаться достучаться параллельно и в «Москву» («Наш современник», «Молодую гвардию», «Юность» etc.). К тому же, бывало, я и лично заносил рукописи в редакции, а потом забирал обратно – в годы учёбы на журфаке МГУ (1977–1982) и позже, когда жил уже в Тамбове и наезжал то и дело в столицу (что нам в молодости – ночь в плацкарте!). Помню, как однажды, поднимаясь по крутой скрипучей лестнице (редакция «Москвы» располагалась на втором этаже старого арбатского дома), я столкнулся с человеком, в котором сразу узнал тогдашнего главного редактора журнала Михаила Алексеева. Ещё бы не узнать! Герой Соцтруда, лауреат государственных премий, редактор популярного журнала – это ладно, но Михаил Николаевич без дураков был известным и, можно сказать, народным писателем в те годы, его романы «Вишнёвый омут», «Ивушка неплакучая», «Драчуны» и другие издавались миллионными тиражами, читались, экранизировались... Ответив на моё почтительное «здравствуйте», мэтр вдруг остановился и доброжелательно поинтересовался, мол, по какому поводу я осчастливил редакцию своим визитом? Я, воспользовавшись таким благоприятным случаем, уже возмечтал было всучить главному редактору свои литературные поделки, которые нёс

под мышкой, заимев тем самым подарочный шанс на успех предприятия, и робко квакнул: вот, дескать, рассказы принёс...

– А-а-а, это вам, голубчик, в отдел прозы надо, – опять же благодушно сказал Алексеев и в добром настроении продолжил мимо меня сошествие по лестнице.

А я, тяжело вздохнув, безнадежно продолжил восхождение на второй этаж в неприступный отдел прозы.

К слову здесь упомяну, что и в редакциях других журналов доводилось мне сталкиваться мимоходом с главными редакторами, но всякий раз свой шанс я не использовал – не решался, образно говоря, взять главреда за горло и заставить лично прочесть мои опусы. К примеру, Григорий Бакланов, капитан «Знамени», на ходу ответил на моё приветствие в дверях редакции (он выходил, я входил) и, даже и не подумав остановиться (а я-то, избалованный Алексеевым, наверняка этого ждал!), побежал дальше – то ли новую военную повесть писать, то ли выбивать для журнала помещение попросторнее (в ту пору «Знамя» ютилось во флигеле Литинститута)...

А вот с Анатолием Ивановым, бессменным многолетним редактором «Молодой гвардии», я однажды даже в лифте поднимался несколько этажей в их журнальном небоскрёбе на Новодмитровской. Редактор комсомольско-молодёжного журнала был уже довольно стар, лет под шестьдесят, грузен и, в отличие от Алексеева (которому автор романов «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень» не уступал в регалиях и славе), суров на вид. Может, ещё поэтому мне и мысли не пришло подступить к нему с моими машинописными рукописями. Я только робко поздоровался, он как-то строго ответил, и мы, посапывая каждый в своём углу (я тихо и застенчиво, он громко и сурово), благополучно доехали до «молодогвардейских» высот. Там литгенерал отправился в свой царско-редакторский кабинет, а я – в неприветливый отдел прозы...

Но вернёмся к «Москве». Невероятный, просто сказочный шанс появиться со своей прозой на страницах этого чудесного журна-

ла и сразу заявить о себе на весь Советский Союз появился у меня совершенно неожиданно. Как уже упоминалось, я более-менее активно занимался литературной критикой. Началось это ещё в студенческие годы, когда я на втором курсе начал посещать спецсеминар критики Валентина Дмитриевича Оскоцкого. Критические дела мои продвигались неплохо, я уже довольно регулярно публиковал рецензии и литобзоры в популярном еженедельнике «Литературная Россия», одна моя большая рецензия, по сути критическая статья, была опубликована в журнале «Литературное обозрение» – для критиков это всё равно что «Новый мир» для прозаиков и поэтов.

И вот «ЛитРоссия» осенью 1986 года делегировала меня на Всероссийский семинар молодых критиков, который проходил в Доме творчества писателей в Дубултах. Почему молодые критики России собрались на семинар под Ригой – в то время вопросов не вызывало: дома творчества Союза писателей СССР имелись во всех союзных республиках – где хотели, там и собирались. Я попал в группу очень именитого и авторитетного критика Анатолия Ланщикова, а в ассистентах у него был не менее известный Сергей Лыкошин.

И вот здесь вновь придётся коснуться темы противостояния и разделения в литературных кругах. В те перестроечные годы всё более разгоралась в литературе нашей борьба между двумя лагерями-группировками, которая привела в конце концов к расколу Союза писателей, к грязной и шумной принародной драчке. Уже возник тогда, как альтернатива Союзу писателей, пресловутый либеральный «Апрель», который и начал всю эту литбузу...

Так вот, с Ланщиковым, конечно же, приехали в Юрмалу его ученики – московские мальчишки-критики, которые играли в новых славянофилов и числили-почитали Анатолия Петровича своим учителем, наставником, гуру. В первый же день, поднимаясь с ними в лифте, я услышал, как одно из этих снобствующих столичных дарований язвительно изрекло, кивая на меня:

– А вы знаете, друзья мои, что вот этот наш коллега – выученик самого Оскоцкого?

Признаться, я не нашёлся что ответить, только постарался потвёрже глянуть в глаза насмешнику, а его сотоварищи от меня явно отодвинулись. Ну ещё бы! Валентин Оскоцкий как раз и был одним из создателей и лидеров русофобского «Апреля», да и прежде примыкал всегда к либеральному крылу в советской критике. (К слову, и вся кафедра литературной критики на факультете журналистики Московского университета, где Валентин Дмитриевич работал, а я защищал диплом, была по духу западнической, демократической, крайне либеральной.) Так что и реплика юного сноба, и явное отчуждение семинаристов-сотоварищей вполне были мне понятны. Но я и предчувствовал, что они шибко удивятся, когда узнают меня поближе и познакомятся с моим творчеством.

Так и случилось. Когда через неделю подошла на семинаре моя очередь обсуждаться, все выступающие и руководители чуть не в один голос признавались, что мои скромные плоды критического вдохновения их удивили и приятно поразили, и особенно – серьёзное литературоведческое исследование «Герой-литератор в мире Достоевского». И это вполне логично! Ведь это была моя университетская дипломная работа, которая рождалась в жёстких непримиримых спорах с руководителем диплома критиком Игорем Виноградовым (будущим редактором «Континента»!), и меня с ней чуть было на защите не завалили на моей родимой либерально-демократической кафедре...

Короче, в Дубултах я с триумфом был признан как перспективный русский критик и реабилитирован как достоевсковед, новые друзья-товарищи мне улыбались и ласково хлопывали по плечу. Но мне этого было мало. Я-то ведь не случайно прихватил с собой в Прибалтику и папочку с рассказами. А вдруг? И это «вдруг» вот так прекрасно обозначилось-наступило. Дело в том, что Анатолий Петрович Ланщиков, подводя итог обсуждению моих критических опусов, сказал волнительную для меня вещь: мол, критические тексты Николая несут в себе признаки прозы, они зачастую строятся по законам

прозы, и, дескать, не исключено, что когда-нибудь мы услышим о Наседкине-прозаике...

Ну как было после такого не признать-ся в своих писательских потугах и не вручить Ланщикову драгоценную папку с рассказами? Вручил. И...

Ей-богу, сейчас слёзы выступят при воспоминании! Вечером того дня в дверь нашей комнаты, где мы с моим товарищем-соседом скромно обмывали мой критический триумф бутылочкой местной водки (замечательно вкусной – нигде я больше не пивал такой вкусной водки, как в Риге), – так вот, в дверь нашей комнаты постучали. Водку мы убрали (горбачёвский сухой закон в разгаре!), я открыл дверь – Ланщиков и Лыкошин с моей папочкой в руках. И вот следующие четверть часа – одни из самых счастливых минут в моей жизни. Я слушал сладкие слова уважаемых столичных критиков о моих прозаических опытах, что-то лепетал в ответ и потом, ошеломлённый финалом нашей беседы, чуть вообще не потерял дар речи. Анатолий Петрович Ланщиков сказал:

– Я сейчас готовлю как составитель шестой номер «Москвы» на следующий год, где будут только молодые. Вы не против, если я включу ваш рассказ «Супервратарь» в этот молодёжный номер журнала?..

А Сергей Артамонович Лыкошин, который был ответственным редактором «Библиотеки журнала «Молодая гвардия», в свою очередь, огорошил:

– Папку с рассказами я забираю – в следующем году издадим в нашей «Библиотечке» вашу книжку...

Домой в Тамбов я летел на крыльях мечты по страшенной поднебесной выси. Образно, конечно, говоря. На самом же деле я почти сутки трясся на жёсткой верхней полке поезда «Рига – Воронеж», не замечая грязи, холода, пьяного гама в вагоне, моросливого дождя пополам со снегом за мутным стеклом, и грезил о славе. Неужели я – писатель?.. Я фантазировал о журналах, о книгах, об интервью и автографах...

Впрочем, чего уж тут рассусоливать – понятно же, что всё в тот раз мечтаниями

и кончилось. Сперва заколдобило проект с книжкой рассказов в «Библиотеке «Молодой гвардии»». Уже в начале следующего года С. Лыкошин перешёл работать на другое место, но книжку мою в план издания поставить успел. Пару раз мы ещё по телефону общались, раза два я, бывая в Москве, заглядывал к нему лично, Сергей Артамонович каждый раз звонил в «Библиотеку журнала «МГ»», выяснял, как там дела с книжкой Наседкина, ему каждый раз новый редактор отвечал, что всё нормально, книжка ждёт своей очереди...

Так, бедная, и не дождалась!

С «Москвой» надежда теплилась почти до самого финала истории. Беловую распечатку рассказа «Супервратарь» я сразу по приезде домой из Риги изготовил и отправил Ланщикову. Июньский номер сдавался в типографию примерно в начале апреля. В конце марта я позвонил Анатолию Петровичу, услышал от него, что всё идёт прекрасно, номер с моим рассказом составлен и вот-вот будет сдан в производство. Я, задыхаясь от избытка чувств, горячо поблагодарил мэтра и попросил оставить для меня в счёт гонорара аж двадцать экземпляров драгоценного журнала...

Ну чего опять же размазывать – не судьба: как потом объяснил мне Анатолий Петрович, вдруг в последний момент сменился редактор отдела прозы журнала, и новому шефу два-три произведения в подготовленном номере дебютантов категорически не понравились, в том числе и мой «Супервратарь». Скорей всего, этот новый зав. прозой был, что называется, святее папы римского, вернее, патристичнее и, если можно так выразиться, славянофилее Ланщикова, и его, конечно же, не устроил рассказ «из западной жизни» с героями, носящими имена Боб, Дик, Фреди...

Кстати уж, упомяну ещё раз, что многострадальный мой «Супервратарь» через три года должен был появиться в новом толстом журнале «Московский вестник». Рассказ принял к публикации сам главный редактор журнала Владимир Иванович Гусев (в семинаре которого я в то время учился на Высших литературных курсах), его одобрили в отделе

прозы, поставили в ближайший номер и...

Не вышел! Не напечатался!! Застрял!!! Сначала его передвинули, по срочным редакционным причинам, в следующий номер, потом в последующий...

Уже в Тамбове, когда я и ВЛК год как окончил, мне на мой отчаянный запрос ответил первый зам. главного редактора: *«Ваш рассказ действительно одобрен редколлегией. И, естественно, будет напечатан... "стреляться" не торопитесь... "Супервратарь" – это интересно!»*

Увы и ах! К тому времени рассказ уже был опубликован в двух газетах, в журнале «Физкультура и спорт» (тираж – почти полтора миллиона экземпляров!), позже в двух моих сборниках, а вот «толстяка» в его судьбе так и не случилось. Но и правда, не стреляться же из-за этого?

А с «Москвой» новый шанс, как мне казалось, появился, когда в начале февраля 1994 года на 1-м Всероссийском совещании молодых писателей меня по одной книге «Осада», которая к тому времени вышла в столичном издательстве «Голос», приняли в Союз писателей России. Единодушно и единогласно рекомендовали меня принять все четверо руководителей семинара, на котором я обсуждался. Среди них был и Владимир Крупин, не последний писатель в то время и ещё незадолго до того – главный редактор «Москвы». Редакторское кресло он оставил (говорят, по собственной воле), но продолжал работать в журнале заместителем нового редактора. Вот я и решил резонно, что имею полное право, не надеясь на самотёк, собственноручно вручить свою рукопись Владимиру Николаевичу и занять весомый шанс насчёт публикации.

В следующий свой приезд в столицу я прискакал на Арбат, в редакции «Москвы» разыскал Крупина, с пылу с жару вознамерился было, против своих правил, но по московским традициям, облобызаться с ним, однако ж писсоюзный мой крёстный отец (можно ведь и так сказать?), увы, настроение в тот день имел то ли плохое, то ли грустное, особой радости от встречи не выказал и творения мои взять вежливо, но твёрдо отказался: нет, мол,

надо в отдел прозы сдать, у них в журнале, дескать, так принято...

Я и после этого ещё, вероятно, раза два-три посылал в «Москву» (параллельно с «Нашим современником») свои тексты, но уже самотёком, по почте, ещё надеясь на чудо и удачу. И не удержался, заявился опять на Арбат весной 1995-го, якобы для того чтобы забрать залежавшуюся рукопись своей повести «Прототипы». И вот когда зав. отделом прозы (который через полтора десятка лет станет главредом «Москвы») искал в завалах папок и конвертов мою распечатку, смущённо бормоча что-то насчёт того, что он, конечно же, читал мою повесть и не так давно ещё видел её где-то вот здесь, она не потерялась, не волнуйтесь, – я и выдал то, зачем пришёл:

– Да я и не волнуюсь! Повесть эту в февральском номере «Нашего современника» опубликовали... (*Театральная пауза.*) Я просто для интереса хочу взглянуть на отзыв вашего рецензента...

Ну вот зачем мне это надо было?!

Вскоре редакции, экономя на почтовых расходах, окончательно перестали высылать авторам отвергнутые рукописи и даже вовсе отвечать. Энтузиазм мой иссяк.

И вот после многолетнего перерыва я, по какому-то наитию свыше, вновь решил испытать шанс всё же пробиться в «Москву» или ещё раз опубликоваться в «Нашем современнике» и в начале лета 2010 года одновременно отправил почтой в обе редакции новый рассказ «Судьба писателя» и новую повесть «Сто двадцать лет спустя», объединённые общим заглавием-темой «Чеховские мотивы». Попытка не пытка.

Когда через некоторое время я позвонил в отдел прозы «НС», мне заведующий, добрый мой знакомый, с укоризной сказал:

– Ну что же вы, Николай, как можно делать главным героем произведений писателя?! Это мало кому интересно, это только студенты Литинститута могут себе позволить...

И вот с этим я категорически не согласен. Лично я читаю, в той же ЖЗЛ, по преимуществу, только биографии писателей, если из аннотации узнаю, что герой романа или пове-

сти литератор, – непременно начинаю читать, если, собираясь скачать фильм из Интернета, узнаю, что главный герой писатель, – обязательно скачиваю и смотрю... Думаю, таких, как я, десятки, сотни тысяч – все те, кто пробует и уже распробовал свои силы в сочинительстве, для кого литература – главное и самое интересное в жизни, а всё остальное – лишь фон и материал для неё...

Но с заведующим отделом прозы разве поспоришь? В редакцию «Москвы», понятно, и звонить даже не стал.

И вдруг... (О, это сказочное, волшебное «вдруг»!) Вдруг 13 января 2011-го, как подарок к старому Новому году, в квартире моей раздался звонок из редакции журнала «Москва»: ваша повесть «Сто двадцать лет спустя» пойдёт в третьем мартовском номере – срочно пришлите файл с компьютерным набором...

Казалось бы, и тираж у журнала уже далеко не массовый (всего несколько тысяч), и гонорарий стал чисто символическим (тоже всего несколько тысяч), да и повесть моя к тому времени была уже опубликована в «Тамбовском альманахе» – чего ж особо ликовать-то? Ан нет! Когда раскрыл я мартовский номер «Москвы» и увидел на первой же странице свой портрет и начало моей повести – сердце застучало молоточком. Можно было бы здесь над самим собой поусмешничать, поиронизировать (сбылась мечта идиота!), но – не буду. В «Москву»! В «Москву»!.. Этот «чеховский» рефрен столько лет звучал в моей писательской душе, и вот мечта осуществилась. Как же тут сердцу не забиться?

Но и дополнительных поводов-нюансов для авторской гордости именно от этой публикации вполне хватает. Ну, во-первых, повесть моя действительно и в полном смысле слова попала в журнал из самотёка (и ведь полгода лежала, а кто-то из редакционных в конце концов взял да и прочитал!). Во-вторых, этот номер «Москвы» ещё успел одобрить и подписать в печать сам Леонид Иванович Бородин (последний из безусловно авторитетных, с именем, главных редакторов наших толстых журналов). В-третьих, повестью моей

открывается номер (надо ли тут чего объяснять-размазывать?). Ну и в-четвёртых, за всю историю «Москвы» впервые на её страницах была опубликована повесть автора из Тамбова (а я за тридцать лет жизни в этом богоспаемом городе стал-таки тамбовским патриотом).

* * *

К слову, о самотёке и полугоде лежания рукописи...

А ведь с «Нашим современником» всё так же было, и даже в чём-то чуднее. Получив за несколько лет из этого журнала свою порцию отписок-отказов, я осенью 1992 года, окрылённый историей с В. П. Астафьевым, так добро откликнувшись на мою просьбу о поддержке и участии, решил повторно испытать судьбу и обратиться непосредственно и лично к главному редактору «Нашего современника», именитому поэту («Добро должно быть с кулаками!..»), публицисту и критику С. Ю. Куняеву. Я как раз закончил повесть «Муттер», которая и по форме (лирическо-автобиографическая), и, главное, по содержанию, как я считал, в первую очередь подходила именно этому журналу – самому русскому из русских, патриотичному из патриотичных. Письмо моё, к сожалению, не сохранилось, но помню, что упирал именно на это и ещё на то, что великие редакторы славных журналов прошлого (Некрасов, Достоевский) не гнушались лично читать рукописи, предлагаемые неизвестными авторами...

Видимо – проняло. Получил я от Станислава Юрьевича письмо в одну строку на знакомом мне бланке редакции: *«Присылайте повесть на моё имя. Посмотрим».*

Отправив в середине ноября пакет с рукописью, я уже вскоре, перед Новым годом, имел удовольствие читать вердикт главного редактора. Удовольствие от оперативности ответа, но отнюдь не от содержания:

Дорогой Николай! Я прочитал Вашу рукопись, но вынужден Вас огорчить – мне она показалась в большей степени эмоциональной, даже

чувственной, нежели художественно совершенной... Поэтому не обессудьте, что нам приходится рукопись вернуть...

Эк ведь – «не обессудьте»! Ещё бы я стал «обессудивать»... Я просто взял и в следующий раз, ровно через два года, когда вновь решил озадачить «Наш современник» своими литплодами, заслал в редакцию два пакета сразу в отделы, минуя главного редактора. В отдел прозы предложил новую повесть «Прототипы», а в отдел критики – только что законченное исследование «Минус Достоевского»...

И кто бы мог подумать, буквально через пару недель звонит мне заведующий отделом прозы Александр Сегень, писатель уже в ту пору не из последних (он сменил на этом посту зава, который подписывал все прежние отписки), и славно озадачивает: срочно нужно ваше фото – повесть «Прототипы» идёт в февральском номере...

На тот момент у меня уже был опубликован рассказ «Супервратарь» в популярном, но тонком журнале «Физкультура и спорт» и рассказ «Четвёртая охота» в толстом, но ещё малопrestижном журнале «Сыщик». А здесь всё совпало, все пазлы сошлись: толстый из толстых, а уж про престиж и говорить нечего, для русского писателя «Наш современник» – земля обетованная...

Короче, я мигом очутился на седьмом небе от счастья и долго там, в эмпиреях, парил соколиком и опять же пыжился.

Само собой, возомнив, что теперь стану постоянным (и любимым!) автором родимого журнала, я предлагал в «Наш современник» всё, на мой взгляд, значимое, что удавалось родить-написать – повесть «Завтра обязательно наступит», роман «Алкаш» и даже виртуальный роман «Меня любит Джулия Робертс»... Всё это в редакции читалось самым внимательным образом (с пометками на рукописях) и на всех уровнях, вплоть до заместителя главного редактора и (по крайней мере – «Алкаш») самого С. Ю. Куняева. Читаемое «современникам» вполне нравилось: да – читабельно, да – увлекательно, да – сюжетно,

да – современно, да – злободневно, но... Но не в русле и не совсем в традициях консервативного «Нашего современника» – слишком остро сюжетно, чересчур криминально, избыточно «еротично»... Пресловутый неформат.

С «Достоевским» же моим в этом журнале произошло-случилось нечто невероятное, из ряда вон. Сразу после публикации повести как-то неудобно было напоминать и о статье (псевдоинтеллигентность проклятая!), а позже, когда напомнил, выяснилось, что её толком в отделе критики ещё не смотрели... Через какое-то время, заглянув при случае лично в «Наш современник», я, само собой, опять заикнулся о «Минусе Достоевского», начали при мне рукопись мою искать, дабы наконец прочесть внимательно, перерыли все шкафы в отделе и ящики в столах – как в воду канула...

Что ж, бывает. Погоревал я, сел за пишмашинку (компьютера с принтером ещё не было), распечатал новый экземпляр статьи и отправил в воронежский «Подъём». Наш родимый чернозёмный «толстячок», до этого относившийся ко мне довольно прохладно, как раз переживал революционные времена, в кресло редактора сел молодой, энергичный и бунтарски настроенный Вячеслав Дёгтев, который к тому времени и в Москве уже шуму-гаму наделал своим «Манифестом нового поколения», опубликованным в «Литературной России». И вот моя статья-исследование «Минус Достоевского» с довольно острым для того времени подзаголовком «Ф. М. Достоевский и «еврейский вопрос»» появилась-таки в 12-м номере «Подъёма» за 1995 год. Причём название с подзаголовком были вынесены на обложку журнала.

Что ж, надо признать, шуму публикация наделала. Трое из пяти членов редакционного совета «Подъёма» (маститые литераторы, местные классики!) в знак протеста вышли из состава этого самого совета. Об этом скандале писали столичные газеты. Двенадцатый номер «Подъёма» в библиотеках пользовался повышенным спросом, статья моя (знаю из достоверных источников) ксерокопировалась и размножалась. Через несколько лет, в 2001-м,

«Минус Достоевского» в составе моего сборника «Достоевский: портрет через авторский текст» был опубликован в издательстве Тамбовского университета им. Г. Р. Державина.

Казалось бы, всё, судьба этого текста определилась и оформилась – точка. Ан нет, вот тут-то и случилось самое интересное и непредсказуемое. В следующем, 2002-м, году в «Нашем современнике» (№ 8) появилась статья некоего Михаила Назарова «Закон об экстремизме и “Шулхан Арух”». Я редко откликаюсь на какие-либо публикации письмами в редакции, но тут меня, что называется, зацепило, и я 22 октября (то ли журнал с опозданием вышел, то ли я не сразу его прочитал) отправил письмо лично Станиславу Куняеву, где, в частности, писал:

У М. Назарова как-то так получается, что эти беды на Руси проявились только в последнее время, при разгуле «демократического» бесовства. Это совсем не так, всё началось ещё в середине и развилось во второй половине позапрошлого XIX в., что прекрасно видел Достоевский, писал-кричал о «жидовской» напасти, и мало кто сейчас об этом знает. Прикладываю к письму свою статью-исследование «Минус Достоевского (Достоевский и еврейский вопрос)», которую, может быть, Вы сочтёте нужным и возможным поместить в журнале...

Да-да, я и распечатку текста приложил (благо уже принтер с компом имелись – не жалко), и вполне ёрнически удочку насчёт публикации забросил, ни на что не надеясь – захотели бы, ещё в 1995-м напечатали...

Куняев мне не ответил. И вот через полгода, столкнувшись случайно в Москве с заместителем главного редактора «Нашего современника», я услышал от него: в июльском номере идёт ваш материал о Достоевском... Я даже не поверил. И когда дождался седьмого номера, раскрыл и действительно увидел «Минус Достоевского» – тихо прибалдел и скромно порадовался: ну вот, не прошло и десяти лет!

Кстати сказать, если бы тогда, в середине 1990-х, такое произошло – публикация одно-

го и того же произведения в двух журналах, – скандалу бы добавилось, теперь же, в XXI веке, при нынешних мизерных тиражах, эти условности давно исчезли-стёрлись: публикуй один текст хоть в десяти журналах – лишь бы читателей прибавилось...

* * *

За годы нерегулярного, но вполне упорного литтруда одних только журнальных публикаций прозы скопилось более двадцати, а с литературоведческими (в основном по Достоевскому) – и вовсе почти сорок. Вон они, журналы, стоят-теснятся на книжной полке, греют авторское самолюбие – толстые и тонкие, столичные и региональные, престижные и новые, популярные и ещё не очень...

Но если выбирать самую-самую из самых публикацию – останавлиюсь всё же на «Москве». И сама повесть «Сто двадцать лет спустя», перекликающаяся со «Скучной историей» Антона Павловича Чехова, мне особенно дорога, да и, о чём уже упоминал, греет авторское самолюбие в какой-то мере уникальность публикации – если в том же «Нашем современнике» и до меня, и после печатались тамбовские прозаики, то в «Москве» прецедентов не было и пока не предвидится.

Тем более было обидно, когда совсем недавно наша Тамбовская областная библиотека им. А. С. Пушкина, разместив на своём сайте обширный материал к 60-летию журнала «Москва», совершенно забыла упомянуть об этом. Ах вы, сссс...! Впрочем, матюгаться не стал, но не выдержал – написал с укоризной: мол, это же был единственный случай публикации прозы ТАМБОВСКОГО писателя на страницах этого престижного журнала за все 60 лет его истории. Неужели это не повод упомянуть об этом на сайте ТАМБОВСКОЙ библиотеки?

Увы, слаб человек, тщеславен...

2017

Галина НАУМОВИЧ

Родилась в Карелии 16 августа 1946 года. После окончания строительного техникума трудилась на стройке. В 1990 году приехала в Знаменку. Семнадцать лет работала в детско-юношеской спортивной школе. По завершении трудовой деятельности всерьёз занялась разведением цветов и вышивкой. Создаёт удивительные по красоте картины, вышитые цветными нитями и бисером. С 2008 года пишет стихи, а прошедшей зимой попробовала себя в роли автора рассказов. Сегодняшняя публикация – дебют Галины Наумович как прозаика.

Карельские рассказы

МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОЗНАНИЯ СКУДНЫ. ЧИТАТЬ В ДЕТСТВЕ ПРИХОДИЛОСЬ ПО НОЧАМ ВВИДУ ЗАНЯТОСТИ ДНЁМ ПО ХОЗЯЙСТВУ. В НОЧНОЙ ТИШИНЕ СОБЫТИЯ И ПРЕДМЕТЫ РЕАЛЬНОГО МИРА ПЕРЕПЛЕТАЛИСЬ С ФАНТАЗИЯМИ. ТАК РОЖДАЛИСЬ МОИ ПЕРВЫЕ СТРОЧКИ.

ПОКАЗАТЬ СВОЁ НЕХИТРОЕ ТВОРЧЕСТВО МНЕ БЫЛО НЕКОМУ, КАК НЕ У КОГО БЫЛО И СПРОСИТЬ СОВЕТА. ТАКЖЕ МЕШАЛА ВРОЖДЁННАЯ ЗАСТЕНЧИВОСТЬ. ТАК ВТИХОМОЛКУ И УПРАЖНЯЛАСЬ В КРОПАНИИ СТИХОВ И РАССКАЗОВ. ПОЗЖЕ ВСЕ МОИ ТЕТРАДКИ БЫЛИ БЕЗВОЗВРАТНО УТЕРЯНЫ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕЕЗДОВ. НО С ТЕЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ НЕ ПОКИДАЛИ МЕНЯ, И ЖЕЛАНИЕ ИЗЛИТЬ ИХ ПРОСТЫМ СЛОВОМ НА БУМАГЕ НЕ ПРОХОДИЛО.

РОЖДЕНИЕМ НА СВЕТ ЦИКЛА «КАРЕЛЬСКИХ РАССКАЗОВ» Я ОБЯЗАНА СВОИМ БЛИЗКИМ, КОТОРЫЕ ПРИНЯЛИ МОЁ ТВОРЧЕСТВО С ПОНИМАНИЕМ И ИНТЕРЕСОМ. ОСОБЕННО Я БЛАГОДАРНА МОЕЙ ВНУЧКЕ ЮЛИИ ЮРЧЕНКО, КОТОРАЯ НЕ ТОЛЬКО ПОДДЕРЖАЛА МЕНЯ МОРАЛЬНО, НО И ПОМОГЛА В ЛИТЕРАТУРНОМ ОФОРМЛЕНИИ ТЕКСТОВ.

ОСТРОВИТЯНЕ

В северной глуши, среди тайги – огромные пространства светловодных карельских озёр, обильных рыбою; лесов, богатых зверем. Острова драгоценными изумрудами украшают озёра. Девственные леса подходят к самой воде. Одно из чистейших и самых целебных озёр Карелии – Водлозеро. Местные жители, живущие окрест, никогда не знали кожных,

костных или суставных болезней, не носили очков.

Особенно красив остров с Ильинским погостом, на котором в 1798 году топором, без единого гвоздя, зодчие возвели деревянную церковь в честь Ильи Пророка. В праздники и выходные с утренней зарёй над озером гудел разбуженный от дремоты колокол. Волнами неслись удары в поднебесье, замирал звон у материка.

Божий промысел занёс человека и в эти суровые края. На островах, со временем обросших домишками, образовались селения. Население, разбросанное по ним, исчислялось десятками, даже сотнями. Островитяне привыкли к особенностям здешнего климата – зимой не бывает дня, летом – ночи. Народ, не ведавший войн, степенный на вид и смыслённый от природы, занимался мирным трудом.

Работы тут всегда было много, но труд никогда не пугал этих людей. Жили со светлыми помыслами и чистой душой. Сеяли и растили на скудной земле хлеб. Но основные занятия – промысел (охота и рыбная ловля) и собирательство грибов и ягод. Рыбу ловили на утлых судёнышках. Когда попадали в полосу непогоды, держались вблизи островов.

С древнейших времён рыба для жителей островов была основным продуктом питания. В Карелии добывали окуня, судака, щуку, плотву, язя, леща, налима, ряпушку и сига, которых поставляли к царскому двору. Обозами везли рыбу в Санкт-Петербург.

Употребляли рыбу в разных видах – свежую, солёную, вяленую, сушёную. Все части рыбы – молоки, икра, печень, рыбий жир – шли в дело, ничего не пропадало. В голодные годы мололи рыбную муку. Солили рыбу в бочках, укладывая её рядами спинками вниз, обильно засыпали крупной солью и, когда рыба пускала сок (тузлук), сверху клали груз, закрывали и ставили в прохладное место – чулан или сени. Зимой солёную рыбу отваривали, предварительно вымочив, пекли рыбники. И дух при этом стоял специфический, в готовом виде запаха не было. Ели с картошкой, калитками (открытые пироги), расстегаями.

Также на зиму сушили рыбу («сущик», местн.) – на поду в тёплой русской печи, снежок (корюшку) – на железных листах, предварительно выгребали угли и золу. Крупную прорезали по спине, вынимали внутренности, голову оставляли. Затем тщательно мыли и давали воде стечь. Сущик хранили на печи или лежанке в холщовых мешках или плетёных корзинах.

Ещё впрок заготавливали грибы и ягоды. Белые грибы сушили, волнушки и грузди

солили. Хранили в прохладном месте в чанах. Бруснику и морошку заливали сиропом, клюкву ссыпали в кадушки и выносили на мороз. Чернику и малину сушили на противнях в печи.

В праздники и выходные дни хозяйки стряпали, они были искусными кулинарами. Сказывались привычки и вкусы, уходящие в глубокую древность, делали расстегаи, сканцы, рыбники, пироги и калитки с разной начинкой, колобы, «свательные», или сладкие, пироги, которые пекли, чтобы привечать зятя. Была даже пословица: «Когда зять в доме, стены в масле». Пищу либо тушили, либо варили, либо пекли, но никогда не жарили. Мясо было редким гостем на столе большей части жителей островов.

Для печей и бань заготавливали дрова и веники. Берёзы для веников выбирали с «гладышным» (лечебным) листом – с одной стороны лист гладкий, а с другой – пушистый (берёза повислая).

Добраться с острова на остров или материк сухим путём можно только зимой. Обозами прокладывали путь по льду и снегу, дороги метили вехами.

Главная черта островитян – любовь к чистоте, у каждой семьи была собственная баня. В субботний день их топили по-чёрному. Банные печи – каменки – по-местному назывались «камельницы». Их сооружали, укладывая вокруг котла камни, которые проверяли на прочность огнём и водой. Разводили большой костёр и бросали камни в самый жар, затем поливали водой. Не лопнувшие использовали, и они исправно служили потом долгие годы. Топили бани берёзовыми дровами. Они хорошо прогревали, держали тепло, не давали угара.

Общие редкие радости и совместный труд сплачивали людей. Они помогали друг другу Христа ради, никто никогда ни с кого не спрашивал никакой оплаты. Дома были всегда открыты для всех, замков на дверях отродясь не было. Если хозяев не было дома, у двери стоял «батожок» (небольшая палочка). Воровства в наших краях не знали испокон веков. Друг к другу относились доброжелательно, младшие

почитали старших. Учителя и врачи были для остальных полубогами. Я ещё застала те добрые благословенные времена.

После всех жизненных передраг, через которые пришлось пройти моим дорогим землякам, не все из них выдержали тяготы нелёгкой жизни на островах, смогли обрести себя. Многих отвезли на погост, другие покинули родные места в поисках лучшей доли, и нас разметало по свету.

Опустели рыбацьи острова. Осиротели вросшие в землю дома. Остовы лодок, некогда бороздивших седые волны озера, превратились теперь в пристанище чаек. Доволакивают свой век бани, служившие чистилищем душ и тел человеческих. Вид всего этого вызывает невыразимое чувство тоски и печали.

Со временем лес дремучий оденет острова, болота, поросшие вереском, покроются муравой. Как будто и не ступала тут нога человека. Дела рук человеческих пожрут времена времён. Уже другие люди будут удивляться: какой народ тут жил, в каком веке?

Остались ещё часовенки на островах. Неравнодушные земляки установили стелу с картой домов и фамилиями проживавших когда-то на острове Канзанаволок. Теперь здесь

раскинулся Водлозёрский национальный парк. За большие деньги едут сюда иностранцы полюбоваться торжеством первозданной природы этого самобытного края, пока ещё не тронутого цивилизацией.

НЕПРОШЕННЫЕ ГОСТИ

Колгостров – один из многочисленных островов архипелага, разбросанного посреди Водлозера. Расположен он в пятнадцати верстах от материка. Самые яркие воспоминания связаны с этим дорогим моему сердцу краем, потому что тут проходило моё послевоенное детство.

Старожилы сказывали, что зимы в те годы были в Карелии суровыми и снежными. Сугробы нарастали вровень с окнами, которые в карельских домах расположены довольно высоко от земли. Голодно было не только нам, звери стаями рыскали по островам в поисках пищи. Тогда в лесах было больше зверя, чем теперь, и был он крупнее. Несмотря на то, что отстрел был разрешён, убить хищника было делом непростым, так как каждый из них был хитёр – стороной обходил капканы и умело запутывал следы. Но бывалые охотники читали

снег как открытую книгу, разбирая хитросплетения следовых узоров.

В эту зиму охотничьему промыслу сопутствовала удача. Бригада охотников, которую возглавлял Николай Петрович Данилин, недалеко от острова завалила медведя-шатуну. А на колхозную конюшню пожаловала росомаха, проломив раму в окне вместе с решёткой. Хорошо сторож – он же конюх – Егор Ушков в это время обходил свои владения и, услышав беспокойное ржание лошадей, поспешил посмотреть, в чём дело.

В проёме окна ярко светила луна, лошади шарахались из стороны в сторону. Он увидел росомаху, сидевшую на одной из них, впустив ей когти в спину. Ружьё было в руках, и сторож наповал сразил непрошеную гостью. Израненную лошадь позже вылечили.

Мы, гурьба ребятишек, с открытыми ртами издали смотрели на распростёртое косматое страшилище. Рыжее и огромное – как нам тогда казалось.

На острове всю зиму псы лаяли, всматриваясь в темноту. Ночи напролёт были голодные волки. Волнение собак настораживало хозяев. С наступлением сумерек ворота в домах запирались на засов. Поначалу привязанных собак волки загрызали и утаскивали в лес. Почти каждую ночь они подходили к селению и кружили около сараев. Собаками северяне дорожили, их стали запирасть. И они, чуя зверя, глухо скулили во дворах.

Отец каждое утро видел на снегу у ворот волчьи следы. В то время у нас жил пёс по кличке Серый – помесь всех лаек и волка, такие были у многих островитян. Высокий, сильный, молодой, добрый. Службу нёс исправно. Мы с братьями на нём катались, он всегда был рядом. Покорно подставлял свою мохнатую голову, мы его гладили. Высвободившись, он, играя, гонялся за нами. Все члены семьи очень его любили.

Отец решил отвести зверей от дома. Смастерил собаке особый ошейник – широкий, из добротной кожи – и пробил его гвоздями, остриями наружу, чтобы звери не смогли схватить пса за горло.

В один из вечеров он впотьмах привязал Серого у ворот, а сам с двустволкой сел к окну в засаду.

Тёмная ночь опустилась на острова, луны не было видно. Только серебряные звёзды мерцали сквозь редкие облака. Отец бодрствовал на страже. Ждать пришлось недолго, вскоре из мглы во двор метнулась тень. Пёс, оскалась и грозно взыв, зарычал, щетиня шерсть, и отважно бросился на зверя. Встав на задние лапы, они сравнялись и сцепились в смертельной схватке.

Пёс находился в большей опасности, так как был привязан. В порыве глубокого волнения отец выстрелил наугад. Всё разом стихло. Он стал ждать рассвета. Утром вышел во двор и, освежённый после бессонной ночи предрасветным порывистым ветром, с любопытством рассматривал поле ночного боя. Перед ним вертел хвостом изрядно потрёпанный пёс, глядя на хозяина преданными честными глазами. Понюхав, он лизнул отцу руки и лёг.

Перевязав Серому раны, отец с охотниками и сворой лаек отправился по окровавленному следу. Зверь был ранен и опасен, но, как оказалось, уйти далеко не смог. Видно было, что последние метры до берега волк полз. Он лежал, уткнувшись мордой в снег, не подавая признаков жизни. Собаки вырвались из рук охотников и неистово лаяли, бросаясь на мёртвого зверя. Пуля прошла под лопатку.

– Матёрый, – разглядывая тушу, говорили охотники.

За шкуру убитого волка платили какие-то деньги. Отец сиял от счастья. Помню, когда на шестах подвесили её сушить, она как раз была до потолка нашего добротного дома. Мы с интересом рассматривали лапы с когтями, трогали огромные клыки. Все жители острова побывали у нас, рассматривали шкуру, с восхищением и некоторым страхом качая головами.

Сколько было радости у нас, когда, залив раны, наш верный друг Серый вновь гонялся за нами, а мы визжали от восторга и были переполнены гордостью за нашего героического пса.

Вот такой запечатлелась в памяти на всю жизнь та зима.

ЦЫГАНЕ

Наш остров совсем замела и укрыла сугробами метель. Она гуляла в морозном просторе: между небом и землёй вился снежный вихрь. Поутру метели как не бывало. За окном в лучах раннего солнца белела снежная равнина озера.

– Погода наладилась, – проговорила моя бабушка Софья Кузьминична.

Мы с братьями росли подвижными, по возрасту ещё не были обременены занятиями в школе и потому заскучали, проведя по милости метели долгое время взаперти. Теперь, предвкушая возможность порезвиться на воле и впопыхах натягивая одежду, обгоняя друг друга, мы выбежали на улицу, намереваясь излазить вдоль и поперёк свеженанесённые сугробы. Бабушка послала нам вдогонку:

– Снег мерить пошли, явятся «снеговиками».

Как всегда, она была права. С прогулки мы обычно возвращались сосульками, не способными самостоятельно снять одежду, покрывшуюся ледяной коркой. Старшие стаскивали её с нас, а мы забирались на русскую печь и там оттаивали. Потом перебирались на полати.

В этот день нам не повезло: вдали, со стороны Загорья, пересекая закованное льдом озеро по накатанной тверди дороги, быстро приближался к нашему острову не совсем обычный обоз. Вперив взор, мы разглядывали необычное явление – ныряющие на раскатах из сугроба в сугроб, ухающие цыганские кибитки. Почувяв селение, кони подняли головы, заспешили к жилью.

Мы врассыпную брызнули к своим домам, ни на минуту не усомнившись в том, что в этот раз они приехали за нами. Родители неоднократно сулили за непослушание отдать нас цыганам – те, мол, с нами быстро управятся, накажут кнутами.

Собаки лаяли на чужаков во всех дворах. Наш дом стоял возле проезжей дороги, и обычно тут останавливались все проезжающие. Так было и на этот раз. Цыгане поворотили коней к нашему двору.

– Тпру! – раздалось с козел. Кони остановились, цыганки с детьми быстро обошли дома

на острове. Многие были на работе, другие боялись: подать было нечего, а народ чужой.

Цыгане производили впечатление людей, утомлённых жизнью, которая представляла собой полуголодное существование, и удручённых зимними холодами, поэтому они были искренне рады теплу и сочувствию.

Страх перед ожидаемым визитом вынудил младших братьев залезть на печь и там затаиться. Молодой цыган, как потом бабушка рассказывала отцу – «главный», подошёл к воротам и постучал.

– Открыто! – отозвалась бабушка.

Он вырос на пороге дома с морозным ветром, стаскивая с себя лохматую, в иinee шапку и тулуп «в пол». Всё это он положил на скамейку возле двери. Одежда на нём была добротная. Его вид и обращение располагали к доверию. Поборов волнение, которое первоначально охватило меня, я приблизилась к посетителю и, заложив руки за спину, неподвижно его разглядывала.

Цыгану было лет за тридцать. Крепкий, высокий, очень красивый. Чёрная кудрявая голова, огромные тёмные глаза, усов и бороды не было. Белозубая улыбка освещала его смуглое лицо.

– Проходи, проходи, – увещевала бабушка.

Мама возилась у печки. Меня заинтересовали его белоснежные валенки, которые я разглядывала, затаив от восхищения дыхание. Таких я отродясь не видела. Они были выше колен, собранные в складки. Я завидовала цыгану белой завистью – такие высокие голенища были только у рыбацких сапог.

Мой взгляд встретился со взглядом молодого человека. Он наклонился ко мне, потрепал мои волосы и спросил:

– Понравились?

Я, кивнув головой, ответила:

– Ага.

– Откуда путь держите? – спросила бабушка.

– Из Архангельска. – И, помолчав, добавил: – В дальние странствия отправились. Сейчас едем в Куганаволок, но он ещё неблизко.

Бабушка сказала:

– До материка вёрст пятнадцать будет, до

сумерек доберётесь. По озеру дорога вехами обозначена, а снег ветер смёл. – Она подала мужчине завернутый в полотенце свежиспечённый, ещё тёплый каравай.

Он растрогался оттого, что его приветили добрым словом. Окинул нас благодарным взглядом и, на ходу подхватив шапку и тулуп, быстро вышел на крыльцо. Когда он вскочил в кибитку, где его попутчики уже зарылись глубоко в сено и одеяла, обоз на отдохнувших лошадях проворно двинулся дальше.

Эти люди не причинили нам никакого вреда, а нам больше нечем было скрасить их участь. Судьба одарила этот народ удивительными тайнами. Осознавая это, они были довольны собственным укладом и не хотели ничего менять. Где-то далеко, в тёплых краях, их ждала весёлая вольная жизнь.

В морозном воздухе было отчётливо слышно, как фыркали кони, прибавляя шаг. Табор постепенно исчезал из виду, а снег, взвывающийся из-под копыт, заметал следы.

ЛЕСНЫЕ ДУХИ

Потянуло свежим ветром, зыбкий туман сполз с небосвода. Серая мгла стала таять, оседая алмазной росой на землю. В просветлевшем голубом поднебесье с востока выплывает солнце. Первыми лучами поворотила весна к короткому северному лету. «Июнь – ещё не лето, июль – уже не лето», – говаривали старожилы. По-новому засверкала природа, в тёплые дни Карельский край особенно красив. Озёра постоянно разные – то как хрусталь прозрачные, то сизые и буйные. На острова лёг изумрудный ковёр из сочной травы в пёстрых цветах. Тут, как ни в каком другом месте, ощущаешь связь с первозданной природой.

Я росла в окружении братьев застенчивой и дикой, большой мечтательницей, любила уединение. Летом спала на чердаке под пологом на самотканом матрасе, набитом душистым сеном, чуть прикрываясь рядом (домотканое одеяло). В укромном уголке фантазии захлёстывали. В открытом окне мелькали ласточки и тихо щебетали около гнёзд. Они тоже облюбовали чердак и покидать его не собирались.

Так и жили рядом: они не боялись нас, а мы не трогали их гнёзд.

Помню, как-то раз в полдень я собралась сходить в лес на Великое – так называлось болото, растянувшееся на половину острова. Мне на тот момент было лет одиннадцать. Домашним пообещала, что скоро вернусь. Лес на острове я знала хорошо. По дороге, проходящей через него, мы бегали за три километра в школу. Не раз ходила на болото по ягоды, собирала грибы.

Свободная и счастливая, отправилась через поле. Лес, гостеприимно принявший в свои объятия, приветствовал меня шелестом листьев и пением птиц. По знакомой тропинке, здороваясь с деревьями и тихо напевая, спустилась к болоту. Морошка росла на кочках, торчащих из изумрудной трясины недалеко от твёрдого берега, и я могла дотянуться до неё руками.

Доверху наполнив плетёную корзинку жёлтыми ягодами, весело направилась в обратный путь – как мне казалось, в сторону селения. Шла по тропе, скорее похожей на звериную, как вдруг местность вокруг стала казаться мне незнакомой. Я решила сменить направление и продолжить путь, но тут совершенно отчётливо поняла, что заблудилась.

В один миг на меня обрушилась страшная тоска. Вдоль тропинки тянулась бесконечная лесистая равнина. Синеватый прозрачный туман плотно окутал пространство до самых вершин. Деревья, до этого шумевшие на ветру, как море, вдруг стихли, и в воздухе повисла зловещая тишина. Вскоре, словно с цепей сорвалась нечистая сила, среди веток замелькали тени невиданных существ. Я вдруг увидела себя словно со стороны: хрупкая девочка в сужающемся с каждой минутой кольце страшилищ, тянущих со всех сторон свои липкие желеобразные руки. Закрыв от ужаса глаза, я почувствовала, как нестерпимый холод сковал меня. Казалось, что я слышу звуки потустороннего мира, которые то налетали, как волны, то таяли где-то вдали. У меня звенело в ушах, кружилась голова, разум затуманило, а руки-ноги совсем не слушались.

И вдруг я услышала звон колокольчиков. Он доносился откуда-то сверху, быстро при-

ближаясь и усиливаясь. Какая-то невидимая сила резко толкнула меня, и я глубоко вздохнула. Чуть живая и совершенно обезумевшая от страха, будто сбросив неимоверную тяжесть, приходя в себя, я из последних сил ухватилась за цепкие колючие кусты и повисла на них. Не слыша хруста потревоженных мной веток, сама не помнила, как выбралась на узкую тропинку, по которой, было видно, давно никто не ходил. Пёстрая ящерка с длинным хвостом юркнула из-под моих ног. Страх, который сковывал меня доселе, начал проходить, и на смену ему пришло спокойствие, вызванное ощущением, что где-то неподалёку должен быть наш дом. Сидевшая на мшистом пне бабочка легко вспорхнула и закружилась возле меня.

«Откуда тут бабочка?» – подумала я и протянула ладонь. Бабочка доверчиво опустилась на мой палец, обхватив его шершавыми лапками и хоботком ощупывая мои ноготки. «Её привлёк аромат ягод», – подумала я. Своими голубыми крылышками с позолоченной каймой она напомнила мне маленькую фею. Бабочка иногда слетала с руки и кружилась надо мной, а я шла за ней, сама не зная куда. Но вот она взлетела в последний раз и, кружась, стала подниматься всё выше и выше, пока не пропала из виду – растаяла, как светлый дух.

Я растерялась и перепугалась, что опять осталась одна. На глаза навернулись слёзы, и я остановилась. Терзаемая разочарованием и досадой, опустилась на корточки, прислонившись спиной к берёзке. Опустив голову, вспомнила бабушку, которая часто напоминала нам: «Когда отправляетесь в путь – куда бы то ни было – никогда не произносите слова "скоро вернусь". Лесные духи этого не любят: будут морочить и водить, как бы в забытие. А то и того хуже – могут здоровью навредить».

Так со мной и случилось – потешилась надо мной нечистая сила. В удручённом настроении обратилась к Богу: «Боженька, меня дома ждут. Помоги!» Подняла взгляд и застыла от изумления. Оказывается, сижу я на опушке леса, на том самом месте, где в него и входила. Через поле видно было селение. Тут я окончательно пришла в себя, корзинки рядом не было. Меня осенило – бабочка, кем бы она

ни была, указала мне путь к дому. Перевела взгляд в сторону клуба: по флагштоку скользил вниз красный флаг – сигнал, означающий, что время обеда закончилось. В то нелёгкое бедное время часов у островитян не было. Только ходики, да и то не во всяком доме. Поэтому начало и окончание обеда обозначалось подъёмом и спуском флага, который был виден с любой точки острова.

Когда мы остались с бабушкой вдвоём, я рассказала ей о своих блужданиях по лесу. Она очень серьёзно выслушала меня и попросила больше не искушать судьбу и не подвергать себя опасности. Мне было очень интересно, кто же выручил меня из беды, и я спросила об этом бабушку. Она на минутку задумалась, а потом посмотрела на меня и сказала:

– У каждого человека есть свой ангел-хранитель. Вот и мне не раз помогал мой добрый ангел. Он способен творить непостижимое, его нельзя видеть простому человеку, но он всегда рядом, как верный страж. При рождении ангел принимает на своё попечение маленького человечка и оберегает его на всём жизненном пути. А по окончании земной жизни передаёт душу человека на суд Божий.

БЕЗЛЮДЬЕ

Среди величественного безмолвия улавливается холодное дыхание севера. Всё вокруг пребывает в сказочных объятиях зимы. На льдистый покров она разметала белоснежный пух. При малейшем движении порхают ажурные снежинки, сияя в прозрачном воздухе. Озеро превратилось в искрящуюся и переливающуюся хрустально-скользкую долину. Лес, точно выкупанный в жидком серебре, оцепенев, спит на островах. В поднебесье сквозь редкие облака солнечные лучи играют радугой. Хороша Карелия в серебряном венце – жемчужина царства седого Борея! Если это место, озарённое столь очаровательными красками, – не только грёзы, то стоит непременно побывать здесь и, замирая от восторга, воочию полюбоваться красотами северной природы. ■

Декабрь 2016 года

Татьяна БЕРДИЧЕВСКАЯ

НА УХОД ЕВГЕНИЯ ИШУТИНА

Что сказать Вам? Спокойной ночи.
В этом царствии только ночь...
Небо звёздами раззолочено,
И Эпоха уходит прочь
Тех великих, о ком скорбели
Всей страной под стынть ветров,
Всей страной с ними песни пели
И читали лавину стихов!
Вместе с ними солдат из боя
Возвращался всегда живым!
В холода и опальным зноем
Воевала и песня с ним!
И Россия пахала, строила
И ковала мужицкой рукой,
На парады ходила строем!
И гремел оркестр духовой!
Вы тогда ещё были молоды,
Всё цвело и кипело вокруг,
Как булавкою, дружбой сколоты –
Человек вам и брат, и друг!
Вместе с Вами ушла Эпоха...
Ваши звёзды – не звёздная пыль...
Созерцатель последнего вздоха
Белым ангелом в небо поплыл...

* * *

Спасибо, Господи, за эту тишину,
За то, что за окном воркуют птицы,
Что милую для взора сторону
Щекочут солнца золотые спицы;
За мир лесов, далёкое «ку-ку»,
За непреодолимость горизонта,
За то, что прибегая к «языку»,
Мы в слове видим русские красоты;
Спасибо за дожди и за снега,
За то, что день придёт и снег растает...
Спасибо, что ворона петуха
Как ни старайся – не перегорланит;
Спасибо за гарцующую с крыш
Капель, ручьи, распутицу весною;
За то, что ты неистово молчишь,
Когда в молитве говорю с тобою;
За то, что сердце вынуть не могу
И положить на паперть рядом с нищим;
За всё, что в этом сердце берегу...
За то, что сердце снова что-то ищет...
За ветры, за рассветы, синеву,
За разнотравье, изобилие ягод,
За то, что мы любили наяву,
А звон любви таинственен и сладок;
За то, что в спящей почке дремлет плод,
В грибнице гриб, и это ли не чудо?
За то, что время есть «коловорот»,
Оно проистекает ниоткуда...
За то, что нам присуще заполнять
Его делами добрыми, стихами.
За то, что тайну смерти не понять,
За то, что все цветы благоухают –
Цветы и дети радости твоей,
Твоей любви и сила, и причастье!
Я благодарна до исхода дней
Тебе за эту жизнь, земное счастье!

Марина ШЕРЕМЕТА

ТАИНСТВЕННЫЙ ФОНАРЬ У КАМЕННОЙ ЧАШИ

То фейерверком разноцветных листьев, то шопеновской каплей дождя, то тонкой паутинкой лёгкой грусти приходит осень. Неповторимый красочный подарок природы, вызывающий всю гамму самых светлых чувств. Каскады небольших звенящих водопадов, деревянные мостики, пруды, отражающие голубое небо, и покрытые позолотой и багрянцем деревья и кусты. Многоступенчатая пагода и каменные фонари. Всё это искусно вписывается в изящный ландшафт. Многие могут черпать вдохновение здесь, в Японском саду в Москве, благодаря многолетним стараниям его создателя – выдающегося мастера садов Кену Накадзиме. Сад включает в себя духовную идею на материальной основе. В каждую экспозицию заложен глубокий смысл, тайна, и у каждой – своя легенда.

...Среди хвойных деревьев и одинокой сакуры утопает в роскошной зелени каменный фонарь мастера Орибе (Орибе-горо). Такой фонарь всегда устанавливается рядом с

чайным домиком. Согласно легенде, мастер чая Орибе жил в XVI веке в одном из буддийских храмов, но был христианином. В то далёкое время преследовались все религии, кроме буддизма. В нижней части каменного фонаря отважный мастер вырезал распятие, спрятанное от посторонних глаз под листьями растений. Рядом с фонарём располагается каменная чаша – цукубай. По буддийскому ритуалу мастер чая опускался на камень перед чашей на колени лицом к фонарю и набирал воду для чайной церемонии. Никто и не догадывался, что в это время Орибе обращался к своему распятому и во славе воскресшему Богу – Иисусу Христу.

Много воды утекло с того времени через чайные каменные чаши, но и теперь у основания фонаря Орибе всегда изображается условная человеческая фигура...

ТАМ ЦАРИЦЫ СПЯТ И ЦАРИ...

Будто мириады маленьких далёких светил спустились на землю, бережно опоясав стволы и ветви деревьев, фонарные столбы и ажурные решётки ограждений многочисленными разноцветными огоньками. Искрящиеся снежинки белоснежным узором искусно вплелись в зелёную хвою. В огромных серебряных шарах играли перламутром блики ночных фонарей. Праздничная зимняя Москва напоминала сказочное царство...

А если есть царство, значит, должен быть и дворец. Настоящий. Находящийся в некогда

царской подмосковной резиденции Коломенское. Его называли восьмым чудом света – это заново воспроизведённый всего несколько лет назад дворец царя Алексея Михайловича (отца будущего императора Петра I) середины XVII века.

В деревянном кружеве наличников с башенками-куполами и двуглавым орлом со скипетром и державой – гербом государства Российского – на небольшом холме среди вековых деревьев расположились царские хоромы. Цоканье конских копыт и скрип колёс возвещали о приближающейся карете, которая в настоящее время используется экскурсантами для развлекательных прогулок. Поднимаясь по крутым ступеням великолепного образца деревянного зодчества, застеленным красной ковровой дорожкой, начинаешь ощущать себя частью средневековой истории. Здесь жили цари и царицы, здесь утверждались важные государственные законы, принимались иностранные послы и устраивались званые обеды...

Дворец делится на мужскую и женскую половины и хоромы царевичей. В предложенной экспозиции можно проследить на мониторе генеалогическое древо династии Романовых. Скромно и со вкусом яркой мозаикой и росписью с библейскими сюжетами украшены стены и потолки многочисленных комнат. В мужской и женской половинах есть свои молельные комнаты с иконами. Во дворце строго соблюдались все посты и торжественно отмечались праздники. В постные дни царским особам и их приближённым на обед подавалось всего одно или два блюда, в праздники их количество достигало семидесяти. В центре столовой располагается царский трон, в изголовье которого находится икона Матери Божией «Неупиваемая чаша». Вдоль стен столы и лавки для приближённых расположены таким образом, чтобы с любого места можно было хорошо видеть царя-батюшку. Иногда приходилось и кулаками помахать, чтобы занять место поближе к государю. Потолок этой комнаты расписан зодиакальными созвездиями, что считалось символом сочетания земной и небесной власти.

Вот комната, в которой постигались науки, а в другой расшивались иконы золотой

нитью, а вот в этой (небольшой трон с лежащими львами по обе стороны и лавка вдоль стены) обсуждались и принимались законы. Небольшая комнатка-спальня (в каждой половине дворца своя) с маленькой узкой кроватью, в которой спали полусидя, чтобы к моменту пробуждения душа могла свободно вернуться в тело. Есть даже мыльная комната с двумя огромными деревянными кадками по центру. Изразцовая печь с углями, деревянные ступени, берёзовые и дубовые веники – всё очень напоминает нашу сауну.

Хранят свою историю и дворцовые стены. Случайно взгляд остановился на картине с изображением двора перед царскими покоями. Подойдя поближе и вздрогнув от неожиданности, увидели ожившую голограмму – за окном среди деревьев в золоте осенней листвы спешили по своим делам бояре и приказные люди...

ГДЕ ОНО, НАСТОЯЩЕЕ?

До чего же надоели эти примитивные орудия кухонного быта, всевозможные кастрюльки и сковородки, вечные недовольства и непонимание супруга, всю жизнь подчинившего добыванию денег в бесконечном изнуряющем труде. О чём бы ни заходила речь, всё сводилось к шуршащим бумажкам, а жизнь тем временем день за днём ускоряла свой бег к финишной неизбежной черте, за которой неизвестность. Забить бы мысль сковородкой в угол и преспокойненько выполнять роль кухонно-уборочного комбайна...

...Хочу свой мир соткать из чистой мысли, из звонкого журчания ручейка и пения капли, из аромата трав и света ярких звёзд, из...

– Мам, посмотри, деревья там, внизу, такие маленькие. – Требовательно дёрнул за рукав спортивной куртки маленький сынишка. – Мы будто бы летим...

С высокого холма бежит извилистая дорожка через речку в весенний лес, где, затаив дыхание, можно слышать, как пробиваются навстречу солнцу сквозь прошлогоднюю листву маленькие росточки подснежников и первоцветов, лопаются налитые соком земли располневшие почки берёз, оживлённо беседуют на своём языке небольшие стайки диковинных птичек...

– Мам, ты только не плачь, пожалуйста, сегодня. Я скоро вырасту большим и построю космический корабль. И буду командиром экипажа. Мы обязательно вместе полетим к звёздам, – продолжал свои детские размышления сын.

...Жизнь... Где она настоящая? Сыплется время сквозь узкое горлышко песочных часов, безжалостно бороздя лицо и всё сильнее выбеливая виски. Что позади осталось и что ждёт впереди?.. И в очередной раз отправляя изношенное тело ко сну, снова попытаться... к звёздам полететь...

И вот однажды проснуться оттого, что Кто-то тихо постучал в твоё сердце. Вроде всё как всегда, но... в нежном шелесте листвы, в бегущих нам неведомо куда по небу облаках, в лёгком дуновении ветерка вдруг почувствуешь Его следы, и привычные для глаза картины обретут иной, наполненный величием созидательной силы, смысл...

...Благодарю Того, Кто мне помог проснуться. Теперь могу в ковёр свой бытия вплести нить яркую из чувств рождённых и эмоций и осознания пути...

А вечером малыш подарил снимок ночного неба. То были мириады ярких разноцветных звёзд...

МОЯ ПАРАСКЕВА

– Мам, кто это? – с любопытством заглядывая через плечо, поинтересовался пятилетний малыш.

– Это «Странник» художника Василия Перова.

Поселившееся в душе ещё в детстве ощущение странника не давало покоя и в зрелом возрасте. А сколько раз воображение рисовало картину бредущего по бесконечной дороге путника с котомкой за плечами! Детские размышления о том, что если очень долго идти, то можно дойти до калитки, за которой конец света, теперь вызвали невольную улыбку.

– Мам, а мам, а наша далёкая родственница ходила пешком в Иерусалим Богу молиться, – не унимался, прыгая на одной

ножке, маленький сынишка. – Мне бабушка рассказывала. А звали её Параскева.

Дрогнуло сердце. Почему-то раньше об этой истории в семье никогда не упоминалось. Да оно и понятно – отец непоколебимо верил в коммунистические идеи, не признавая инакомыслия.

...Начало XIX века. Моя прапрабабушка (по женской линии), простившись с семьёй, взяв с собой краюху хлеба да пару лаптей, вместе с небольшой группой паломников отправилась в поисках истины в Иерусалим к Гробу Господню. Полгода в пути туда и полгода обратно. Дойдут ли? На всякий случай с родными прощались навсегда. Где пешком, где на подводе, где на ветхом судёнышке добирались они до Священной земли. Непогода, дикие звери, болезни – ничто не смогло их остановить на нелёгком пути. Ночь настигала там, где усталость сваливала с ног. И часто покрывалом служило звёздное небо. В селениях же их с радостью принимали на ночлег, потому что считалось, что паломники приносят в дом счастье. Сердца их горели жаждой истины...

...Параскева. Далёкая и такая близкая моя Параскева. Впервые, может быть, за тридцать с небольшим лет осознанно переступила порог храма. Неспешно стекая, жёлтые пальцы расплавленный воск свечи. Показалось, что странница где-то рядом. Мысль о ней пронзила всё тело множеством мелких иголочек. Горячие слова молитвы через почти 200-летнюю толщу времени заставили сердце биться сильнее. Робко, несмело, слегка стыдливо поднялась в крестном знамении рука. Безудержно покатились слёзы. Смогу ли когда-либо понять истинный смысл жизни? Смогу ли когда-либо оценить её молитвенный подвиг ради будущих поколений?

Непокидавшее ощущение чьего-то пристального взгляда заставило повернуть голову. С иконы на церковной стене... грустно смотрела на меня святая с именем Параскева. Параскева Пятница...

ОТ СУМЫ...

«С праздником», «Подайте на хлебушек», «Помогите сироткам», – жалостливо причитая, стараясь перекрыть друг друга, цеплялись к каждому прихожанину расположившиеся вдоль церковной ограды просители подаяния. На их ладони торопливо опускались мелкие монеты. Войдя в церковные ворота и направляясь к храму по дороге мимо заросших могил старого городского кладбища, я обратила внимание на иссушённого, видимо, болезнью мужчину неопределённого возраста. Он с трудом переставлял искривлённые ноги и волочил за собой пакет с грязными пластиковыми бутылками. И очень захотелось ему хоть чем-то помочь...

...С неподдельным удивлением взглянул он на протянутую ему бумажную купюру и застыл в немой еле уловимой улыбке. На вопрос, почему он не берёт деньги, когда ему дают, ведь общепринято: дают – бери с благодарностью и молитвой, ответил вопросом: «А вы от своих слов не отказываетесь?» Получив утвердительный ответ, засунул руку в карман почти до предела изношенных брюк, извлёк оттуда горсть самых мелких монет и предложил их мне. Немного помедлив под прицелом испытывающего взгляда, положила мелочь в кошелёк. Только тогда и он взял предложенные ему деньги, сказав «спасибо». Я ответила: «Вам тоже...»

ПИРОЖОК С ПОВИДЛОМ

Тихий летний вечер ласково опускался на уставший от дневной суеты город. В сумраке догоравших свечей закончилась церковная служба. Растворился в воздухе сладковато-терпкий запах ладана. Как-то по-особенному сегодня проникали в душу Зинаиды слова батюшки, наполняли её теплом и спокойствием. И очень хотелось подольше сохранить это радостное чувство, медленным шагом отмеряя недлинную дорогу до дома. Не растерять бы, не растряссти.

Не напоминала о себе и мучившая долгие годы головная боль. Вот только предательски давило под ложечкой неведь откуда взявшееся ощущение голода. И Зинаида вспомнила про пирожок с повидлом, которым её угостила знакомая прихожанка.

Но как некстати встречаются редкие прохожие...

А вот за молодой парой – опустевшая улица. До лёгкой тошноты хотелось есть. Оглянувшись по сторонам, она достала из сумочки вкусное угощение. И вдруг заметила у здания, в котором лечат практически безнадежных больных, сидящего на корточках и прислонившегося к стене худощавого мужчину. В его потухшем взгляде отражался серый асфальт. Наверное, он смирился с безысходностью и думал, сколько ему ещё отмерено одиноких серых дней на этой земле. Поравнявшись с ним, Зинаида робко предложила: «Угощайтесь». От неожиданного внимания мужчина резко поднялся. «Благодарствую, благодарствую», – только и смог он произне-

сти, несколько раз поклонившись и неловко стряхнув блеснувшую слезинку... «Как мудр Господь», – подумала она.

ДЕКАБРЬСКОЕ ЧУДО

К Господу и святым угодникам Его мы обращаемся, когда нам плохо, молим о здравии, просим помощи в учёбе, работе, в разрешении сложных житейских и бытовых проблем...

Календарь быстро перелистывает короткие зимние дни. Осталось совсем мало времени до маминого юбилея. Посоветовавшись со взрослыми членами своей семьи, которые давно уже живут самостоятельной жизнью, решили сделать запоминающийся и необходимый юбиляру подарок. Но всё как-то не складывалось, хотя очень хотелось успеть.

Накануне дня памяти святителя Николая, Мир Ликийских Чудотворца, прочитав ему акафист, мысленно попросила помочь нам разрешить проблему. Субботним утром отправились с мамой на оптовую базу выбирать ей подарок – диван. В фойе огромного склада её взгляд зацепился за красивые пейзажи на внушительных размеров картинах из гобелена. «Вот те бы две мне, я уже и знаю, где их повесить в своём доме, но надо выбрать другой подарок, он более необходим», – помыслила она.

В огромных павильонах среди множества различных моделей мы искали диван, который пришёлся бы по вкусу и вписался в интерьер зала. «Смотри, а здесь и иконы продаются», – обратила на них моё внимание мама.

Наконец мы нашли то, что искали, и поняли, что именно эта вещь – наша. Получи-

лось так, что денег хватало ещё и на две понравившиеся маме картины. Оформлявшая покупки менеджер по продажам попросила нас немного задержаться. «Наверное, пошла проверять достоверность пятитысячных купюр», – подумала я... А она несла в руках икону Николая Угодника и от торгового учреждения подарила её маме. От неожиданной радости, захлестнувшего восторга и огромной благодарности у будущей юбилярки перехватило дыхание и выступили слёзы. Она бережно прижала икону к груди...

Благодарим тебя, святой отче Николае! Слава Богу за всё!

ОГОНЬ СВЕЧИ

Человек жив, пока жива память о нём. Перед глазами всплывает картинка из далёкого прошлого. Отец крепко сжимает мою ладошку на майской демонстрации. Вязаная шапочка наползает мне на глаза, в свободной руке – неизменные атрибуты праздника – красный флажок и воздушный шарик. Я улыбаюсь. Тёплый солнечный день. Весёлая музыка, радостный смех настраивают на волну нескончаемого счастья...

А теперь... Спешу к тебе, отец, как когда-то спешил ко мне ты в трудные минуты

моей жизни. Как жаль, что больше никогда не смогу ощутить тепло твоей ладони, тепло щедрой открытой души. Невольно наворачиваются слёзы от всплывшей в памяти фразы любящего родителя: «Дочка, за тебя я готов жизнь отдать...»

Август выдался в этом году сухим. Надо бы полить цветочки. Плотнотрамбовав в рюкзак пластиковые бутылки с водой, быстренько собираемся с мамой и, несмотря на поздний час, отправляемся к месту его последнего приюта на земле. На конечной автобусной остановке на импровизированных прилавках – манящие горы дынь и арбузов. В этом сезоне мы ещё не пробовали дыню, что-нибудь обязательно купим на обратном пути.

Скрученные, слегка пожухшие листики и маленькие разноцветные шляпки на худеньких стебельках астр истосковались по влаге, вытянулся пастернак. Только декоративная капуста да октябринки чувствовали себя более-менее привольно. Смеркалось. Где-то совсем рядом застрекотал сверчок. Жизненный путь убирающей на соседней могилке женщины невидимыми нитями переплёлся с нашим, и она великодушно поделилась с нами свечечкой. Вот читаем молитовку и пойдём домой. А что ещё нужно для бессмертной души, кроме благодарной памяти и горячих искренних слов молитвы? Резкий порыв ветра почти погасил пламя. Но, казалось бы, исчезнув, оно появилось снова. Видимо, отец хотел, чтобы мы задержались подольше. Ну не так уж сильно мы пострадаем, если не купим дыню. Молимся мы за тебя, отец, и ты, если дано тебе, помоги нам в нашей брэнной жизни, столько бы ещё хотелось успеть... А пламя всё упорно сопротивлялось ветру, снова и снова возникая ниоткуда, как будто умоляло нас не уходить. И мы неторопливо вспоминали прошлое, делились настоящим. Вот уже вставили сухую веточку в огарочек свечи, и только тогда фитилёк, покорно склонив головку, сгорел дотла. Пока горит свеча, стучат сердца – живёт надежда на милость Божию... Спокойно как-то стало на душе, появилось чувство внутреннего удовлетворения.

А тем временем, погрузив свой товар, в машину уже садился последний задержавшийся торговец. На нашу просьбу продать маленькую дыньку за имеющуюся у нас единственную сторублёвую купюру вдруг неожиданно выдал нам внушительных размеров «Торпеду». Вся Вселенная, казалось, улыбалась нам. Никогда мы не ели столь вкусной и спелой дыни...

ПОКА ГОРЯТ ОГНИ НА ЁЛКЕ...

Перед самым Новым годом отец, играя роль доброго Деда Мороза, приносил домой лохматую лесную красавицу сосну, которую мы с превеликим удовольствием украшали огромными стеклянными шарами, фигурками сказочных персонажей на металлических прищепках, маленькими кусочками ваты, изображающими снег. Из разноцветной бумаги делали цепочки, вырезали многочисленные флажки и снежинки. Постепенно дом превращался в зимнюю сказку с чудесным ароматом хвои. Красочно наряженная ёлка по заведённому порядку стояла до середины января, и каждый день был необычным, особенным. Долгими вечерами мы с сестрой придумывали разные интересные истории со своими куклами, которых прятали в вату под ёлкой. И ждали, ждали какого-то чуда...

Бабушка предупреждала, что в ночь перед Рождеством огни на ёлке должны гореть до рассвета. Тогда ищущие приюта Мария с Иосифом будут знать, что их с радостью встре-

тят в этом доме. Яркие сверкающие звёзды разноцветными гирляндами удобно расположились вокруг подтянутого щёголя-месяца. Медленно кружась, укрывали землю белой шалью пушистые кристаллики льда. Мы по очереди дышали на замёрзшее окошко, чтобы в образовавшуюся проталинку разглядеть следы на нетронутой белой дорожке. Боялись уснуть и пропустить чудо... Первыми, постукав в окошко, увлекая за собой клубы морозного воздуха, в дверь вваливались ребятишки. Сняв шапки, по очереди, чинно крестясь, они торжественно возвещали о том, что в мир пришёл Спаситель – родился Иисус Христос. В знак благодарности мама угощала их конфетами и пирогами, давала мелкие монеты. Христославы приходили до тех пор, пока в окошке мерцали ёлочные огоньки. Теперь можно было засыпать спокойно...

ХРУСТАЛЬНЫЙ КОЛОКОЛЬЧИК

...В последние дни и часы уходящего года как-то очень быстро и незаметно ускользает время. В предпраздничную картину осталось добавить несколько, но довольно значительных, штрихов: докупить что-то из продуктов и небольших подарочков и ещё символ каждого года – хотя бы маленькую зелёную красавицу с ароматом далёкого детства... Ноги не успевают за мыслями...

...И вдруг взгляд приковал маленький хрустальный колокольчик на витрине церковной лавки торгового центра. Замерло время... «Колокольчик из горного хрусталя тонкой ручной работы, освящён в Покровском мужском монастыре, – объясняет владелица маленького звенящего чуда. – Я, конечно, понимаю, что много денег тратится, чтобы накрыть праздничный стол, но вот послушайте... – И она легонько потрясла колокольчиком из стороны в сторону. – Это отсюда произошло сочетание слов – "хрустально-чистый звон". Он призывает на помощь ангела-хранителя, очищает от нечисти жилище. Когда-то лукавый заменил колокольный звон на звон бокалов...»

...Ёлку можно поставить и искусствен-

ную, радующую уже не одно поколение детей, отсутствие на столе некоторых продуктов не столь важно, а вот маме должен понравиться такой новогодний сюрприз. И когда хрустальный колокольчик осторожно переместился с витрины в дамскую сумочку, на душе стало как-то сразу легко и спокойно...

ЧТО ТАМ, ЗА ЖИЗНЬЮ?

...Самая величественная служба – пасхальная. Торжественная, красивая и необычайно трогательная. Долгим постом, смиренной молитвой и покаянием приоткрывается завеса вечности. Разве можно уснуть в такую ночь! В трепетном ожидании вместе с пробудившейся от зимней дремы природой замерло сердце. На какое-то мгновение остановилась жизнь, чтобы тут же возвестить о своей

бесконечности. В радостный перезвон колоколов сквозь тишину мерцающего мирадами ярких звёзд небосвода вплелись заливытые птичьи голоса. Тысячи горящих в ночи и бережно охраняемых от ветра свечей, тысячи горячих восторженных сердец, крашенные яйца как символ вечной жизни и Истина устами батюшки: «Христос воскресе», и в ответ разноголосое ликующее подтверждение: «Воистину воскресе»... Ласковый весенний ветерок суетливо торопится разнести по свету не постижимую умом Великую тайну, сопричастными к которой становятся в эту ночь все, всё живое. Христос воскресе! Что там, за жизнью? Жизнь...

СЕРОЕ ПЁРЫШКО

Зимы в конце прошлого века на радость детворе были с обильными снегопадами и трескучими морозами. Окна нашего старого кирпичного дома заносило снегом почти полностью, лишь вверху заледенелой рамы оставалась небольшая узкая полоска, через которую проникал в дом дневной свет. Мы с сестрой строили из снега всевозможные кре-

пости и прокапывали тоннели, без усталости скатывались с ледяной горки, которую обычно сооружал для нас отец. Домой возвращались насквозь мокрые и безмерно счастливые. В особо лютые холода, уютно расположившись у огнедышащей печки, слушали бабушкины рассказы.

Однажды бабушка принесла со студёной улицы два серых замёрзших комочка. Это были маленькие воробышки. Она положила их на дощечку на тёплую печь, а мы пытались отогреть птичек своим дыханием. На нашу радость один воробышко открыл глаза, другого же нам не удалось спасти, и мы похоронили его в снегу у калитки. Спасённого назвали Серым Пёрышком, для него нашлась и клетка. С трепетной нежностью мы ухаживали за нашим питомцем, поили из пипетки, кормили остатками пищи, а когда он немного окреп, выпускали полетать по комнате. Очень быстро он стал любимым членом нашей семьи. Проснувшись, мы первым делом бежали

к Серому Пёрышку проверить, всё ли в порядке – достаточно ли воды и пищи, чисто ли в его временном жилище...

Как-то незаметно быстро пролетело время, и весело зажурчали ручьи, зазвенела капель, залихватисто расчирикался и наш воробей. Тогда бабушка сказала, что пришло время, когда мы должны его отпустить на свободу к своим братьям-воробьям. Как же нам не хотелось с ним расставаться... Но вот уже радостное пение нашего друга влилось в общий птичий гам. Он улетел судьбе навстречу, оставив на память выпавшее из крыла маленькое серое пёрышко... **А**

ИЛЬИНСКИЙ ХРАМ

СЕГОДНЯ ИЛЬИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ СТАЛА СВОЕОБРАЗНОЙ ВИЗИТНОЙ КАРТОЧКОЙ МИЧУРИНСКА, ГОРОД НЕВОЗМОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ БЕЗ НЕЁ, КАК БЕЗ ИВАНА ВЛАДИМИРОВИЧА МИЧУРИНА И ЕГО ЯБЛОК.

ИСТОРИЯ ХРАМА

Судьбы церкви и города тесно переплетаются. В некотором смысле Ильинский храм – ровесник Козлова – Мичуринска, ведь одновременно с возведением города в 1635 году согласно царскому указу построено и «царское богомолье, дивичь монастырь пророка Божия Ильи». Этот самый «дивичь монастырь» призван был дать приют осиротевшим жёнам, сёстрам и дочерям тех, кто «служил по Козлову в полковой службе». Иконы на богомолье прислал сам царь Михаил Фёдорович.

Монастырь просуществовал до екатерининской секуляризационной реформы 1764

года, когда было решено в 28 губернских и провинциальных городах оставить по одному третьеклассному женскому монастырю. Ильинский монастырь, не отличавшийся хорошей наружностью зданий и имевший сложности в содержании, был упразднён. Игуменья и монашествовавшие сёстры со всем монастырским имуществом были переведены в Тамбовский Вознесенский женский монастырь. Церковь же становится приходской.

Надо отметить, что в том самом 1764 году, когда храм стал приходским, он серьёзно пострадал при целом ряде пожаров, изнуливших город в июле того года. Богослужения совершать в храме не представлялось

возможности. Потребовался значительный ремонт, после которого церковь была вновь освящена. Но этот ремонт, по всей видимости, решить всех проблем не смог. Здание ветшало. И уже в 1781 году жители Козлова решили строить новый храм.

Ктиторм новой церкви выступил козловский купец Иван Григорьевич Воронов, к моменту закладки здания числившийся во второй гильдии. Проект заказали в Петербурге. Но вот кому?

Согласно распространённой легенде, новый Ильинский храм строился по проекту Франческо Бартоломео Растрелли. Эта версия вызывает сомнение хотя бы потому, что знаменитый архитектор умер за десять лет до составления уже названного проекта. Однако эта легенда оказалась спасительной для храма в 1930-е годы, когда во время гонений на православие его собирались ломать. Тогда этой версией об авторе проекта, не без помощи И. Э. Грабаря, смогли утихомирить прыткость советских властей. Вероятно, что в данном случае искусство-

вед, теоретик искусства и просветитель Грабарь лукавил, но, пожалуй, самым простительным, если не единственно возможным образом, ведь если для спасения оригинального храма нужно назвать его растреллиевским, то значит, так тому и быть.

Если уж как-то связывать Ильинскую церковь с именем Растрелли, то правильнее это делать через кого-либо из его безвестных учеников.

Что же мы знаем доподлинно? Храм строился около двадцати лет. Освящение его главного престола состоялось только в 1801 году.

Жизнь прихода протекала по-разному. Учреждалась при храме богадельня, были пожары (наиболее серьёзные – в 1848 и в 1865 годах), даже на некоторое время прихожане были стеснены приданием храму статуса полкового.

После революции Ильинский храм достаточно долго оставался действующим, хотя, разумеется, уже не принадлежал общине, а лишь «сдавался в пользование». В 1925 году его поставили на учёт как памятник архитектуры. В 1938 году церковь всё-таки закрыли. Здание «явочным порядком» заняла Мичуринская автоколонна под гараж и автомастерские. В 1946 году мичуринцы обратились к уполномоченному Совета по делам РПЦ по Тамбовской области с заявлением о регистрации второй по городу добровольной религиозной общины (первая была при кладбищенском Скорбященском храме) и о предоставлении для удовлетворения религиозных потребностей здания Ильинской церкви. Естественно, верующие обязались «за свой счёт» совершить ремонт, в котором здание нуждалось достаточно остро. В 1947 году был подписан акт «передачи верующим здания Ильинского храма». Однако уже в 1964 году горисполком постановил снова закрыть храм. Свежеотремонтированное здание поступило в распоряжение музея.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Верующим храм был возвращён только в ноябре 1991 года. С этого времени он посте-

пенно начал своё возрождение. С марта 1992 года там совершаются регулярные богослужения. Первая литургия в переданном храме была совершена митрополитом Волоколамским и Юрьевским Питиримом (Нечаевым) и епископом Тамбовским и Мичуринским Евгением (Жданом). В августе 1993 года город Мичуринск посетил Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексей II, который совершил всенощную в нижнем храме Ильинской церкви. К Лазаревой субботе 1994 года был восстановлен и верхний храм. В 1996 году, в Духов день, колокольня Ильинского храма обрела свой голос. В том же году на церковном подворье была построена водосвятная часовня в честь Новомучеников Российских, за Христа в годы лихолетья пострадавших. Со временем и не без труда настоятеля протоиерея Павла Медведева были восстановлены и церковная ограда, и трапезная, и частичные росписи нижнего храма. Приход зажил своей активной жизнью.

В 2012 году на средства прихожан и доброжелателей на территории храма поставлен памятный монумент «Ангел Хранитель православным христианам, в години лихолетий за веру пострадавшим».

В прошлом, 2016 году храм отметил своё 235-летие. К этой торжественной дате на средства мецената – депутата Государственной Думы А. А. Полякова – началась роспись верхнего храма Ильинской церкви. К празднованию юбилея были расписаны трапезная часть и западная стена храмовой части. Росписи получились очень лёгкими и душевными. Многие прихожане говорят, что заходя в храм, чувствуешь, будто попадаешь на небо. В настоящее время работы над росписями храма продолжают.

В том же 2016 году в праздник Вознесения Господня над храмом был воздвигнут новый крест. Старый кованый крест был поднят над храмом более двухсот лет назад. Святыня радовала глаз не одно поколение, стала свидетелем множества событий нашего государства. К сожалению, основания старого креста пришли в негодность от времени, реставрация проржавевшего металла оказалась не-

возможной. Поэтому настоятелем храма протоиереем Павлом Медведевым было принято решение о смене главки и креста. Инициативу благословил епископ Мичуринский и Моршанский Гермоген и поддержал меценат А. А. Поляков. И вот теперь один из самых древних храмов Мичуринска преобразился. Золотой крест ярко сияет над наукоградом.

ПРИХОДСКАЯ ЖИЗНЬ

При храме почти двадцать лет действует воскресная школа. Занятия ведутся в нескольких возрастных группах. Дети не только познают азы православия, но и сами участвуют и в социальном, и в миссионерском служении. Каждый год воспитанники воскресной школы посещают детские дома и дом престарелых в селе Зелёный Гай Мичуринского района. Ежегодно ребята выходят со всеми православными мичуринцами на праздничные крестные ходы. Частыми для воспитанников воскресной школы стали паломнические поездки, как в пределах Тамбовщины, так и в другие регионы. Высокий уровень культурной деятельности воскресной школы позволяет детям быть постоянными участниками епархиальных рождественских и пасхальных фестивалей и концертов.

Протоиерей Павел Медведев

При приходе на протяжении 12 лет работает спортивная секция борьбы, в которой достигнуты прекрасные результаты среди подростков и более старших ребят. На сорев-

нованиях различного уровня воспитанники секции достойно представляют мичуринскую землю и храм Пророка Илии, пополняя копилку побед новыми наградами и кубками. Многие из ребят, придя в секцию борьбы, впервые переступили порог храма и получили опыт воцерковления.

Также на протяжении многих лет при храме действует секция, где ребята обучаются полётам на парашюте. Занятия в этой секции ведёт настоятель Ильинского храма протоиерей Павел Медведев.

За последние несколько лет активно развиваются приходские отделы, такие как социальный и миссионерский. Ведётся активная просветительская деятельность среди прихожан старшего и среднего поколений. В работу отделов вовлекается приходская молодёжь. Для молодого поколения организовываются конкурсы и слёты. Традиционными уже стали встречи, приуроченные к православным праздникам.

СВЯТЫЕ И ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТИЯ

13 мая 2012 года в Ильинский храм была доставлена частица мощей святого преподобного старца Севастиана (Фомина), исповедника Карагандинского. Этот святой подвижник с 1928 по 1933 год нёс служение в Ильинской церкви. В Козлове он вёл активную борьбу с обновленцами. Он поддерживал связь с бывшей в рассеянии братией Оптиной пустыни. В Козлов к отцу Севастиану стали съезжаться сёстры по духу. Первыми приехали инокини разорённого Шамординского монастыря Агриппина, Феврония и Варвара, которые остались с батюшкой навсегда, были рядом в годы его заключения в Карлаге и в Караганде жили до самой смерти. В это время в Козлове проживали и другие иноки и инокини из разорённых монастырей, а также миряне, посещавшие прежде Оптину пустынь. И сердца искренне ищущих спасения неведомой силой влеклись к отцу Севастиану. Это не могло не обратить на себя внимания местных властей. В 1933 году батюшка был арестован и осу-

ждён по статье о контрреволюционной агитации. И в 1934 году отца Севастиана отправили отбывать наказание в Карагандинский лагерь, в посёлок Долинка.

Кроме частицы святых мощей в Ильинском храме пребывают крест и причастная чаша, с которыми служил старец Севастиан в нашем городе.

В августе 2000 года на юбилейном Архиерейском соборе старец Севастиан был прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских. На том же Архиерейском соборе по представлению Алма-Атинской епархии был прославлен в лике святых служивший в Ильинской церкви города Мичуринска (Козлова) с 1932 года и до своего ареста 1 августа 1937 года протодиакон Матфей Васильевич Казарин.

Перед алтарём находится некрополь, где покоятся протоиерей Виктор Медведев, схимонах Николай, схиигумен Поликарп. С дореволюционных времён здесь сохранились могильные памятники Николая Андреевича Придорогина, много лет исполнявшего обязанности церковного старосты, и председателя совета Крестовоздвиженского братства Гавриила Васильевича Комарова. Территория захоронений озеленена газонной травой, возле могил посажены цветы. **А**

Роман ЛЕОНОВ,
председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии, член Союза журналистов России

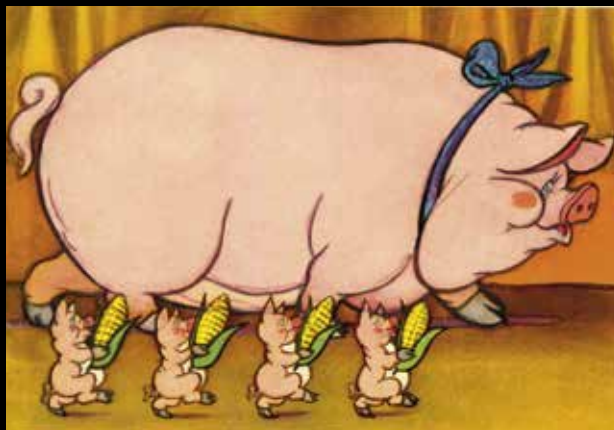

Напрасно, Кукуруза,
Ты ехать собралась.
Послушайся Арбуза –
Останься среди нас!

На юге весь колхозный скот
На кукурузном рационе.
Дай нам его, и через год
Мы будем первыми в районе.

От такого рациона даст
Свинья почти полтонны
Сала, мяса и бекона,
Колбасу, окорока.

Я початок натуральный,
Я продукт универсальный!
Я культура хлебная,
Я и ширпотребная!

Привет тебе, сестрица,
Желанная родня
От северной пшеницы,
Овса и ячменя!
Отныне здесь навечно
Мы дружно заживем!..

Нам про то во сне не снилось,
Что даёт чудесный силос –
кукурузный!

**Из коллекции Александра
Николаевича СЁМИНА**

ГЕРОИЗМ КАЗАКОВ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА НАЧАЛАСЬ СО ВСТУПЛЕНИЯ АВСТРО-ВЕНГРИИ В ВОЙНУ С СЕРБИЕЙ. 28 ИЮЛЯ 1914 ГОДА СОГЛАСНО ПРИКАЗУ КОМАНДОВАНИЯ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ К РУБЕЖАМ АВСТРИЙСКОЙ ГРАНИЦЫ ДВИНУЛАСЬ 2-Я СВОДНАЯ КАЗАЧЬЯ ДИВИЗИЯ.

КО ВРЕМЕНИ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ РОССИЯ ОБЛАДАЛА САМОЙ МНОГОЧИСЛЕННОЙ КОННИЦЕЙ В МИРЕ. В СЛУЧАЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ РОССИЯ МОГЛА ВЫСТАВИТЬ ПРОТИВ НЕПРИЯТЕЛЯ ДО 1500 ЭСКАДРОНОВ И СОТЕН. БОЛЕЕ ДВУХ ТРЕТЕЙ ВСЕЙ РУССКОЙ КАВАЛЕРИИ СОСТАВЛЯЛА КАЗАЧЬЯ КОННИЦА. К НАЧАЛУ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК СОСТАВЛЯЛА 4,4 МЛН КАЗАКОВ.

С Германией царь Николай II надеялся ещё договориться, что было причиной отсутствия каких-либо движений русских войск на немецкой границе. 19 июля (по старому стилю) 1914 года ранним утром все части русской армии получили телеграмму об объявлении войны Германией. Пробуждение и подъём патриотических чувств по всей России явно были выражены в народе. Проводились манифестации, прекратились стачки и забастовки, мальчишки бежали на фронт тысячами. В числе таких мальчишек были будущие маршалы Советского Союза. Александр

Малиновский бросил духовную семинарию и бежал на фронт, Родион Малиновский спрятавшись в воинском поезде и уехал на фронт, Константин Рокоссовский присоединился к части, стоявшей в Польше, и принял участие в боевых действиях, через несколько дней стал георгиевским кавалером. Подвигам мальчишек на фронтах Великой войны нет числа.

Тем временем 2-я Сводная казачья дивизия приняла первый бой Первой мировой войны. Утром 4 августа 1914 года при попытке переплыть реку Збруч казаки понесли первые потери. Хотя в это время Россия и

Есаул В. Д. Гамалий

Австрия не были в состоянии войны. Только спустя двое суток представитель Вены граф Фридрих Сапари вручил ноту об объявлении войны. Так начались первые дни сражений, когда донским, терским и кубанским казакам противостояли четыре гусарских полка 5-й кавалерийской дивизии Австро-Венгрии. Первыми в Великой войне врага встретили казаки и одержали первую победу. Генерал П. Н. Краснов в своих произведениях писал: «Венгерская конница поразила своею доблестью в конных атаках. Шла на пулемёты в сомкнутых строях... Затем приняла атаку конных линейных сотен... Искусством и необычайною храбростью линейных офицеров и казаков она была побеждена, опрокинута и доведена до паники... а ночью совершенно разгромлена у Сатанова».

При изучении истории Первой мировой войны встречаются материалы военных историков и документалистов

о том, что за время хода войны, до событий 1917 года, среди казаков не было ни одного дезертира. Такое обстоятельство в военной мировой истории не имеет аналогов!

ПОДВИГИ КАЗАКОВ

Казаки показывали индивидуальный и массовый героизм в Великой войне, совершали многочисленные подвиги. Первым георгиевским кавалером этой войны стал донской казак Козьма Крючков, получивший Георгиевский крест 4-й степени. Героическое событие произошло ещё в начале августа 1914 года в Восточной Пруссии. Находясь в разведке вместе со своими тремя товарищами, он атаковал немецкий разъезд из 27 кавалеристов. Показывая мастерство владения холодным оружием и верховой езды, храбрость и лихость, казак Козьма Крючков лично зарубил шашкой и заколол пикой одиннадцать врагов. Подоспевшие на помощь друзья в ходе боя обратили в бегство оставшихся врагов, а сами доставили израненного Козьму в сотню. В ходе войны казак Козьма Крючков стал полным кавалером Георгиевского креста.

Первым полным георгиевским кавалером в Великую войну стал казак Миасской станицы Оренбургского казачьего войска Иван Васильевич Пашнин. Служа разведчиком 3-го Уфимско-Самарского казачьего полка, он добывал и передавал в штаб дивизии важные и ценные сведения. Главнокомандующий русской армией Николай Николаевич Романов лично подарил герою чистопородного строевого коня. Не остались в стороне и земляки, которые вручили И. В. Пашнину именное оружие, с которым он прошёл всю мировую и Гражданскую войны. После событий 1917 года и дальнейшей борьбы в рядах белого движения есаул И. В. Пашнин вместе с остатками армии Колчака убыл в эмиграцию в Харбин.

Период боёв в Восточной Пруссии ознаменовался первым награждением офицера русской армии орденом святого Георгия Победоносца 4-й степени, кавалером которого стал хорунжий 1-го Донского казачьего полка донской казак Сергей Владимирович Болдырев. «За то, что 20 августа 1914 года при набеге на Алленштейн, высланный на утомлённых лошадях в разведку, проник в середину передвигающихся частей противника, где неоднократно был преследуем, даже окружён, но, тем не менее, доставил своевременно важное донесение, чем значительно помог своему отряду» – так сказано в приказе о награждении и присвоении чина «сотник».

У. Черчилль в статье, опубликованной в мае 1930 года в газете «Дейли телеграф», отметил:

«Надо признать справедливым промелькнувшее одно время в иностранной военной литературе выражение, что сражение на Марне, или, как его называют, "Чудо на Марне", было выиграно русскими казаками. Последнее, конечно, надо отнести на счёт пристрастия иностранцев к употреблению слова "русский казак", но сущность всей фразы верна. Да. Чудо на Марне было предпринято двадцатого августа на поле встречи Семнадцатого немецкого и Третьего русского корпусов».

Подвиги казаков в Первой мировой войне были многочисленны, что говорило не только о высоком мастерстве в военном деле, но также о силе казачьего духа и любви к Отечеству. Преданное служение государю, долг перед своим родом и вера в Бога были лавиной, сметающей все преграды на пути.

КАЗАЧЬЕ БРАТСТВО

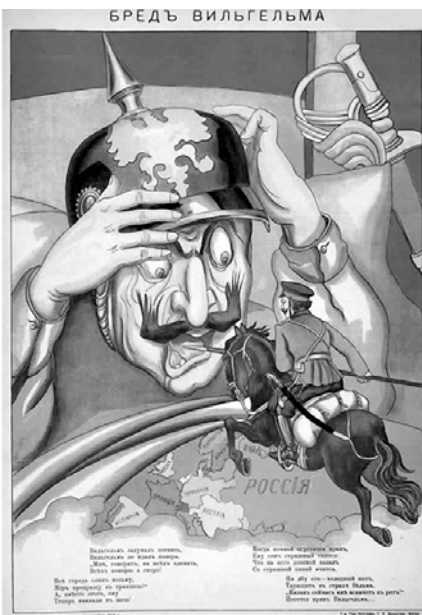
Яркие примеры героизма и подвигов показывали казачьи соединения и корпуса. Знаменитая «Волчья сотня» атамана А.

Первый Георгиевский кавалер Великой войны среди офицеров, казак, хорунжий 1-го ДКП. Болдырев Сергей Владимирович

Г. Шкуро навевала страх на немцев. Диверсионная деятельность Кубанского конного полка особого назначения с чёрным знаменем, на котором была изображена волчья голова, наводила ужас в рядах немецких войск. Атаман Шкуро был объявлен немцами «врагом № 1». Казачий спецназ бил противника от Минской области до Южных Карпат, проявляя дерзость и смелость в боях.

Неувядаемой славой покрыла себя 35-я отдельная Донская казачья сотня, входившая в состав 4-й стрелковой «железной» бригады А. И. Деникина. Так, казак этой сотни Л. Медведев, будучи в разведке, один взял в плен 35 австрийцев и доставил в штаб бригады; старший урядник казачьей сотни Козьма Аксёнов с десятью казаками привёл из разведки 85 пленных австрийцев. Только за два месяца боёв казаки этой сотни пленили 180 вражеских солдат, при

Иван Васильевич Пашнин

этом сами потеряли лишь восемь казаков. Пример казачьего героизма можно взять из Галицийской битвы. Австрияки прорвали фронт 8-й армии Брусилова, и тогда командарм направил к прорыву последний резерв – казачью дивизию А. М. Каледина (донского казака, будущего донского атамана). Приказ А.А. Брусилова содержал слова, говорящие не просто о подвиге, а о героизме, который имеет свою задачу и цель: «12-й кавалерийской дивизии – умереть, но умирать не сразу, а до вечера». Казачья дивизия А. М. Каледина держалась, и в то же время командир понимал, что в обороне противник его просто раздавит. Он собрал все силы и казачьей лавой бросился на наступающего врага, возглавив атаку лично. Австрийцы в панике покатались назад, не выдержав психологически такого натиска.

Также в тылу врага действовали партизанские казачьи отряды, которые сеяли панику в рядах неприятеля, совершали

диверсии, громили гарнизоны. К примеру, в селе Кухтонская Воля партизаны разгромили гарнизон, уничтожив 400 человек, а личные потери составили одного убитого, тридцать раненых и двоих пропавших без вести.

Линии фронтов Первой мировой войны проходили также на юге России, образовав Кавказский фронт. В Месопотамии Персидский корпус генерала Н. Н. Баратова (Бараташвили), сотня кубанских казаков есаула В. Д. Гамалия и другие казачьи соединения вели бои, совершая подвиги. Есаул В. Д. Гамалий получил орден Святого Георгия 4-й степени, а также британский орден. Офицеры всей сотни были награждены золотым Георгиевским оружием, а нижним чинам вручены Георгиевские кресты. Это второй случай, когда георгиевские награды были вручены целому подразделению. До этого такой чести был удостоен только экипаж крейсера «Варяг».

Разгром туркам под Ардаганом учинила Сибирская казачья бригада Калитина (1-й и 2-й полки Сибирского казачьего войска). Очевидец разгрома писал: «Сибирская казачья бригада, словно вынырнув из-под земли, сомкнутым строем, с пиками наперевес, широким наметом, почти карьером так неожиданно и резко атаковала турок, что они не успели защититься. Это было что-то особенное и даже страшное, когда мы смотрели со стороны и восхищались ими, сибирскими казаками. Покололи пиками, потоптали конями турок, а остальных забрали в плен. Никто не ушёл из них...»

Весной 1915 года казаки принимали участие в спасении армян от турецкого геноцида. Крупнейшее восстание армян в г. Ван было поддержано русскими войсками. Тем самым они не только оказали помощь в восстании, но и спасли от гибели местное население, организовав его эвакуацию. Очевидец писал: «В панике отступая с огромными стадами скота, повозками, женщинами и детьми, эти беженцы, подгоняемые звуками выстрелов, вклинивались в войска и вносили в их ряды невероятный хаос. Часто пехота и конница превращались просто в прикрытие этих кричащих и плачущих людей, опасавшихся наскока курдов, которые вырезали и насиловали отставших и кастрировали русских пленных». Здесь воевал отряд под командованием терского казака Баратова, кубанские пластуны и забайкальские казаки.

О подвигах казаков в годы Первой мировой войны можно рассказывать долго, что не позволяет ограниченное пространство журнала. Фамилии и имена казаков вписаны в историю Российского государства, казачества, родных хуторов и станиц. Если у вас возник интерес к этой теме, обратитесь к книгам о Великой войне, а лучше – к воспоминаниям самих участников забытой войны, о которой мало знает не только молодое, но и старшее поколение. **А**

Игорь МАРТЫНОВ,

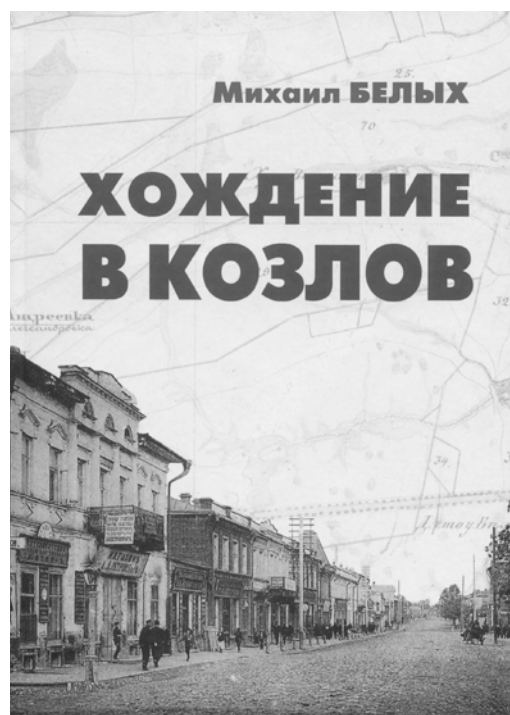
войсковой старшина, заместитель атамана
Тамбовского отдельного казачьего общества

В НОВУЮ КНИГУ ИЗВЕСТНОГО МИЧУРИНСКОГО ЖУРНАЛИСТА, КРАЕВЕДА МИХАИЛА БЕЛЫХ «ХОЖДЕНИЕ В КОЗЛОВ» ПОГРУЖАЕШЬСЯ, КАК В ТЁПЛУЮ, ПРИЯТНУЮ РЕКУ, ИЗ КОТОРОЙ ДОЛГО-ДОЛГО НЕ ХОЧЕТСЯ ВЫХОДИТЬ НА БЕРЕГ. ВСЁ ПЛЫЛ БЫ СЕБЕ ДА ПЛЫЛ, ЧИТАЛ БЫ ДА ЧИТАЛ, НАСЛАЖДАЯСЬ НЕСПЕШНЫМ ТЕЧЕНИЕМ ВОДНЫХ СТРУЙ, ПЕРЕЛИВАМИ ИХ КРАСОК, ТО БИШЬ КНИЖНЫМИ СТРОЧКАМИ, СЛИВАЮЩИМИСЯ В КОМПАКТНЫЕ, НЕСУЩИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ МЫСЛЬ И СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВЫ.

Не изменяя своей сложившейся традиции – рассказывать о событиях и явлениях многолетней давности как бы со стороны, с позиции летописца-наблюдателя, – автор тем не менее ухитряется быть и участником тех «давно минувших дней», чувствовать их с предельной чёткостью, как полноправное действующее лицо.

Вот описание старинных козловских булочных и кондитерских, где всего в одном маленьком абзаце содержится максимум нужной информации и дана исчерпывающая характеристика «товарам местного производства». Читаем. «Качество произведённой в Козлове муки гремело по всей России. Даже знаменитый московский булочник Иван Филиппов приобретал муку именно в наших краях. "У меня покупной муки нет, – говаривал он, – вся своя, рожь отборную покупаю на местах, на

мельницах свои люди поставлены, чтобы ни соринки, чтобы ни пылинки... У меня всё больше тамбовская, из-под Козлова, с Роминской мельницы идёт мука, самая лучшая..."»

И это не голословное, самим писателем придуманное утверждение. Тут же даётся библиографическая ссылка, откуда взята приведённая цитата: «Гиляровский В. "Москва и москвичи", М., 1998, с. 198». А уж Гиляровскому-то, знаменитому на всю Россию «дяде Гиляю», бывавшему, кстати, и в наших краях, можно ли не верить?

Интересную я заметил вещь: Михаил Белых и в этой, и во многих предыдущих книгах о козловской старине безошибочен в выборе темы. Ориентир тут, думается, у автора один: то, что интересно ему, будет интересно и читателю. Сумей только подать сюжет ярко и увлекательно. Давно и плодотворно работающий над архивными документами автор шестнадцати документальных и художественных краеведческих книг Михаил Петрович Белых делать это умеет. Причём открывает он в своих изысканиях и такие страницы, которые далеко не всем коренным мичуринским старожилам известны. Например, глава «Козловские иностранцы». Многие ли из нас знают, что на протяжении десятилетий в Козлове бок о бок с представителями титульных народностей жили и трудились выходцы из стран Западной Европы, осевшие на Тамбовщине, пустившие здесь свои корни и даже нашедшие свой последний приют в одном из городских некрополей?..

Писатель приводит их имена и сохранившиеся сведения об этих людях. В числе оставивших добрый след на родной нам земле представитель римско-католического вероисповедания инженер-механик Михаил Фёдорович Кнорре (в его честь горожане даже негласно нарекли газовый завод, некогда расположенный при станционных путях станции Козлов I), уроженец Шотландии инженер-железнодорожник Генри Самуэль Грунди и его жена Амалия Фёдоровна, владелец колбасного производства на Московской улице германский подданный Георг Иоахим Вагнер, французские граждане, совладельцы извест-

ного в их пору садоводства Роман Александрович Дюльно и его супруга Анна Гиляровна. Далее следует подробный рассказ обо всех этих колоритных личностях.

Книга «Хождение в Козлов» (хорошо было бы, кстати, дать заглавие в старинном написании: со знаком «ъ» в наименовании города – «Козловъ», чтобы исключить двусмысленность для иногородних читателей, не знающих прежнего названия Мичуринска) содержит и украшающие её элементы экзотики. Таков раздел «Пешком вокруг света» о следопытах-одиночках и целых туристических компаниях, одержимых жаждой получения новых познаний на личном опыте, месяцами путешествующих по белу свету. Побывали, оказывается, тогда и у нас американцы и китайцы, французы и представители иных стран – кто в качестве «чистых» туристов, а кто и с авантурными целями, нужно сказать, плохо для них заканчивающимися. Как именно? Читайте книгу – узнаете.

Делает автору честь и то, что он без ложной стыдливости, без известной «фигуры умолчания» повествует в книге не только о светлых, радостных и приятных для потомков фактах, но и о тёмных сторонах вовсе не такого уж богобоязненного и законопослушного Козлова, каким он предстаёт со страниц иных периодических и капитальных изданий. Немало водилось в самом городе и особенно окрест лихих людишек, на чьей совести осталось и воровство, и грабежи, и даже лишение жизни ни в чём перед ними не повинных мирных граждан. Вспомним раздел книги «Пригородный "Корёк"», где описывается одно ныне совершенно забытое урочище вблизи Козлова, наводнённое местными «золоторотцами», короче говоря, обнищавшей босотой – вечно пьяной, бесшабашной, готовой и вагоны проходящих товарных составов «ревизовать», и расположившихся у реки семейных отдыхающих умело лишить прихваченных ими из дома на пляж коврика, самовара, чайной посуды...

Подозрительные места тайных свиданий с барышнями лёгкого поведения располагались не так уж далеко от бывших гостиниц

«Трансвааль», «Московской», «Центральной». Видимо, полицейский надзор – не безвозмездно! – закрывал глаза на чинившийся разврат, а местное начальство проявляло долю известной «заботы» и о земляках, и о гостях, желающих поразвлечься вдали от дома по полной программе!

Но, конечно, не это главное в писательском сборнике М. П. Белых, приведённые выдержки – это лишь беглые детали, некие фрагменты цельной книги. А главную её суть составляют рассказы, жизнеописания таких прекрасных людей, как замечательный козловский художник Сергей Иванович Криволицкий, давший со своей лёгкой руки путёвку в жизнь целой плеяде ставших широко известными художников – портретистов и живописцев.

Это рассказ и о другом нашем земляке – герое русско-турецкой войны 1877–1878 годов, почётном гражданине болгарского города Лома генерал-майоре Павле Дмитриевиче Нечаеве, который незадолго до смерти объявил своим душеприказчикам, что завещает все средства малой родине, «дабы употреблены они были на строительство в Козлове и уезде сельскохозяйственной школы, приобретение сельхозинвентаря и содержание учащихся». Как не восхищаться величием и благородством такого человека? И мы восхищаемся вместе с автором.

Касаясь более близкого исторического периода, М. П. Белых с подлинно научной скрупулёзностью по проверенным и перепроверенным датам и фактам прослеживает жизнь и судьбу удивительного человека – одного из первых российских контрразведчиков Алексея Николаевича Луцкого, родившегося в 1883 году в многодетной семье козловского нотариуса, со временем героического участника русско-японской войны, ставшего впоследствии надёжным соратником Сергея Лазо, начальником иностранного отдела красноармейского Военного Совета Приамурья, трагически погибшего по вине японских интервентов в мае 1920 года. Человек, в честь которого названы улицы во Владивостоке и Мичуринске.

Полновесной книгой «Хождение в Козлов» писатель, журналист, краевед Михаил Белых вносит достойный вклад в историографию, культурную и библиографическую жизнь города. Этому сборнику – не приходится сомневаться – суждена долгая жизнь. Его просто необходимо прочитать всем мичуринцам – взрослым и детям – хотя бы для того, чтобы лучше понять преданья старины глубокой, без знаний которых куда как труднее входить в будущее. **А**

Валерий АРШАНСКИЙ,
член Союза писателей России

ЛЕОН ГУРДЖИЕВ

РАЗГОВОР С МАСТЕРОМ

В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ЭПОХЕ ИСКУССТВО ИКОНОПИСИ АКТИВНЕЕ ВСЕГО РАЗВИВАЛОСЬ В ВИЗАНТИИ, И ОДНИМ ИЗ САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ СПОСОБОВ СОЗДАНИЯ ИКОН ТОГДА БЫЛА МОЗАИКА. В РОССИИ ПОДОБНЫЕ РАБОТЫ – БОЛЬШАЯ РЕДКОСТЬ. ОДНАКО МОЗАИЧНЫЕ ИКОНЫ И ПАННО ЕСТЬ И В МИЧУРИНСКЕ И МИЧУРИНСКОМ РАЙОНЕ – НА ФАСАДАХ БОГОЛЮБСКОГО И ИЛЬИНСКОГО ХРАМОВ, ЦЕРКВИ СЕЛА НОВОЕ ХМЕЛЕВОЕ. ОНИ НЕ СТОЛЬ ДРЕВНИЕ, КАК СТЕНЫ ГОРОДСКИХ СОБОРОВ, НА КОТОРЫХ ВЫЛОЖЕНЫ, НО ИХ КРАСОТА И УНИКАЛЬНОСТЬ ВИДНЫ ДАЖЕ ЧЕЛОВЕКУ НЕПОСВЯЩЁННОМУ. МАСТЕР, ИХ СОЗДАВШИЙ, – НАШ СОВРЕМЕННИК, УРОЖЕНЕЦ И В ПРОШЛОМ ЖИТЕЛЬ ДУШАНБЕ, НЫНЕ ЖИВУЩИЙ В НАУКОГРАДЕ, ЛЕОН ГУРДЖИЕВ.

Фото Вадима
Гранитова

БИОГРАФИЯ И ГЕОГРАФИЯ

– Леон Иванович, вы прекрасно выглядите для своих семидесяти восьми лет. Есть какой-то секрет?

– Секрета нет. Думаю, это спорт, с которым я дружил лет 30, в молодости был капитаном республиканской сборной Таджикистана по футболу. И всю жизнь занимаюсь любимым и интересным делом – пишу картины, выкладываю мозаику.

– С творчеством вы также связаны с молодости...

– Да. Я с отличием окончил Душанбинское художественное училище по специальностям «преподаватель черчения и рисования» и «художник-оформитель». Преподавать не пришлось, зато профессиональный стаж художника больше 60 лет, основное моё творческое направление – мозаика. Я работаю в этом «жанре» с 1968 года.

– Вы стали заниматься мозаикой, потому что для Востока это, скорее, традиционное искусство?

– Это вовсе не главное. В СССР в 60-е годы на мозаику указали «сверху»: тогда любое строительство общественных сооружений, по мнению партийного руководства, должно было включать элементы монументализма. Мозаика как нельзя лучше вписалась в указ. И потом при всей своей явной монументальности она оказалась менее трудоёмкой и затратной, нежели скульптура. Иногда с её помощью пытались маскировать ляпы в строительстве и подправлять неудачные архитектурные проекты. Очень быстро спрос на картины из камня стал огромным, появилась даже мода на них. Я случайно оказался в числе тех, кто начинал осваивать эту технику. У меня стало получаться. Причём замечу, что желающих работать в этом направлении было немного...

– Мало платили?

– Да что вы, наоборот! Эта работа оплачивалась высоко: за квадратный метр готового полотна с многофигурной композицией платили 67 рублей. В день я мог сделать и четыре квадрата. Заказы были на пару лет

вперёд. Мой средний ежемесячный заработок составлял более 1000 рублей. Для СССР того времени – невероятные деньги. Но это каторжный труд, как правило, на высоте и под палящим солнцем при жаре 45 градусов в тени. Не каждый выдержит. Пробовали многие, но многие и бросали. Среди заказчиков была и партийная номенклатура, и творческая интеллигенция Средней Азии. Очень быстро моя фамилия стала хорошо известной и за пределами Душанбе.

– У вас красивые имя и фамилия, как раз под стать художнику...

– Это древняя армянская фамилия. «Гурдж» в переводе на русский – «грузин». Мой отец был шестнадцатым ребёнком в семье. Став взрослым, работал коммерсантом, потом ушёл на войну, в конце попал в плен, освободившись, естественно, получил срок: десять лет отсидел в лагерях. Потом его реабилитировали. Мама – русская, она с Кубани, окончила Екатеринодарский институт благородных девиц, была прекрасно образованна, работала преподавателем, служила сестрой милосердия. Нас в семье было четверо: три брата и сестра. К сожалению, расти рядом с родителями никому из нас не было суждено...

– Вы пишете ещё и замечательные рассказы, они есть в Интернете. Я прочитал в одном из них, что вы с братом воспитывались в Душанбинском детском доме для одарённых детей...

– Да. Только тогда он назывался Сталинабадским (Душанбе с 1929 по 1961 год назывался Сталинабад. – Прим. ред.). Началась война, отца забрали на фронт, неожиданно мама заболела: грипп с осложнениями – отказали ноги, она оказалась прикована к постели. Через каких-то своих знакомых сумела устроить нас с братом Вартаном (мы близнецы) в детдом. Туда отбирали детей со всей республики, этот детдом просуществовал недолго – лет двенадцать. Мы потом посчитали – человек 150 его воспитанников стали людьми известными. Несмотря на непростое «казённое» детство, у меня

остались добрые и светлые воспоминания о нём. Но это уже другая история...

– **А ваш брат тоже стал художником?**

– Вартан окончил Ташкентскую консерваторию, он лауреат двух всесоюзных конкурсов музыкантов-исполнителей. Сейчас живёт в Германии, до сих пор даёт частные уроки.

ПРОЩАНИЕ С СССР

– **Вам пришлось уехать из родного Душанбе из-за национальных проблем?**

– Нет, хотя таковые в 90-е годы там действительно появились, но меня они не касались. Я уже сказал, что был достаточно известным и востребованным благодаря своей профессии человеком. На Востоке отношение к художникам, врачам и священникам особенное. Да и уехал не сразу. В 1994 году прилетел в Москву – у меня должна была состояться встреча с итальянцами. Я занимался обработкой камня, собирался показать им свои работы и убедить их открыть в Таджикистане производство по камнеобработке. А в Мичуринске работал мой товарищ, делал иконостас в Боголюбском соборе. Я заехал к нему в гости, увидел храм и был поражён его красотой. Познакомился с тогдашним архиепископом Тамбовским и Мичуринским Евгением, который тепло меня принял, а узнав мою специальность, попросил помочь в восстановлении церкви. Заказов планировалось много. Я согласился. Но приехал чуть позже.

– **Почему?**

– В то время министру внутренних дел Таджикистана Махмадназару Салихову, человеку очень влиятельному, потребовалось выложить мозаичные панно на его даче. Он видел мои работы и решил, что украшать его загородный дворец буду я. И когда я поехал в Душанбе за семьёй, его помощники нашли меня и сказали: надо выполнить министерский заказ. А через несколько дней при встрече Салихов мне сам говорит: пока не закончишь, никуда не поедешь, из страны тебя никто не выпустит. Он не шутил. Так что отказать было нельзя. Это Восток, с его обычаями, мен-

КСТАТИ

На Руси мозаика появилась вместе с пришедшим из Византии христианством. Но смальту (цветное стекло) – основу византийской мозаики – приходилось импортировать из Константинополя. Это было дорого, и древнерусская мозаика не вышла за пределы Киева. Много позже развить отечественную мозаику попытался Ломоносов, разработав технологию изготовления смальты. Но после его смерти всё было вновь забыто.

И только в 40-е годы XIX века, когда возникла идея перевести в мозаику живописные иконы Исаакиевского собора, на учёбу в Рим отправили выпускников Императорской академии художеств. А из Рима пригласили технологов-стекловаров, которые наладили производство смальты в Санкт-Петербурге.

Кроме Исаакиевского собора, ещё одним монументальным объектом, полностью отделанным мозаиками из смальты, стал храм Воскресения Христова (Спас на Крови) – там вообще нет ни одного живописного (нарисованного) произведения, только мозаика.

талитетом... Но зато через полтора месяца, когда всё сделал, он выделил мне вагон с охраной (!), чтобы я перевёз в Россию свою семью, имущество и материалы для работы.

– **С тех пор вам там больше не приходилось бывать?**

– Нет. Многие друзья разъехались. У нас там было три квартиры, всё продали, когда переезжали. Здесь теперь мой дом, здесь семья, у меня две маленькие дочки. Одной скоро 11 лет будет. Второй – восемь. Уже поздно возвращаться...

ХУДОЖНИК И ВЛАСТЬ

– **Диалог художника и власти почти всегда в России эмоциональный и непростой. И при монархии, и при социализме представители культуры и искусства говорили о посягательствах на свободу твор-**

чества. Даже Илье Глазунову приходилось идти на компромиссы...

– Мне не пришлось быть в конфронтации с властью, чтобы сейчас рассуждать об этом. Как автор я был востребован. Заказов много, за всё время был только два раза в отпуске. И мне некогда было выяснять отношения. В политику не лез, работал от зари до зари.

– Как вы относитесь к цензуре в творчестве?

– И с ней не сталкивался. Всегда делал так, как видел свои замыслы.

Да, порой мне «подсказывали», как надо делать, но я в таких случаях всегда отвечал: «Тогда делай сам, раз знаешь». После этого мне никто ничего не говорил больше, и я работал спокойно. Может быть, мне просто повезло. Трагизм в этой ситуации сильно преувеличен, на мой взгляд. Зачастую шедевры появлялись, как ни странно, благодаря цензуре. Для иного художника такое противодействие – скорее дополнительный стимул.

Лицемерить не надо. Политические заказы оплачивались всегда достойно, и желающих их получить хватало. Я, не будучи членом КПСС, и портреты Ленина делал. Был у меня такой в Курган-Тюбе, высотой восемь метров. Его потом уничтожили местные «революционеры».

– А кто ваши любимые художники?

– Сикейрос, Леже, Сарьян...

– У любого автора есть незавершённые проекты. Например, у Эрнста Неизвестного в его автобиографической книге есть целая глава, которая называется «Упущенные возможности». Вы о чём-то жалеете в жизни?

– Мне не о чем жалеть, тогда не было времени лишний час отдохнуть, настолько был увлечён творчеством. Разве о том, что последние пару лет у меня здесь нет работы. Когда сюда переезжал, обещали хорошие заказы. Но из всего обещанного получилось немного. Икона (а по проекту планировалось три) в нише восточного фасада Боголюбского собора, я работал над ней больше двух лет. В Ильинской церкви восемь моих работ. В храме села Новое Хмелевое

тоже есть панно. Восемь работ в Тамбове.

В Мичуринске можно и нужно использовать мозаику и в градостроительстве – для оформления фасадов зданий. Это бы украсило облик города, подчеркнуло его своеобразие. Его историческая часть в архитектурно-художественном плане удивительная. Жалею, что неповторимое наследие той, ушедшей в прошлое, России быстро исчезает. Например, замазывают и закрашивают фактурную старинную кладку зданий. А ведь она – уже сама по себе произведение искусства! Меняют окна и двери в купеческих особняках на безликий пластик. Закрывают плакатами кованые решётки балконов. Это то, что бросается в глаза, про мелочи уже не говорю. Любые такие перемены должны согласовываться с городскими архитекторами, контроль с их стороны должен быть строжайший. А тут такое впечатление, что каждый владелец здания сам себе архитектор. Если не изменить отношение, через десяток лет здесь почти ничего от той истории не останется...

– Насколько долговечна мозаичная живопись?

– Мозаичный декор сохранился во дворцах и храмах шумерских городов Месопотамии – одной из великих цивилизаций Древнего мира. Мозаика – на удивление прочная техника, если правильно выдерживать технологию. Я с 1968 года занимаюсь ею, сделал больше 200 работ, все они целы. У меня тоже есть свои секреты. Работаю в основном со смальтой. Из Душанбе в том «личном» вагоне я привёз около трёх тонн. Потом ещё докупал. Когда не хватает, беру бутылочки цветные, посуду колю на мелкие кусочки. Мозаика, сделанная на совесть, будет служить вечно. И я рад, что мне удалось сделать для Мичуринска хотя бы несколько работ, которые удачно вписались в образ его старинных храмов. Мечтаю, пока есть силы, сделать больше. И ещё – передать свои знания молодым художникам, тем, кому это интересно и кто мог бы применить эти знания на благо родного города или даже страны. ■

Вадим ГРАНИТОВ

Валерий СЕДЫХ

Валерий Борисович Седых родился 11 апреля 1943 года в семье железнодорожника в Тамбове.

После окончания школы пять лет работал на заводе «Электроприбор» на станках-автоматах. В 1964 году поступил в Казанский университет на журфак. В 1965 году был принят в редакцию молодежной газеты «Комсомольское знамя».

После окончания университета с 1969 по 1975 год – фельетонист в сатирическом журнале «Чаян» («Скорпион») – Казань. Затем работал редактором газеты «Комсомольское знамя», заместителем редактора «Тамбовской правды», редактором газеты «Город на Цне».

Юмористические и сатирические рассказы, фельетоны писал с конца 60-х годов. Опубликовано более 130 юморесок. Печатался, помимо местной прессы, в журналах «Крокодил», «Ранок» (Киев), «Волга» (Саратов), «Дикобраз» (Чехословакия), «Вокруг смеха» (Санкт-Петербург), «Чаян» (Казань), в центральных газетах «Неделя», «Труд», «Строительная газета», в изданиях Одессы, Баку, Липецка, Ижевска, и т.д. Его рассказы неоднократно звучали на Всесоюзном радио – в передачах «С добрым утром» и «Опять двадцать пять» («Маяк»), на Украинском радио и в Тамбове. В. Седых – автор четырёх книг юморесок и фельетонов, одной – очерков и интервью («Прошедшее время») и ещё одной автобиографической («Газетное дело»).

ДВА СЛОВА ПО-ХЕТТСКИ

Климков с груши упал. Бергамота летнего. Сильнорослый сорт, но упал Климков всего с трёх метров. Пилил сук, на котором сидел, шутил потом Климков. Ну на самом деле просто как-то непродуманно держался. И во многом потому, что с хорошими соседями, Лёхой и Василь Захарычем, слегка расслабился по случаю открытия дачного сезона. У первого что-то домашнее оказалось, у Захарыча – совершенно не палёный «Тамбовский волк»... Сидели, суровую зиму ругали – вон сколько сучьев и даже стволов помёрзло. Отпиливай их теперь...

Вот Климков и упал.

Ну упал и упал – с кем не бывает. И ничего такого – ни переломов, ни травм, ни сознания не терял, но вроде как какое-то сотрясение и одновременно отключение. Как будто что-то в Климкове перевернулось.

А через неделю чувствует – будто какая-то сила в нём необычная. Физическая. Чувствует и чувствует. А он жене на рынке рыбой помогает торговать. Вообще Климков инженер, самое прямое отношение к станкам с ЧПУ, с числовым программным управлением, имел, но сейчас вроде это и

не нужно. И он теперь с картами, шуками и сомами имеет дело.

И вот надо ему одну ёмкость на прилавок с машины поднести, обычно они это вдвоём с мужем соседки по прилавок делали. А тут Климков один взял и отнёс. И раз так, другой, третий... Каждый день, кроме понедельника. Бабы стали просить его то то сгрузить, то это отнести. А расплачивались с женой – сам Климков стеснялся деньгами брать.

Ну и, конечно, на рынке молва пошла. В шутку, но уважительное прозвище ему придумали – Кран. Хотя Климков и без того не слабаком выглядел.

Рынок рынком, но стал потихоньку, что совершенно естественно, Климков и в городскую жизнь вмешиваться. А куда денешься? Идёт как-то, а у одного офиса какой-то крутой свою иномарку поставил. Прямо на тротуар. Простым людям и не пройти – в обход только, по грязи. Климков взял её, то ли «тойотку», то ли «фордик», за бампер – и повернул на девяносто градусов.

И так пошло и пошло. Потому что они, которые за рулём или справа от него, ну обнаглели с этой парковкой: то на газон, то что-нибудь загородят. Или чуть ли не на крыльцо какой-нибудь торговой точки заезжают – три с половиной метра пройти ему живот и наглость не позволяют.

Один мужчина, интеллигент пожилой, шёл сзади случайно, догнал Климкова и заметил с юмором:

– С вами, – говорит, – хоть ППП создавай – Партию Против Парковок. Народ, – говорит, – повалит. Выборы же одни за другими.

Но Климков далёк от политики. Работа, семья, дача – и больше ничего не надо. Но слухи и толки по городу пошли, и в основном опять же вокруг парковок. А сколько он детских колясок перенёс через лужи, одного инвалида – через бордюр, старушке из подземного перехода помог выбраться! Гараж чей-то со спортивной площадки метров на пять сдвинул. Драки разнимал. Один раз за девушку заступился. Парень, навеселе, пристаёт с поцелуями, а она стесняется. Климков взял его и оторвал. Парень взбрыкнул как бы,

а Климков нажал на плечо, посмотрел в глаза и что-то произнёс, слова два, сам не понял, – тот и обмяк...

А вообще Климков заметил, что не только сила в нём. Какие-то как бы воспоминания... И не из детства, а прямо из далёкого прошлого, но не привычного, а совсем другого. Какой-то климат не тот, какие-то города не те, пейзажи с пальмами, песок и скалы... А он читал не раз: девочка одна (и не одна даже) что-то вспоминала, на каком-то языке говорила, рассказывала – а потом выяснилось, что у неё, оказывается, информация по родственной линии прямо от древних шумеров. И город, который она описывала, нашёлся, до сих пор его раскапывают... То ли это гены у неё, то ли ещё что-то.

И у Климкова пейзажи не те, не наши. То снятся, то видятся. Жара страшная. Конники какие-то. Города – как что-то напутал: Каркемыш, Тарсус, Богазкёй... И слова у него, особенно когда на нервах, вырываются как иностранные.

Жена ему и предложила:

– Толик, – говорит, – давай я тебя с подругами сведу. С Ленкой и Людкой. С Леной мы на инязе учились, а Люда с истфака. Потом у неё аспирантура...

Ну свела. И Лена чуть не упала, когда Климков стал говорить – прямо как по-немецки и даже по-английски, но по-другому.

– Грубовато, – она ему пояснила, – но это ещё не ненормативная лексика. Не мат то есть...

– Ну когда машины двигаю, вот такое откуда-то и произносится, – сказал Климков.

– Да это ж, – говорит Людка, – хеттский язык! Индоевропейская группа...

И выяснилось: Климков вроде как из хеттов. Государство такое было в Малой Азии, где сейчас Турция. Тысячи три с небольшим лет назад. До новой эры. А климковский Богазкёй – это на месте бывшей столицы Хаттусас. А мужики там были большеголовые и прямо исполины. Почему перед ними египетские фараоны заискивали... Теперь, подруги жены сказали, его всякими интервью жёлтая пресса замучает.

Приятно, конечно, Климкову. Только прессы и никаких СМИ и не надо. Она, молва, как уже говорилось, шла по городу. Водители стали бояться машины где попало оставлять, потому что, разворачивая их, Климков или фару мог кокнуть сгоряча, или бампер слегка покорёжить. А сделать ему ничего не могли, потому что догадывались: может мужик не только фару свернуть...

А слухи чёрт знает какие всё больше распространялись. Говорили даже, что предлагают Климкову стать почётным гражданином города. Он такой порядок

навёл, какого уже десять лет никто не мог навести.

С друзьями же дачниками Климков частенько на эту тему говорил. Помогал соседям чем мог. Никогда не отказывался, когда за здоровье его и силу слегка чокались. Завидовали по-хорошему. А некоторые, другие которые и помоложе, тоже с груш или яблонь специально падали, один даже с беседки случайно – но ничего кроме ушибов не получалось.

Гены, как понял Климков, у них не те. Или наследственность. Или день рождения по Зодиаку какой-нибудь неблагоприятный.

ДИЕТА

ЛИРИЧЕСКАЯ НОВЕЛЛА

У Макеева рост метр семьдесят семь. Нормальный. А вес ещё лучше – прямо ровно семьдесят килограммов. То есть Макеев и не толстый, значит, ни спереди, ни сзади. И внешне, лицом то есть, тоже.

Но вот, несмотря на это, жениться он ещё не успел. В вузе, в техническом, весь учёбе отдавался – не до баб, как грубо шутил его один почти друг. И гранты хорошие дважды получал – на какие-то прямо научные программы.

Его и на работу взяли ну в очень солидный НИИ – без всяких протекций и тем более взятки. И тут уже третий год никак не остановится Макеев – всё пишет и пашет, а потому и на виду у начальства.

И вот как-то поднимается в лифте со своего третьего на последний, седьмой, этаж Макеев, а где-то посерединке девушка входит. И двигались-то всего минуту-полторы, но Макеев успел разглядеть попутчицу: очень милая,

глаза большие и умные, причёска!.. И рост приблизительно метр семьдесят, но... Полноватая, если не сказать больше. Хотя пропорции соблюдены, и где-то талия должна быть, но килограммов по пять-семь во всех местах лишние. Это так, просто как бы машинально обозначил Макеев. И ещё – что не старше, а прямо ровесница.

Ну и вышла бы она у него из памяти – сколько таких ездят! – если б спустя неделю не застрял он в лифте. Случайно – вместе с нею. Только на этот раз не поднимались, а опускались. И вообще лифтовое хозяйство во многих домах и офисах просто в безобразном состоянии. Процентом на семьдесят.

Все кнопки нажали, какие положено, а кабина не колышется. В дверь постучали оба, кто-то снаружи ответил: «Сейчас, сейчас! Подождите!», а пока – в подвешенном положении.

– Мы с вами где-то встречались... Ехали тоже, – сказал Макеев, чтоб не молчать и чтоб попутчица в панику не впадала.

– Ну да. Помню. Вы меня всё что-то разглядывали, – даже как бы улыбнулась Юлия. Это потом уже узнал Макеев, как её зовут.

И тут Макеев почти понял, что та на полноту свою намекает, но не драматизирует, а вроде с шуткой.

– Да нет... Я просто так тогда, – стал вроде как оправдываться Макеев.

«А что же такого? – подумал тут же. – Раз догадалась, поняла – и пусть».

Ну и, слово за слово, кто где служит и кем, на каком этаже, не замужем или неженатый, детей нет или есть, зарплата – это у Юли – могла бы быть и побольше...

В общем, минут сорок стояли. И влюбился или не влюбился Макеев, но Юлия ему – умная, общительная, ироничная, два высших образования, не курит – просто понравилась. Хотя и полноватая. И как-то почувствовал, будто от неё тоже какие-то волны исходят, что и он ей тоже приятен.

– И когда теперь ещё вот так застрянем? – пошутила она.

А дня через три выходит Макеев из офиса, а спутница по лифту... да, она, что-то у какой-то иномарки как бы возится. То ли куда ехать, то ли только приехала. Или протирает стёкла.

– Ой, – говорит, – как-то задержалась я сегодня... Обычно раньше кончаем. Хотите подвезу? Это не в лифте ведь, – опять с юмором она.

Ну один раз так, два, пять, шесть... Макеева то есть подвезти, тем более что они, оказывается, из одного дома. Только Юлия в первом подъезде, на западном углу, а он в последнем – на восточном. Метрах в трёхстах.

– Это у нас прямо гостевой брак, – опять с шуткой как-то заметила Юлия. Потому что они то у неё оставались – квартира-то отдельная, а родители в Пестрецах, бизнес у них там животноводческий, то у Юры – жильё свое, отец с матерью не против, чтобы ребёнок самостоятельно жил и ничто не мешало ему делами заниматься и научной работой.

– Любовь – это болезнь, которая требует постельного режима, – тоже пошутил Макеев, но этот почти афоризм он не сам придумал, а в каком-то юмористическом разделе прочёл.

– Медовый месяц, – уточнила, чуть-чуть смутившись, Юлия. – Прямо как диета, – дополнила и пошла душ утренний принимать.

И вот один месяц медовый, другой с той же диетой, третий... А кроме этого, кухню соответствующую Юлька устроила. А одной-то, говорит, для себя, что-то варить-жарить скучно – всё в ларьках да киосках: пышки-плюшки с гамбургерами да всякой калорийной начинкой. А тут, для гражданского друга, и сил, и времени не жалко, и ему чтоб нравилось – не жирное или мучное, не сладкое, а овощное, рыбное, омлеты оригинальные, каши всякие, салаты, фрукты... Хлеб только ржаной.

В общем, похудела она прямо на треть, до шестидесяти трёх-пяти килограммов.

– В меня, – похвасталась, – зам нашего начальника прямо влюбился. Такая стройная, говорит. Он и так разведённый, а бывшая жена его, говорит, прямо какая-то аферистка и мафия. Он просто в транс...

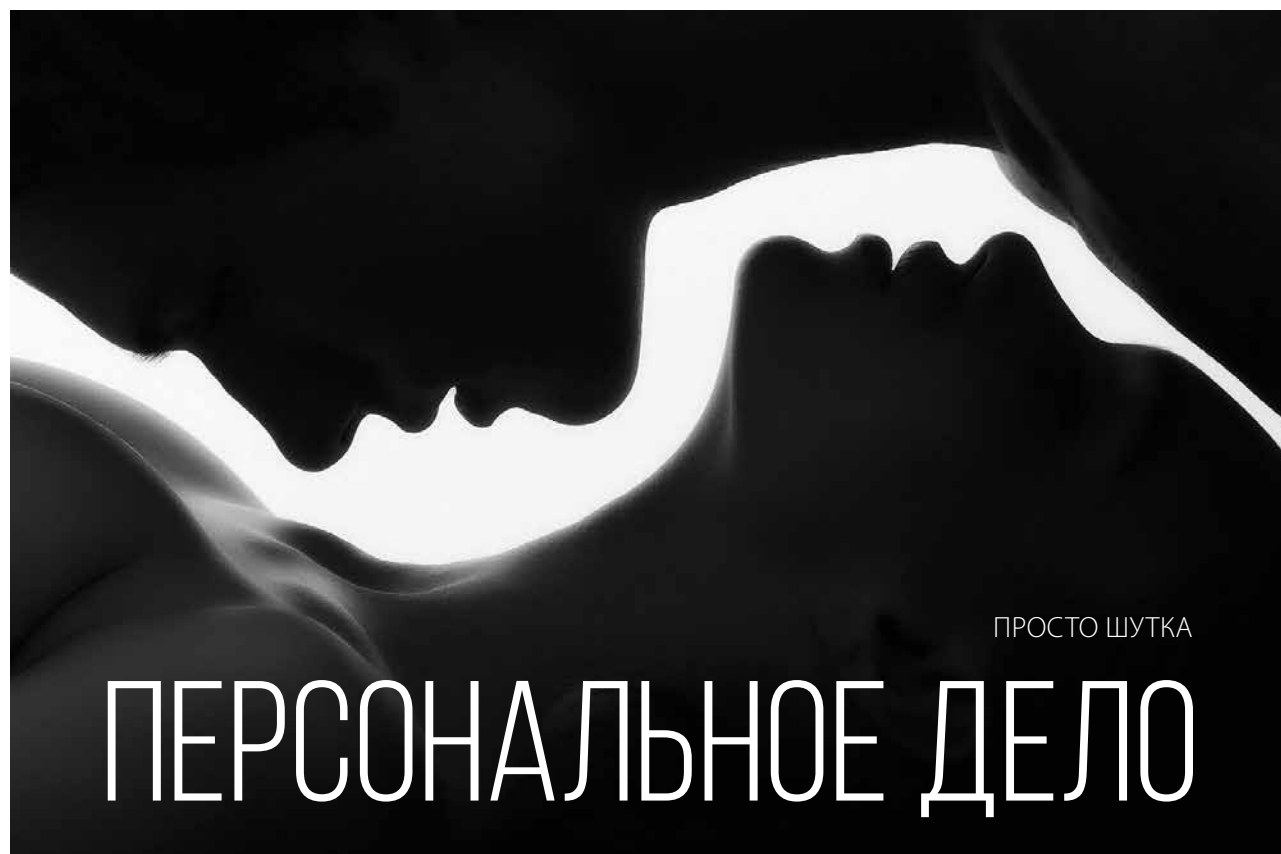
А Юра как-то в лифте опять застрял с одной сотрудницей. Двумя этажами ниже. Красивая, остроумная, у папы в Швейцарии бизнес, а сама Алинка просто, говорят, незаменимая на работе. И моложе Юльки. Но тоже не хрупкая. «Хоть на диету сажай», –

подумал машинально и без всякой издёвки Макеев.

А с Юлькой они прямо как старые приятели стали. Друзья. И он ей по-дружески и сказал, чтоб не мучила этого замдирек-

тора, а прямо замуж бы и выходила. Пора, не девочка уже, нужно по-серьёзному семейную жизнь устраивать.

По кофеёчку выпили, он её в макушку поцеловал и аж до самого подъезда проводил.

Шердаков сидел как в воду опущенный. Или ещё куда-то.

Начали-то вроде как мягко, по-мирному: ну с кем, мол, не бывает, ну вляпался человек... Шердакову показалось даже, что Ушкова из соседнего отдела повернула так, что это даже не вина его, а беда, оплошность, и глазки ему как бы состроила. Тем более что он тоже одно время глаз на неё положил, но их развели случайно по разным этажам и отделам. Реорганизация была.

А потом, после Ушковой, такое понесли его товарищи по работе, почти друзья, мужики и сами бабники, но члены парткома, что Шердаков даже оглянулся и по сторонам посмотрел: про него это или про кого-то сзади?

Один член – Шердаков его только и встречал в коридорах – вообще лоб нахмурил, морду озабоченную сделал и понёс: женат, мол, трое детей...

Ну, тут поправили: двое... Пусть двое, согласился выступающий (Иван Захарович – вспомнил Шердаков, как того зовут), пусть, но моральный кодекс строителя коммунизма-то один. Один на всех! И что будет, если все налево?!

Это так, подумал Шердаков, услышав ещё про двадцать какой-то съезд и июньский пленум, и выговором не отделаешься. Пусть даже с занесением в учётную карточку. А то – и совсем скатертью дорога. И на должности крест, и зарплата... «Моральный кодекс, моральный кодекс», – проговорил про себя,

даже прошептал Шердаков, тем более что рядом с ним никто уже не сидел. Вдруг все от него прямо как отскакивать стали, пересаживаться.

– Пусть тогда с той разводится, а на этой женится! – сказал вдруг секретарь парткома, и все захлопали.

Этого-то как раз Шердаков не ожидал.

– А детей куда?! – заорал он, потому что так Ксюшку с Олежкой любил, так любил, больше жены даже. – Детей куда?..

– Владик! Что с тобой? Ты что? Три часа ночи, а ты... Сон, что ль, какой? – толкнула Шердакова в плечо Лена и руку на лоб положила.

– Сон, сон! – встрепенулся Шердаков и буквально встряхнулся, как будто из какой-то ямы выбрался. И мысли чётко заработали, такие ясные: – Да вот, Лен, приснилось, что на пенсию теперь с восьмидесяти лет, – придумал сразу. – Это что же теперь – возвращаться, дорабатывать до восьми десятков? Вот я и взбудоражился...

– Ну спи, спи, ветеран труда ты мой, – с пониманием и даже теплотой отнеслась к мужнину кошмару супруга – и набок, и прямо тут же по-сонному задышала.

А Шердаков так не смог. С какого... этого... ну адюльтер тот приснился? С Чилюкиной-то. С Лилькой. Хищница та ещё. Как она его обхаживала! А что, высокий, стройный, атлетически сложенный, красивый почти, такая шевелюра – все мужские качества на виду. И при должности. А Лилька и так, и эдак. То вдруг задержится, когда и он на часок – дела! – оставался. То вдруг по пути в одном троллейбусе. То – ох, устала, а не зайти ли ко мне чаёк попить? Цейлонский вот (тогда же дефицит был на всё) ей подавали.

И устои тут попробуй. Тем более опыт у неё: два раза, правда кратковременно, замужем. И лет на десять моложе Шердакова.

Ну он и не устоял. А она умела, да и такая конспирация! Никто даже и не заподозрил – ни шердаковская супруга, ни Лилькины коллеги по коридору. И какие там партбюро или парткомы, тем более что Лилька и членом не

была, только, наверное, о комсомоле лёгкие воспоминания остались. Замуж потом четвёртый раз вышла, очень удачно.

А в сон – да ещё какой! – вот влезла. Прямо как наяву. И если б действительно тогда всё всплыло? Даже вздрогнул от ужаса Шердаков. Лежал бы он сейчас в этой постели? Жили бы они в этой квартире? С детишками – да и внуками – так бы всё ладно получилось? А с пьянством и алкоголизмом как боролись. Сколько товарищей Шердаков потерял!..

И ещё вспомнил – при случае как бы даже хвалился: а я, мол, партбилет всё храню. Просто боялся, что старые знакомые его в какие-нибудь перебежчики, перевёртыши или оборотни зачислят. Он и на их митинги-демонстрации даже иногда ходил, у того памятника... Голос за них до сих пор отдавал по избирательным урнам.

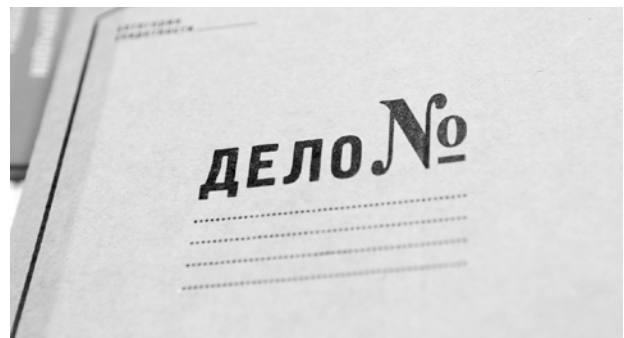
«Да после такого! – как кинохронику просмотрел Шердаков свой сон. – Да чтоб я... да ещё раз... да за них!..»

– Лен, – спросил Шердаков утром жену, когда позавтракали, – а какие у нас ещё партии есть? Ну, хорошие чтоб...

Супруга, сама политики не чуждая, ему и перечислила штуки четыре. Вот эту самую, шердаковскую, только не назвала. Которая левая. И спросила: что, мол, с тобой? То про пенсию тебе сон, а то вдруг предвыборное что-то...

– Да так... Чего-нибудь свеженького хочется, а то я, знаешь ведь, всё с левым уклоном, – вспомнил Шердаков то самое «налево». – Во сне и наяву, – добавил зачем-то.

– Ну решай, решай, милый, – похлопала она его ласково по лысой макушке. – Электрат ты мой...

ЧЕСТНО ГОВОРЯ, ПОПАСТЬ В АМЕРИКУ МНЕ ЗАХОТЕЛОСЬ С ТЕХ ПОР, КАК Я ПРОЧИТАЛ ПЕРВУЮ КНИГУ ОБ ИНДЕЙЦАХ ФЕНИМОРА КУПЕРА. БЫЛО ЭТО, СТРАШНО ПОДУМАТЬ, ЛЕТ ЭДАК БОЛЬШЕ СОРОКА ТОМУ НАЗАД. (ТОГДА, ПРАВДА, Я ЕЩЁ НЕ ЗНАЛ, ЧТО СО ВРЕМЕНЕМ СТАНУ АЛЬПИНИСТОМ СССР И ТЕМ БОЛЕЕ ИНСТРУКТОРОМ ПО СТЕННЫМ АЛЬПИЙСКИМ ВОСХОЖДЕНИЯМ ФРГ И ВСЁ ПРОИЗОЙДЁТ НЕСКОЛЬКО ИНАЧЕ, ЧЕМ Я ТОГДА МОГ ПРЕДПОЛОЖИТЬ.) НО КАК-ТО ВСЁ НЕ СКЛАДЫВАЛОСЬ: ТО ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС, ТО ЕЩЁ КАКАЯ-НИБУДЬ НАПАСТЬ ТИПА СЕМЬИ, ДЕТЕЙ, ТЁЩИ. МЕЧТАМ, ОДНАКО, КАК ИЗВЕСТНО, СВОЙСТВЕННО РЕАЛИЗОВЫВАТЬСЯ, ГЛАВНОЕ – МЕЧТАТЬ.

Примерно в середине октября решение было принято и закреплено заказом билетов в самую экваториальную страну мира, если точнее – в её столицу Кито (Quito). После этого началась теоретическая проработка темы: поиск информации, гайдбуков, карт и их изучение с целью составления оптимального плана по вторжению в дикий, не познанный ещё нами мир диких обезьян и индейцев племени инков. План решили составить настолько плотным, что любая задержка с провололочкой влекла за собой автоматическое вычёркивание одного из мероприятий. Что, кстати, у нас и произошло, причём самым непредвиденным и никчёмным образом.

Параллельно с теоретической подготовкой к встрече с терра инкогнита мы вели и

практическую, регулярно вознося бранные тела на ближайшие из окружающих нас альпийских вершин, а также получая всяческие прививки от мудрёных тропических болезней типа жёлтых и не очень лихорадок. Помимо обычного для альпинистов средней полосы снаряжения, тропические страны, как оказалось, требуют дополнения в виде резиновых сапог и непромокаемых плащей. Каковые и были своевременно закуплены и приторочены к рюкзакам, всем на обозрение, вызывая глупые улыбки да ещё более глупые вопросы. Народ почему-то думал, что мы собрались на рыбалку. А какая может быть с немецким другом Гюнтером рыбалка, если он вообще не пьёт, даже пива? С ним можно только на гору лезть.

Время «Ч» неумолимо приближалось. И в конце концов приблизилось к 3 часам утра 25 декабря 2016 года. Здесь будет уместным ещё раз поблагодарить моего зятя Николая, взявшегося отвезти нас к самолёту в Цюрихский аэропорт. (Кто не в курсе, 25 декабря – католическое Рождество, и народ после святого вечера обычно не в том состоянии, чтобы куда-то ещё ехать.) Перелёт до самого Кито происходил без каких-то особых приключений, в порту нас уже ожидала машина из отеля, выбранного по гайдбуку горновосходителей швейцарского автора. Примерно к середине ночи с 25 на 26 декабря мы благополучно заселились в комнату недорогого отеля La Auberge (10\$ с носа).

* * *

Утром, пока завтракали, обсудили план дальнейших действий. Решили начать с топографических карт, которые в Эквадоре можно было купить только у военных в Географическом институте.

Долго смотрели на план города, думали, как туда добраться, но так ничего путного и не придумав, спросили у хозяина отеля. Оказалось, институт находится за ближайшим углом в пяти минутах ходьбы. Обрадованные таким удачным географическим расположением, направились выполнять намеченные планы. Но оказалось, что 26 декабря, хотя этот день и считается официально рабочим, половина, а может и больше, китян работать не хотят, в том числе и государевы люди.

Удивило множество маленьких магазинчиков и отсутствие больших маркетов, где в одном месте можно было бы закупиться на несколько дней. Ещё большее удивление, на наш европейский взгляд, вызвали работающие в праздничный день магазины по продаже стиральных и швейных машин. Вероятно, китяне такие вещи покупают исключительно в праздничные дни. Всё это празднество охраняло несколько полицейских подразделений. Передвигались они, следя за порядком, на всех возможных видах транспорта, от коней до мотоциклов, авто и даже сегвеев. Пока мы лениво попивали эквадорский кофе в итальянском кафе, одна девушка-полицейский раз 15 прокатилась на сегвее мимо нас, бдительно неся службу и заодно демонстрируя свои прелести в обтягивающих штанах и френче. Однако на этот раз мы с Гюнтером остались непоколебимы и старательно делали вид, что нас интересуют исключительно архитектурные памятники столицы. Поди узнай, как у них наказывается приставание к девушкам в форме. Хорошо если отделаешься денежным штрафом и ударом дубинкой, а то раз-два – да и в тюрьму.

К вечеру пришлось срочно корректировать план. Решили немного размяться и начать акклиматизацию к высоте. Обычно народ выбирает себе вершину попроще и идёт акклиматизироваться на Печинчу, куда ещё можно подъехать на канатке. Но Гюнтер начитался обо всех опасностях, подстерегающих мирных горновосходителей в Южной Америке, и где-то вычитал, что на дороге к этой вершине путешественников грабят вооружённые бандиты. И чтобы не портить себе отпускного настроения, я согласился с ним пойти на Пасачоа. Немного дальше, зато спокойней. Добираться к началу маршрута нужно было часа два, поэтому встали пораньше и в 6 утра уже стояли на остановке «троллейбуса». Троллейбусом в Кито называют двух- и даже трёхсекционный автобус, передвигающийся по выделенной полосе. Собственно, особого выбора в средствах передвижения у нас не было, троллейбус в Кито – самый быстрый вид транспорта. Остановка представ-

ляет собой стеклянный домик с кассиршей, охранником, турникетом и без каких-либо расписаний движения. Дальше нужно было ехать на джипе-такси к началу маршрута. Так как Гюнтер выбрал эту гору, то я ему и доверил про неё читать и выбирать маршрут. На нашу беду, Гюнтер взял с собой две книжки с описанием маршрутов, книжки малость не совпадали между собой, тем не менее он каким-то образом их скомбинировал. Сказал что-то по-испански водиле, и тот нас повёз. В какой-то момент остановил авто рядом с уходящей вверх тропой, сказал, что нам туда, отдал рюкзаки и умотал. Нам его рожа сразу не понравилась, и мы ему не поверили. Поэтому вначале, примерно около девяти утра, мы пошли, но не по тропе, а в левую сторону от неё, куда влекла нас GPS. Через полчаса уткнулись в фермерское хозяйство, вокруг паслись ламы и лаяли собаки.

Спросить не у кого, и мы вернулись обратно к месту высадки. Часов в 10 мы маршрут действительно начали, и именно по тропе, указанной водителем, хотя она сильно не совпадала с треком на GPS-ке. В отличие от привычных Альп, здешние тропы указателями не изобиловали, вернее, они здесь совсем отсутствовали.

Как потом оказалось, это был самый длинный и трудный путь на Пасачоа. К 15 часам я вылез на вершину, на которой уже замерзал радостный Гюнтер, он там успел поговорить ещё с какими-то немцами, которые объяснили ему дорогу вниз.

В ту сторону мы и начали спуск, Гюнтер впереди, я чуть позади, и так бежали до тех пор, пока на полном ходу не уткнулись в болото, а потом ещё и в забор с колючей проволокой.

Стало понятно, что идём мы не совсем верной дорогой. Нужно было спуститься по склону, покрытому травой, под названием парамо. Его с завидным постоянством пересекали заборы всё с той же колючей проволокой, каждый раз приходилось через них перелезать с большой осторожностью. Примерно на 15-й раз проволока не выдержала, и я всей своей упитанностью рухнул на её колючки. Где-то к 19 часам в душу начало проникать подозрение, что мы можем не успеть на последний автобус. Перспектива ночевать под кустом не радовала, если не сказать ещё хуже. Кругом шлындали злые голодные собаки, и что им захочется откусить у мирно спящих горновосходителей – только им и ведомо. Заметно прибавив скорости, мы всё же попа-

ли на какой-то автобус, который нас куда-то привёз, там мы пересели ещё в один автобус, который нас долго возил, кондуктор допытывался, куда нам всё-таки нужно попасть, выяснил, что нам с ним не по пути, и в каком-то месте нас высадил.

Следующим делом была закупка газовых картушей для газовой горелки. Их мы приобрели в первом же попавшемся магазине туристско-альпинистских товаров – сразу четыре штуки с запасом на случай непредвиденных обстоятельств. Заодно выяснили, что недалеко от магазина есть инфоцентр для туристов, который оказался городской администрацией. Своими вопросами Гюнтер поставил в непроходимый тупик несчастного работника центра, и тот, не справившись с задачей, вызвал подкрепление в виде молодой прехорошенькой юной особы, владеющей английским, да к тому же ещё и скалолазки. При виде столь очаровательного создания мы напрочь забыли, что хотели узнать. Но каким-то образом всё же выяснили, что все автобусные фирмы здесь частные и ездят как и куда захотят, и администрация не владеет расписаниями их движения. Закончив с этим делом, вышли, переполненные информацией, на шумную жаркую улицу.

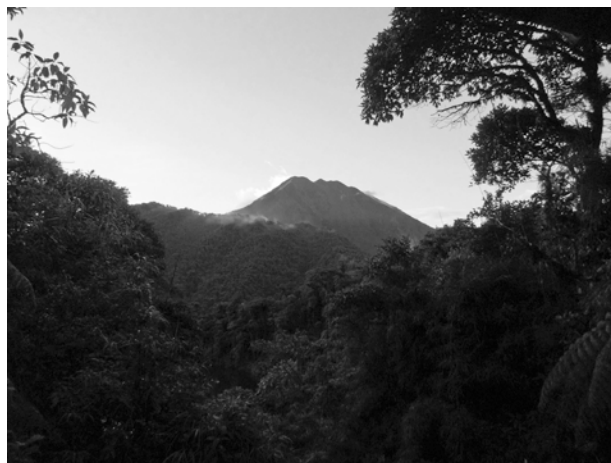

На улице активисты протестовали против ущемления прав индейцев Амазонии. Протестующие что-то пели и скандировали, народ вокруг, как и мы, с любопытством наблюдал за происходящим. Рядом стояли полицейские, изнывающие от жары под защитными

жилетами, с касками и дубинками, числом раза в два превосходящие протестующих. Но никак не реагировали. Вероятно, благодаря большому числу блюстителей порядка всё закончилось мирно. И, надеюсь, индейцам теперь живётся значительно лучше.

* * *

Вулкан Сумако, расположенный посреди амазонской сельвы, своей верхней точкой достигает, согласно Википедии, высоты 3990 м (по другим данным, 3730 м) над уровнем моря. Интересен он нам был тем, что с его вершины можно было обозреть, при наличии везения, половину Амазонии, причём во все стороны сразу.

Специально для воплощения в жизнь этой затеи мы и тащили с собой почти через полмира резиновые сапоги, следуя рекомендациям всех книжек, прочитанных нами. Для того чтобы добраться к подножию вулкана, нужно было доехать до города Тена, расположенного уже по восточную сторону Анд, и от туда ехать дальше в деревню Wawa Sumaco. Отыскали нужный автобус, который, несмотря на цену билета всего в 7\$, оказался довольно комфортабельным, с видео и музыкой, причём песни исключительно латино, на их родном испанском. Народ развлекался в пути покупкой всякой еды, предлагаемой продавцами-лоточниками. Мы, из опасения за наши европейские желудки, от такого навязчивого сервиса отказались. Автобус пересёк автобан

Пан-Америка и довольно шустро стал набирать высоту, пока не добрался до перевала на высоте 4000 метров, где мы удивились наличию хороших дорог на такой высоте, невиданной для многих стран. Ещё больше удивило наличие велодорожек, хотя велосипедистов мы не заметили.

В Вава Сумако нас высадили прямо напротив дороги, ведущей к деревне Расто Сумасо (1486 м над уровнем моря), откуда, собственно, и начинался наш трекинг к горе.

Проснувшись ни свет ни заря, в 5:45 утра, с щемящим чувством – сегодня в дорогу, в заветный трекинг, – осторожно вылезли наружу.

В 6:30 встретились с гидом у знакомой нам местной поварахи за завтраком. Кормила она нас чем-то местным, съедобным, но, честно говоря, у меня получается значительно вкуснее.

Дорога затейливо вилась между плантациями, разбитыми безо всякого плана, как бог на душу положит. Благодаря промышленным вырубкам амазонских лесов дорожка была вымощена чурбаками, что заставляло нас комично, как японские женщины, семенить по ним, чтобы не попасть ногой в дырку между брёвнами. Проводник Хосе периодически делал неожиданные повороты между огородами и в конце концов вывел нас на тропу, ведущую в направлении, совпадающем с показаниями компаса.

Через некоторое время вышли к границе Нацпарка, откуда начиналась настоящая нетронутая амазонская сельва с диким зверьём и не менее дикими птицами. Словно подтверждая название «дождевой лес», с неба полило, и так лило, пока мы не дошли до второй хижины. По пути нам встретился странный человек лет 30–35, в сандалиях, шортах, футболке и с маленьким рюкзачком – с таким я выхожу из дома погулять часа три по лесу. В процессе короткого диалога выяснилось, что он чех, идёт от второй хижины и его снаряжение немного не подходит к этому туру. Нас он спросил, далеко ли ещё до первой хижины, потому что дальше первой, судя по его состоянию, он бы никуда не дошёл. Гюнтер вообще поначалу решил, что парень обкуренный или

объевшийся коки, уже потом дошло, что это классический пример поговорки о дурной голове и ногах. Мы оказались настолько удивлены появлением этого персонажа, что оба забыли запечатлеть его для истории, о чём потом, конечно, сожалели. Ещё часа через два, а может, и три, уже изрядно намокшие, несмотря на бундесверовские плащи-пончо и резиновые сапоги, встретили целую группу немцев пополам со швейцарцами. Выглядели они получше первого удивительного человека, но вид имели не самый свежий. Выяснилось, что вчера они тоже решили пойти сразу ко второму приюту и дошли, потратив на это 11 часов, достигнув его в ночной темноте. Видимо, потратив на первый этап все имеющиеся в наличии силы, они не рискнули идти к вершине и приняли мудрое решение вернуться назад, в цивилизацию. Нас, однако, как бы нехорошо это ни звучало, это обстоятельство порадовало, потому что означало свободную хижину в полном нашем распоряжении. К 15:30 мы добрались ко второй хижине.

* * *

Среди ночи, как, впрочем, и в других частях света, наступил последний день года, вернее сказать, последние сутки. Темень, обволакивающая всё в хижине, не позволяла без фонаря вылезти из спальника, не то что найти нужные предметы. Однако, по нашим сведениям, почерпнутым из умных книжек, с утра погода, как правило, бывала немножко лучше и суше, поэтому мы вылезли, собрались и в темноте, со звёздами-фонарями во лбу, двинулись на штурм. Часы показывали 6:45, что показалось странным: в это время уже обычно приходит день.

Впереди, размахивая мачете, как потомственный казак на Дону – саблей, налево и направо, в зависимости от того, с какой стороны рос очередной бамбук или ещё какая-нибудь растительность вроде лианы, шагал Хосе.

За ним, стараясь не потеряться в этих непроходимостях и не поскользнуться на раскисшей от дождя тропе, двигались мы с

Гюнтером. Иногда старание не помогало, и тогда после звонкого чвакания, вызываемого контактом падающего тела с поверхностью, в воздухе раздавались грязные ругательства на немецком или русском.

Часа через два, примерно в 9 утра, достигли третьей хижины, она была оборудована несколько хуже второй, к тому же вторая была поуютнее.

Хосе с надеждой в голосе спросил, не хотим ли мы, в связи с такими неблагоприятными погодными условиями, повернуть назад. Но нас было не остановить: мы уже почуяли добычу, вершина вот-вот будет наша. И Хосе, окончательно смирившись со своей горькой судьбой, натянув на себя рыбацкий непромокаемый костюм, под гнетом профессионального долга повёл нас дальше, к вершине.

Показалось, что метрах в трёхстах по кратеру вулкана камни лежали несколько выше. Прошли туда – оказалось, что не выше. Видимо, автоматическая метеостанция, стоящая в этой точке, оптически обманывала нас.

В 11:10 наше упорство вывело нас на вершину, хмеля головы и поселяя в сердце лёгкую зависть к тем, кто ещё здесь не бывал.

К 17:15 спустились к хижине номер два и, переодевшись в сухое, стали готовиться к прощанию со старым и встрече нового года. У меня было с собой кое-что, правда в количестве 200 граммов и, как оказалось, на двоих,

потому что Хосе тоже был выпить не дурак, несмотря на юные годы. В качестве праздничной закуски на столе дымились макароны с тунцом, подчёркивая суровость обстановки в отсутствие прекрасных дам. Оба моих товарища понятия не имели о тостах, и мне пришлось всё празднование брать в свои руки и заполнять паузы между едой и напитками соответствующим моменту словоблудием. До 12 ночи сидеть сил не было, песни не пелись, выпивка кончилась. Решили прилечь, а в полночь проснуться и поприветствовать новый год... ■

Владимир ЮРЧЕНКО

Фото автора

RETROART И ЛАПИДУСЫ

Petra (греч.) – камень

Lapideus (лат.) – каменный

RETROART – УНИКАЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ БОРИСА И НАТАЛИИ ХОХОНОВЫХ

Развитие прогресса ведёт к углублению симбиоза человека и природы. Эти отношения, начавшиеся со спонтанного сосуществования, пройдя стадию религиозного восхищения, когда человек находился в роли немного испуганного зрителя перед грандиозной картиной природы (ведь вызывание дождя ритуальными заклинаниями – процесс с непредсказуемым результатом), подошли сейчас к стадии симбиоза. Камень, как абсолютный в своей гармонии слепок времени, несёт в себе большое количество «зашифрованной» инфор-

мации, которую считают учёные. Использование минералов в визуальной культуре позволяет восхититься их непридуманной красотой. В проекте PetroArt, когда камень одновременно становится и изобразительным средством, и соучастником художника, эти подходы объединяются, возникает симбиоз природы и человека. Это происходит, когда на холсте часть изображения создаётся с помощью красок художником, а часть – в виде тонкого каменного шлифа – самой природой.

Идея совместить живопись и шлифы поделочных камней (в каждой картине PetroArt присутствуют натуральные камни) во многом обязана своим появлением традиции советского периода, когда почти в каждом уральском доме можно было увидеть обязательный набор для книжной полки – томик П. П. Бажова, соседствующий с полированным куском поделочного минерала. Мрачноватое обаяние произведений уральского классика касалось всех и, возможно, как-то повлияло на формирование того, что принято называть «уральский характер». Соединяя на холсте живопись и камень, художник меняет временной масштаб восприятия происходящего. Достаточно вспомнить о том, что камни, присутствующие в текстах П. П. Бажова почти наравне с персонажами, создавались природой сотни миллионов лет, что это отпечатки гигантских тектонических процессов, происходивших на Земле, результат случайного взаимодействия природных сил. И тогда, глядя на камни, в первую очередь начинаешь думать не о тяготах подневольного труда камнерезов из нашего далёкого прошлого, а о стихийном характере творчества, о возможности поиграть с природой, о возможности, смешивая краски, продолжить её «художества», начатые миллионы лет назад. Такой подход не делает менее значимыми подробности жизни любого человека, но позволяет рассмотреть их на фоне вечности. Вовлекая новые, неожиданные материалы в область искусства, художник не только «точнее» расшифровывает неочевидные существующие связи, но и сам создаёт новые.

ИСТОРИЯ ПРОЕКТА PETROART

В конце 80-х Борис сделал две работы, где были приклеены шлифы яшмы и родонита, подаренные ему давним другом семьи. «Капелькой Божьей крови краешек камня задет. Яшма – глаза твои, в доме тепло и свет».

С 2000 года идея начала своё существование в виде проекта Бориса и Наталии Хохоновых PetroArt (тогда же возникло и название проекта). Было сделано несколько десятков работ в этой технике, постоянно продолжа-

лись поиски стилистики, которая бы максимально акцентировала присутствие камня в картине и «расшифровывала» послание природы, отпечатанное в рисунке камня.

В 2008 году была создана арт-галерея PetroArt, просуществовавшая два года. Кроме постоянной экспозиции из картин Наталии и Бориса Хохоновых, на этой площадке была проведена выставка, в которой участвовало около 20 художников, выбиравших себе шлифы камней и экспериментировавших в технике PetroArt.

Затем до 2016 года наступил перерыв в развитии PetroArt – он был на какое-то время вытеснен другими авторскими арт-проектами. Летом 2016-го PetroArt в новом формате был представлен на персональной выставке Наталии Хохоновой «Бажов и лапидусы». Лапидусы (от лат. lapideus – «каменный») – это придуманные автором существа, не имеющие никакой привычной видовой принадлежности, но при этом хорошо узнаваемые на эмоционально-интуитивном уровне. Размышление о границах человеческой идентичности – активно воздействуя на природу, находясь в симбиозе с ней и преобразуя её, человек меняется сам, и с точностью прогнозировать результаты этих изменений вряд ли возможно, но об этом стоит задумываться. ■

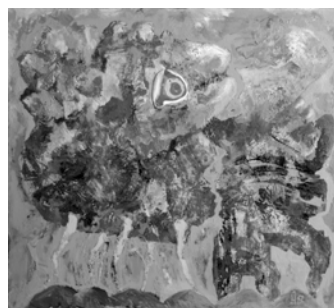
Наталия ХОХОНОВА,

художник, член Союза художников

РФ и Международной ассоциации

изобразительных искусств – АИАП ЮНЕСКО,

персональный сайт www.hohonova.com

СТЕПЕНЬ – ЛЕКАРЬ

ПИСЬМО Н.А. ЛАМПСАКОВА

1919 год. Кровавое колесо Гражданской войны утешит Россию, оставляя за собой страшный след человеческих страданий и смертей. Разум покинул сражающихся.

Судопроизводство упростилось донельзя. Согласитесь, военно-полевые суды и трибуналы, причём с той и другой стороны, только при серьёзном умопомутнении можно рассматривать в качестве органов, отправляющих правосудие. Посему и естественно, что политическая целесообразность, а по сути, та же месть, правда в красивой идеологической обёртке, заменила правосудие. Итог – интеллектуальную и трудящуюся элиту нации красного и белого цветов нещадно косила женщина в развевающихся белых одеждах, по имени *Смерть*.

Подданные Российской империи забыли Бога, перестали бояться Страшного суда. Мудрый патриарх Тихон предал анафеме враждующих. Однако отлучение от церкви одинаково не впечатлило, что неудивительно, красных и, что удивительно, белых. Но ведь общеизвестно: в окопах атеистов нет. В чём же причина массового грехопадения? Массового духовного пьянства, причём буйного духовного пьянства?

Возможно, Бог приболел, взял отпуск, обиделся на православных, наконец. А тень доктора Фауста вовремя подсуежилась, закрепив позор Брестского мира заветной фразой: *«Остановись, мгновенье. Ты прекрасно!»* – узурпировала место Спасителя в душах русских и с упоением матёрой мазохистки без устали подвигала тех к братоубийству. Возможно, я и ошибаюсь. Вот только рационального объяснения бессмысленной жестокости и беспощадности русского бунта до сих пор

Николай Александрович Лампсаков

не существует. Лепет же елизаветинского вельможи про сбережение народа благополучно растворился во тьме веков. А ведь Иван Петрович Шувалов был как раз не из тех, кто у нас на каждом шагу.

Хотя... хотя насчёт тьмы веков, похоже, я немного погорячился. Ведь не из тех был и Николай Александрович Лампсаков, родившийся в 1875 году в селе Котлован Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, а жизнь положивший на алтарь именно сбережения народа в Томской губернии.

Лекарь. Прекрасно образован. В 1903 году окончил с отличием медицинский факультет Императорского Томского университета. Потому совсем не удивительно, что ему

предложили возглавить строительство первой земской больницы в селе Ново-Кусково, сыгравшей неоценимую роль в улучшении здравоохранения прилегающей территории.

Строительство началось в том же 1903 году, продолжалось около 10 лет. Стройка обошлась казне в 32 тысячи рублей, деньги по тем временам немалые. Больница имела приёмный покой, терапевтическое, хирургическое и инфекционное отделения, расположенные в разных корпусах. Аккуратный особнячок для врачебного персонала находился во дворе лечебницы.

Все строения, включая подсобные и хозяйственные, были срублены из гладко оструганных сосновых брёвен весенней заготовки, имели каменные фундаменты и железные крыши. Стены покрашены в жёлтый цвет, кровли – в зелёный, что придавало опрятный, даже праздничный вид зданиям в любое время года. Постройки Ново-Кусковской больницы располагались на высоком, красивом месте, среди белоствольных берёз, по-над поймой таёжной речушки Соколы, пересекающей самый конец села.

На том же взгорье, лишь несколько в стороне, Лампсаков поставил и собственный особняк из обхватистой лиственницы, вокруг которого разбил некое подобие сада, где произрастали крыжовник, малина, смородина, черёмуха и невиданные в Сибири ранеты. По весне плодоносящие растения, распускаясь пышным цветением, издавали бесподобное благоухание.

Лампсаков был ещё и начальником переселенческого пункта, всем, чем мог, помогал прибывающим из западных губерний переселенцам, хлопотал о предоставлении мест поудобнее для новых деревень и хуторов.

Следует отметить, что успеху в делах и начинаниях Николая Александровича во многом способствовала его супруга, тоже врач, Елена Дмитриевна, женщина умная и весьма симпатичная. Во время его многочисленных служебных отлучек, наряду с домашними, она заправляла и всеми больничными делами. Благодаря её распорядительности в больнице поддерживался идеальный по-

рядок. Причём без использования всякого администрирования и довольно корректно. Вышколенный медперсонал понимал её с полуслова. Больные – те вообще в ней души не чаяли, откликаясь на доброжелательную заботу и сострадание к их болячкам.

Николаю Александровичу не приходилось кривить душою при гостях, когда он говорил, что в чём, в чём, а в женитьбе ему повезло. Одно лишь обстоятельство слегка омрачало счастливый, казалось бы, во всех отношениях брак: он оказался бездетным, и, что совершенно точно, не по вине супруга.

В остальном жаловаться Лампсакову было не на что. Материально обеспечен, работой доволен, народ уважает, начальство благорасположено – основательная поступь по жизни уверенного в себе человека, чувствующего надёжную почву под ногами. Увы, ничто не вечно под луной.

Случилась Первая мировая война, в которой вместо вполне заслуженной победы Россия вкусила плоды унижений, затем привычно погрузилась в смуту.

Николай Александрович внимательно следил за происходящими событиями, абсолютно ничего в них не понимая. Со всей очевидностью было ясно одно – страна катится в пропасть, наступает конец великой империи.

А царь-то батюшка чем так не угодил Керенскому? Ведь заселился русский Марат в государевы апартаменты, разъезжал на государственном авто, не пренебрёг и столовыми приборами с вензелями...

Мозг костей, вот парадокс, отторгал монархию, желудок, однако, не спешил следовать за ним при имевшейся возможности поглощать в компании таких же радикальных желудков изысканные блюда монаршей кухни. Между делом можно и порассуждать о судьбах революции (уже, конечно, не желудком, а языком).

Господи, ведь с началом Первой мировой войны, летом 1914 года, все военнотружущие действующей армии нацепили полевые погоны. Хотя парадная и другие формы одежды отменены не были, но благодаря примеру царя Николая II, надевшего с началом войны

простую солдатскую гимнастёрку с погонами пехотного полковника и не снимавшего её вплоть до своей трагической гибели, носить золотые погоны мирного времени считалось дурным тоном...

«Эх, тёзка, тёзка! – вздохнул Лампсков. – Нельзя властью бросаться, обязательно подберут, а самого растопчут! Слабость в нашем лучшем из миров не прощают. Если не боятся, сиречь и не уважают... Ох, а если власть употребил – сиречь кровавый? Вот и получается: куда ни кинь, всюду клин. Как это по-русски!»

Будучи молодым человеком, особенно во времена студенчества, теперешний врач не чурался революционных идей. Однако революция тогда ему представлялась в некоем розовом цвете, как светлый Христов праздник всенародного братства и благоденствия. Творившееся же в стране пугало его истораживало. Нет, он ничуть не жалел о канувшей в Лету монархии, хотя слухи об ужасной, мученической кончине царской семьи шокировали, сама мысль об убийстве ни в чём не повинных детей казалась кощунственной и вовсе невозможной.

Нет, какого чёрта, громогласно пообещав отпустить бывшего российского самодержца с семьёй в Англию, Керенский отправил их в Тобольск? Лавры марафов с робеспьерами грезились? Чего ж тогда сам-то не стал дожидаться гильотины? Рванул не разбирая дороги за кордон. Ну да, своя-то шкура поближе к телу. Да и кто ж ещё потом про него любимого геройские сказочки расскажет?

Вот и не верь после этого в мистические предначертания. Правление последнего Романова продлилось 23 года. Первый Романов – Михаил – короновался в Ипатьевском монастыре, спустившись со второго этажа ровно на 23 ступеньки вниз. Николай Второй перед мученической смертью жил тоже на втором этаже, и надо же, Ипатьевского дома. Только в Екатеринбурге. Перед гибелью семейство Романовых с прислугой спустилось со второго этажа ровно на двадцать три ступеньки вниз. Жертвы революций – сколько их было и сколько ещё будет?

К тому времени Сибирь, как и вся бывшая Российская империя, полыхала в огне гражданской войны, расколовшись на два основных враждующих лагеря – красных и белых. Временно победившая в Сибири, на Урале и в Поволжье контрреволюция начала свой путь с расстрелов. На влажной от большевистской крови земле с быстротой грибов появлялись бесчисленные *правительства*. В захваченной белочехами Самаре обосновался эсеровский Комуч (Комитет членов Учредительного собрания), в Екатеринбурге – Уральское областное правительство, в Омске – Временное Сибирское, во Владивостоке – правительство автономной Сибири, в Чите царствовал *сын трудового крестьянства* атаман Семёнов, в Хабаровске – Калмыков, в Благовещенске – атаман Кузнецов...

Каждое из этих *правительств*, опиравшихся на японские, чешские или американские штыки, имело своё знамя, армию и страстное желание добиться безоговорочной поддержки союзников. Долго прицениваясь, зарубежные покупатели наконец в Уфе провозгласили *Всероссийское Временное правительство* – преемником почившего в бозе правительства Керенского. Оно состояло из Директории и Совета министров. Местом пребывания Директории решено было избрать Омск...

Но преемники Александра Фёдоровича, по мнению белых офицеров и союзников, слишком походили на него самого. Выпущенная *Декларация об объединении всех сил революционной демократии* ускорила уход с политической сцены, по крайней мере с авансцены, эсеровского правительства. Союзникам нужен был для России Кромвель. Жаждали его и офицеры, и крупная буржуазия. Торгово-промышленный съезд провозгласил: *«Необходима твёрдая единая власть. Такой властью может быть только единоличная диктатура»*. Сильной личностью, призванной, в очередной раз, спасти «Расею», стал адмирал Александр Васильевич Колчак.

Что и говорить, либеральным идеям народовластия, приверженцем коих считал себя

Суров и Альдманович

когда красные партизаны довольно легко разгромили вороно-пашинских, а затем и ново-кусковских блюстителей правопорядка, у впечатлительного Николая Александровича зародились немалые сомнения в твёрдости власти новой администрации. К тому же местное население по не до конца понятным причинам встречало красных на ура, в то время как к колчаковцам относилось с молчаливой враждебностью. Хамское поведение местной милиции у самого Лампсакова, если быть искренним, вызывало плохо скрываемое раздражение. Что же это за правопорядок, коль у него такие поборники? И выходит, все они одним миром мазаны, если солдаты, едва заявившись в село, вытворяют чёрт знает что, похлеще всякой милиции. Истинно – *каков поп, таков и приход*.

Николай Александрович задумчиво расхаживал по кабинету, изредка поглядывая в окна, за которыми открывался широкий вид на село и его окрестности. А там всю хозяйничала чародейка-блудодейка весна-красна. Полуденное майское солнце щедро поливало землю горячими благодатными лучами, и земля просто млела от живительного тепла, на глазах покрываясь нежной, будто свежепомытой зеленью. Лесистая пойма Соколов заполнялась стремительным, бурливым половодьем. Под окнами, словно ошалелые, всю наяривали любовные арии всевозмож-

ные птахи, громче всех, конечно, брали свои чик-чириковые ноты безалаберные воробьи.

Обычно в первые погожие деньки в селе тоже царило оживление. Сейчас же оно будто вымерло. Нигде не видно ни души, не долетает никаких звуков. Но вот какое-то движение возникло, на главной улице показался конный отряд, направляющийся в сторону больницы.

Лампсаков не отрывал глаз от приближающихся верховых. Вот уже можно рассмотреть их поподробнее. Впереди рысил на добром вороном коне низкорослый черноусый офицер с хмурым лицом. Его фуражка была надвинута на самые глаза. По всей видимости, командир карательного отряда – решил про себя заведующий больницей. За черноусым следовали нижние чины, рослые, хорошо вооружённые.

«Догадался бы всё же представиться, – отметил Николай Александрович. – Интересно, что за фрукт?»

Фрукт прибыл ответом на его письмо в губернию:

«...Большевистское восстание, вспыхнувшее в причулымском районе с двадцатых чисел апреля месяца с.г., в настоящее время можно считать оконченным.

Выяснилось, что подготовительная работа начата Томской большевистской организацией. Из Томска доставлялось оружие в посёлки, из Томска даны указания об организации по селениям тайных большевистских комитетов, которые и подготавливали общественное мнение в пользу большевизма.

Хотя установить точно, когда началась подготовительная работа, не удалось, но есть данные предполагать, что она велась несколько месяцев перед восстанием.

В марте месяце в указанный район было выслано из Томска ядро восстания – группа в 14–20 человек, во главе с так называемыми "товарищем Сергеем" и "товарищем Гончаровым". Эта группа разместилась в малоизвестном посёлке Ново-Покровском Ново-Кусковской волости и оттуда вела свою работу далеко по окрестным посёлкам, через агентов и тайные комитеты.

...Ново-Кусковская милиция, получив сведения о местонахождении этой шайки в Ново-Покровском, соединилась с милицией Александровской волости, всего в числе около 35 человек, и решила забрать эту шайку, для чего отправилась в п. Ново-Покровский. Однако здесь она встретила вооружённое сопротивление и сама едва не попала в засаду благодаря участию с шайкой населения, почему и вернулась в с. Ново-Кусково. Гнавшаяся за милицией шайка ночью прибыла в указанное село и разгромила волостную земскую управу и милицию. После этого началось открытое насаждение по всем селениям "военных красных комитетов", с образованием "главного штаба" в посёлке Ксеньевка... Красноармейский же отряд сразу сформировался из добровольцев в числе 180–200 человек, вооружённых винтовками разных систем. Для отряда были реквизированы лошади, а для усиления отряда объявлена мобилизация населения в три очереди. По всем селениям были установлены караулы и связи.

Возникшие "военные комитеты", равно как и "главный штаб", занялись преследованием убежавших милиционеров и местных деятелей, признаваемых этими комитетами вредными для красных. А главный отряд направился к Томску на соединение с Лубковым.

...Красные, получив бой под д. Мало-Жировой, избрали себе позицию в 8 верстах за Ново-Кусковском, где около п. Челбаковского был второй бой. А несколько дней спустя, правительственный отряд имел бой в п. Тихомировка с отрядом Лубкова, шедшим на соединение с другим отрядом, уже разбитым около Челбаковского.

Во всех боях красные, неся потери, разбежались (!), распылялись по округу – в таёжных лесах.

На днях правительственный отряд частью переправился на пароходе за Чулым, а Лубков и Гончаров, по слухам, соединились и оперируют в районе села Зыряновского.

...Ввиду всего вышеизложенного прошу Вашего личного ходатайства перед начальником губернии и начальником гарнизона об

обеспечении здешнего района достаточной вооружённой силой, впредь до успокоения, в виде военного отряда или отряда особого назначения. В противном случае пребывание на пункте и работа невозможны. Прошу Вас не отказать уведомить о дальнейшем.

*Заведующий Ново-Кусковским переселенческим пунктом
врач Н. Лампсаков*

Открылась дверь, в проёме показался офицер, он козырнул и отрывисто представился:

– Суров Владимир Александрович, капитан.

Не дожидаясь ответа, тем же отрывистым тоном уточнил:

– Если не ошибаюсь, доктор Лампсаков?

– Вы не ошиблись, капитан, – довольно сухо подтвердил Николай Александрович, посчитав нужным добавить: – Кроме того, имею честь быть начальником здешнего переселенческого пункта.

– Последнее мне известно, – произнёс Суров, не отрывая неподвижного взгляда чёрных немигающих глаз от собеседника.

– В таком случае весь к вашим услугам, – слегка наклонил голову заведующий больницей. – Прошу садиться, – указал он на стул.

– Благодарю покорно.

Пока капитан устраивался на предложенном ему стуле, громыхая великоватой для его роста саблей, Николай Александрович подошёл к заветному шкафчику и, несколько поколебавшись, извлёк из него полную бутылку с «латинской» надписью на наклейке: «Спиртус винус». Следовало, соблюдая какой-никакой этикет, проявить гостеприимство. Да и взбодриться перед нелёгким разговором не помешает. Для подобных дел вполне годится и спирт, коньяком угощать капитана не стоило. Не в коня овёс...

– Вас шокируют наши методы? – ухмыльнулся подогретый спиртом капитан Суров в ответ на сетования Николая Александровича относительно жестокости карателей. – Вот уж никогда бы не подумал, доктор, что вы столь

чувствительны. Ведь, насколько мне известно, ни одна хирургическая операция без крови не бывает.

– Но нельзя же божий дар, в самом деле, превращать в яичницу! – отверг сравнение Лампсаков. – Поймите, «справедливая кара», пользуясь вашей терминологией, произвела чрезвычайно тягостное впечатление на местных жителей.

– Плевать я хотел, уж простите за солдатскую прямоу, на ваших жителей! А иногда тягостно впечатляться разболтавшемся быдлу бывает очень и очень полезно. Мозги, знаете ли, вправляет. И заметьте, без всякого вмешательства со стороны психиатрических светил.

– Но позвольте, эдак вы восстановите против себя всё население! Стоит ли швыряться камнями, обитая в стеклянном доме? Может быть, поискать другие методы? Нет?

– Вы, доктор, живёте в деревне, а русского мужика не знаете. Образумить его можно только страхом. И ничем больше. Так что без кровопускания в данных обстоятельствах, к сожалению, никак не обойтись.

«Офицер-то с задатками идейного садиста, – привычно поставил диагноз главврач, неприязненно глядя в пустые неподвижные глаза визави, которые от употреблённого по назначению спирта сделались ещё более мрачными. – Такой отца родного не пожалует». Вслух же произнёс:

– Но я надеюсь, вы всё же учтёте моё мнение.

– Может, посоветуете мне надеть белые перчатки, порекомендуете истовостью благородства заткнуть за пояс рыцарей Круглого стола? – улыбнулся капитан.

– Не надо утрировать, Владимир Александрович. Хотя немножко благородства в отношении пленных, как мне кажется, не помешает. Примером могут служить существующие международные конвенции на этот счёт...

– К чёрту дурацкие конвенции! Поймите же вы наконец, что борьба идёт не на жизнь, а на смерть. Либо мы их, либо они нас. Третьего просто не дано! И совсем не зря предоставлены мне самые широкие полномочия. Я при-

был сюда, чтобы огнём и мечом восстановить порушенный красными правопорядок.

– Вот так?.. Огнём и мечом?..

– Именно так, доктор, именно так. И будьте уверены, интеллигентские сказочки о слезе ребёнка при подавлении восстания мною в расчёт приниматься не будут. Полагаю использовать крайне жёсткие меры, все доступные мне средства, прежде всего огонь и меч! Ересь во все времена выжигали. Святая инквизиция с помощью аутодафе благополучно сохранила единство католической церкви. Отучила тамошнюю паству инакомыслию. Пора, давно пора и нам перестать, уж снова извините за выражение, сопли жевать!

– Ну насчёт единства католиков – вопрос спорный. Да и с альтернативами у вас негусто, – задумчиво произнёс хозяин кабинета. – Хотя, помнится, один американец по фамилии Джефферсон высказался по поводу инакомыслия в том смысле, что это высшая форма патриотизма. Впрочем, согласен, не время сейчас для дискуссий. Так с чего, позвольте полюбопытствовать, собираетесь начать?

– Да я, собственно, уже и начал. Мои молодцы подпалили Ксеньевку. Видите дым на горизонте? Там какие-то негодяи организовали сбор и ремонт оружия для здешних бандюганов.

– Да, да, молва уже разнесла по округе вести о ваших деяниях. Только мысль, что среди погорельцев вполне могли оказаться ни в чём не повинные люди, вашу голову не посещает? Вот накануне я ознакомился с данными исследования настроений крестьянства губернии по поводу свержения советской власти. Цифры обескураживают. Вначале положительно к нему отнеслось 63,6% опрошенных, отрицательно только 13,6%. В ряде мест население активно помогало вылавливать скрывавшихся красноармейцев. Однако принудительная мобилизация вкупе с налоговыми поборами поменяли настроения. Увы... Общественность и по вашему поводу, опять же, волнуется:

«...Теперь я Вам сообщу полученные мною сведения от участников экспедиции по Том-

скому уезду против лубковцев. Там отрядом командует некий Суров, просто вор – офицер, который нарочито затягивает ликвидацию большевистских банд, чтоб не идти на фронт – ему выгоднее оперировать в тылу, менее опасном и более прибыльном. Офицеры отряда предаются поголовному пьянству и безобразничают. Приносимые отрядом жертвы объединяются в большинстве неумелостью и глупостью, разгильдяйством и пьянством (гибель под Святославкой отряда передового объясняется тем, что они занялись чаепитием и покупкой дешёвых яиц к Пасхе и в это время застигнуты были врасплох лубковцами)... Примите меры против бандита Сухова и К°...»

– Весьма, весьма польщён, Николай Александрович. Какой высокий слог! Поэма! Песня! Писание из газетёнки «Сибирская жизнь» цитируете поди? Угадал? Шустры и бойки ребята, только не доходит до них, что в войне всех против всех ни в чём не повинных просто не бывает. Ох, доиграются они в эти демократии, чую – доиграются! Балаболы... – Капитан продолжил: – И совершенно зря вы потревожили прах автора американской Декларации. Альтруистические воззрения уважаемого мистера, по моему глубочайшему убеждению, есть исключение. Правило же, сдаётся мне, сформулировал другой янки – некто Линч.

– Следуя вашей логике, Ново-Кузово необходимо спалить, а жителей линчевать? – сердито уточнил оппонент.

– Пока ответ отрицательный. Хотя стоило бы. Да боюсь, больница пострадает. Попробую ограничиться кой-какими превентивными полумерами. Сегодня соберу сход и поговорю с вашим мужичьём по-своему. Постараюсь назидать и вразумлять. Ну а потом примусь, через денёк-другой, за красных бандитов, окопавшихся в вашей волости. Немножко передохнём, осмотримся – и за дело.

– Да поможет вам Бог, – вежливо пожелал Лампсак.

– Благодарю, покорнейше благодарю, – несколько отмяк капитан. – Как говорится, бог-то бог, да сам не будь плох.

Проводив Сухова, Николай Александрович подошёл к окну, постоял в задумчивости,

КОПИ
СЕКРЕТНО
эн.м

ОПРЕДЕЛЕНИЕ № 581.

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ СИБИРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА в составе: Председательствующего полковника юстиции Макашинова и членов: полковника юстиции Ласотского и подполковника юстиции Бертиана, рассмотрев в заседании от 4 июля 1957 г. протест в порядке надзора Военного прокурора Сибирского военного округа на постановление тройки Управления НКВД по Запально-Сибирскому краю от 19 сентября 1957 года, согласно которому

СУХАЧЕВ Петр Александрович, 1890 года рождения, уроженец деревни Ново-Кузово, Ачинского района, Томской области, до ареста работал в своем единоличном хозяйстве, за контрреволюционную деятельность подвергнут расстрелу с конфискацией имущества.

Заключив доклад тов. Бертиана и заключение зам. Военного прокурора СИБВО полковника юстиции Дмитриева, подлежащего про-
тест,

УСТАНОВИЛ:

Из изложенного следствия Сухачев обвинялся в том, что он состоял в контрреволюционной террористической банде Кузовых, которая в 1931-1932 г.г. действовала на территории Ново-Кузовского сельсовета, организовала убийство члена сельсовета Петрова В.И., а в 1936 года участвовал в кулацкой повстанческой диверсионно-террористической группе, по заданию которой совершил диверсионные акты и проводил антисоветскую агитацию.

Военный прокурор протест постановление тройки отменить и дело производством в уголовном порядке прекратить за отсутствием состава преступления по следующим основаниям:

Обвинение Сухачева было основано на его показаниях, полученных после ареста Сухачева, на признаниях и делу копий протоколов допроса обвиняемых по другим делам Горюхино Н.С., Горюхино Р.С. и Ланцова и на показаниях свидетелей Лыкина, Нартова и Богомолова.

Проверкой, проведенной Управлением КГБ по Томской области, установлено, что в момент ареста Сухачева в распоряжении органов НКВД не было данных об его антисоветской деятельности.

Показания Сухачева зафиксированы обвинением и в стадии предварительного следствия не проверялись. В протоколе допроса Сухачева записано, что в 1931-1932 г.г. он состоял в банде Кузовых и что по его заданию бандиты убили члена сельсовета Петрова.

Допрошенный по этому факту свидетель Волынский на допросе 4 апреля 1957 года показал, что Сухачев никакого отношения к банде Кузовых не имел и что Петров был убит бандитом с целью ограбления, а не по мотивам мести за его общественную деятельность.

Показания обвиняемых по другим делам Горюхино Н.С., Горюхино Р.С., Ланцова и свидетелей Лыкина, Нартова и Богомолова не

имеют доказательственного значения.

В протоколе допроса Горюхино Н.С. зафиксировано, что он был вовлечен в антисоветскую группу Ланцовского и по его заданию совершил в названную группу Сухачева, Горюхино Р.С. и Ланцова. Проверкой установлено, что Ланцовский в антисоветской группе не состоял и был подвергнут насилию насильственным, в связи с чем дело по обвинению Ланцовского прекращено за отсутствием состава преступления, поэтому показания Горюхино Н.С. не соответствуют действительности, а в показаниях свидетелей Лыкина, Нартова и Богомолова не содержится конкретных фактов антисоветской деятельности Сухачева.

Допрошенные при проверке дела свидетели Волынский, Бурлюкин Н.И., Богомолов, Ситников, Горев и Бурлюкин В.И., ранее показания Сухачева, записанные, что антисоветских измышлений от Сухачева не слышали и опровергли его показания о преступной антисоветской деятельности.

Изучив материалы дела и дополнительной проверки, нахожу протест обоснованным и руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1955 года, Военный трибунал СИБВО

ОПРЕДЕЛИЛ:

Протест Военного прокурора Сибирского военного округа удовлетворить.

Постановление тройки Управления НКВД по Запально-Сибирскому краю от 19 сентября 1957 года в отношении СУХАЧЕВА Петра Александровича отменить и дело о нем Ланцовским производством в уголовном порядке прекратить на основании ст.4 п.5 УК РСФСР, за отсутствием состава преступления.

наделенными подписями. -

ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

Секрет: 9

отп. 4 эн.
эн.м. 1 в н.д.
м. 2 ВП СИБВО
м. 3 УВД Томск. Обл.
м. 4 в дело
отп. А. Вельская
2.6.57г.
№ 2511

и вдруг ему показалось, нет, ему явственно послышалось, что чей-то голос его настойчиво спрашивает:

– Ктой-то тебя, Николай Александрович, научал эти письма писать? А! Подикось, дружки твои – япошки? Давай-ка колись, вражья морда! Мы ведь с тобой валандаться не будем. У нас с такими антилегентами разговор короткий – вилы в бок, да в колодец!

Голос скрипуче захихикал...

Лампсаков тряхнул головой, хихиканье прекратилось.

Снова открылась дверь и вошла Елена Дмитриевна:

– Коля, будь добр, посмотри одного пациента.

– Что за пациент, Лёля?

– У него два пулевых и два штыковых ранения. Состояние крайне тяжёлое. Необходимо посоветоваться насчёт его лечения.

– Кто-то из раненых солдат? Впрочем, я их всех осматривал, штыковых ранений ни у кого из них не наблюдалось.

– Нет, он не солдат.

– Ну вот, ещё немного, и я буду заинтригован.

– Это молодой крестьянин из Казанки. Его вчера привезли.

– А позволительно ли будет мне полюбопытствовать, кто это, а главное – за что, молодого человека столь серьёзно изувечил?

– Его жена, которая и доставила его в больницу, утверждает, что он был расстрелян колчаковцами.

– И остался жив?

– Выходит, так.

Николай Александрович удивлённо посмотрел на жену через стёкла золотого пенсне. Его холёное интеллигентное лицо, украшенное тщательно ухоженными усами и бородкой а ля Чехов, тронула недоверчивая усмешка.

– Ты меня, случаем, не разыгрываешь?

– Такими вещами не шутят, – покачала головой Елена Дмитриевна. – Несчастный просто чудом остался жив.

– Следовательно, он – красный?

– Разве в данных обстоятельствах это имеет значение? Тяжёлый больной нуждается в безотлагательной медицинской помощи. По-моему, вполне достаточно оснований, чтобы мы занялись его лечением.

– С формальной точки зрения, ты, безусловно, права. Однако есть одно но...

– Ты хочешь сказать, если больной оказался красным, мы не должны его спасать?

– Боюсь тебя огорчить, моя дорогая, но, по правде говоря, не хотелось бы иметь ничего общего с подобными субъектами.

– Опомнись, мой милый! Коля, а как же клятва Гиппократ? Надеюсь, для тебя заветы великого врачавателя по-прежнему не пустые словеса?

– Разумеется, я отлично помню о своём врачебном долге, но, ещё раз но...

– Иначе говоря, господин «но» – это «их благородие» капитан Суров? И зачем ты только написал письмо в губернию? Кому повезёт одержать верх – пока неизвестно ни мне, ни тебе, потому я бы очень не хотела, Коля, чтобы ты вступал в междоусобицы патриотов (ведь с обеих сторон декларируется просто неземная любовь к Отечеству). Последствия могут оказаться непредсказуемыми. Не забывай – ты прежде всего врач. Твоё дело – лечить людей перво-наперво, а в остальных делах пусть-ка они разбираются сами.

Вещун сердце женщины. Письмо в самый неподходящий момент и всплывёт...

– Да при чём тут Суров? Хотя... Недоразумения с военными властями больнице пользы уж совершенно точно не принесут.

– Ах, какие мы осторожные!

– Время такое, вот и приходится быть осмотрительным.

– Вот-вот, время такое. Только время, уж совершенно точно, не для карасей-идеалистов и не для премудрых пискарей.

– В каком смысле, дорогая? – сделал непонимающее лицо премудрый идеалист. Ему доставляло невыразимое удовольствие наблюдать за азартным натиском жены. Сейчас она удивительно напоминала ту задорную студентку, в которую он когда-то безоглядно влюбился.

– Тебе не приходила в голову простая мысль, что ещё бабка надвое сказала, кто в конечном счёте одержит верх в этой заварухе?

– Выражаясь казённым языком, спрошу, уж не сочувствуешь ли ты красным, Лёля? – добавил перца в дискуссию нарочито пристрастный оппонент.

– Я сочувствую больным. Что же до красных... Они выступают против угнетения людей людьми, за счастье простого народа. А вспомни историю США, войну Севера и Юга, Францию наконец, не за то ли самое и мы ратовали когда-то на студенческих вечеринках? Только мы, как истинные интеллигенты, поболтали красиво и успокоились. А большевики, и тут нельзя им не отдать должное, борются за воплощение своих, может и утопических, идей в открытую, не щадя ни себя, ни противника. И, если быть до конца справедливыми, врагов не щадят – да, но население-то не мордуют, не мародёрничают! В отличие от бравых защитничков правопорядка...

Елена Дмитриевна даже порозовела от волнения. Чувствовалось, высказанные мысли не сейчас пришли ей на ум, изливалось давно накопившееся.

– Пойми, мне хочется отвести беду от тебя, от нас в конце концов. Вспомни, совсем недавно ты верой и правдой служил государю императору. И где он теперь? Сейчас уже мало кто помнит, хотя вполне допускаю, что ошибаюсь, про царя-батюшку. Трагедия страны, трагедия семьи императора – вот и не верь после этого прозванию «кровавый»...

Дальше – Временное правительство, и ему, тоже верой и правдой, ты принялся усердно служить. Канули в Лету временные говоруны, возникла, свято место пусто не бывает, омская Директория. И ты служишь ей с тем же усердием. Приказала долго жить Директория, сделало белое движение ставку на верховного правителя. Уверенности же, что Александру Васильевичу Колчаку удастся долго продержаться, лично у меня уже нет никакой, посему делать ставку на адмирала я бы не советовала никому. Уж коли наши зажиточные челдоны настроились против покорителя Арктики, то тут не донесения пищи, тут пищи пропало!

– Блестяще, Лёля! Главное, свежо, оригинально, – рассмеялся Николай Александрович. – Может, есть другие предложения? А то, боюсь, напишу «пропало», и точно пришлют отряд, да только не для охраны больницы, а за мной... Ну обязан я, пойми, заботиться о безопасности больницы и всех больных. Вот я и забочусь.

– Страхи по поводу больницы мне представляются несколько надуманными.

– Вполне может быть, но, согласись, нет ведь и уверенности в её полной безопасности. Тем более времена-то – смутные.

– Ладно, в конце концов, тебе видней, Коля. Так как всё-таки насчёт партизана?

– Как его фамилия?

– Левин, Никита Левин.

– Что ж, пойдём смотреть...

...После окончания Гражданской войны Николай Александрович Лампсаков по-прежнему весьма ревностно исполнял свой долг, памятуя о факультетском обещании не *по-мрачать чести сословия*. Сельский доктор следил за всеми новейшими достижениями медицины не только у нас, но и за рубежом. Он переписывался с немецкими учёными-медиками. Те-то и прислали ему две кварцевые лампы. Даже в томских больницах их тогда не было. Из Германии пришли и два электрических движка. В больнице раньше, чем в селе, зажёгся электрический свет.

Ежемесячно в больницу Ново-Кускова обращалось от 900 до 1200, а иногда и до 1700 жителей района и около 500 – из соседних районов.

Лампсаков стал одним из самых уважаемых и заметных людей Причулымья. Его избрали делегатом на Всероссийский съезд Советов в честь 10-й годовщины Октябрьской революции.

Томская секция врачей направила ему приветственный адрес: *«Все врачи Томского округа гордятся Вами, дорогой Николай Александрович. Вы один из тех немногих, кто отдал все свои лучшие годы и силы на служение деревне. Вы бескорыстно ушли работать туда, где имеется в Вас наибольшая нужда.*

Всем известно, насколько трудна работа сельского врача, но Ваше бескорыстие и любовь к делу сумели всё победить».

Нет, бескорыстием и любовью к делу всё победить оказалось невозможно. В ведомстве Ежова сказкам про бескорыстие принципиально не верили. Парадокс же явный. Ну сами посудите! С одной стороны, человеку шестьдесят три года, огромный авторитет, уважение населения и коллег, заслуги, опыт... А с другой стороны, в начальство чего-то не рвётся, командовать коллегами не стремится. В Томск перебираться просто отказывается. Ну и главное – в партии большевиков до сих пор не состоит. Уклоняется, а может, затаился? Надо присмотреться. Поискать фигу в кармане.

Присмотрелись. Поискали. Тут-то и всплыло сообщение заведующего Ново-Кусковским переселенческим пунктом от 27 мая 1919 года. Текст сообщения изобиловал клеветническими измышлениями о действиях партизан. А автором, если помните, был Н. А. Лампсаков.

Копнули глубже. Вот те на! Родители-то кто?! Священники! Да и сам семинарию окончил. Пел. И где?! В церковном хоре! Час от часу не легче. Ещё и офицер царской армии! В Германию письма пишет. Зачем? По всему видать, филиал кадетско-монархической организации, готовившей вооружённое восстание и свержение советской власти в момент нападения империалистических стран на СССР, вскрыли.

Помните, как Сергей Наумович Миронов (Король) – начальник УНКВД ЗСК – породил «Союз спасения России»? Так вот, Николай Александрович идеально вписался в схему в роли главаря Ново-Кусковского филиала ССР.

Всё строго по шаблону – чекисты находят бывшего царского или белого офицера и «назначают» его руководителем организации, состоящей из небольших ячеек и подчиняющейся заговорщицкому центру.

Главаря арестовали. И принялись жарить факты. Масла на сковородку не скупясь, густым чёрным слоем нанёс Никита Кузьмич Левин. Его партизанским прошлым

времен Гражданской войны в романе «Строговы» писатель Георгий Мокеевич Марков наделил деда Фишку. Изрядно преувеличив. Самая яркая страница в биографии Никиты – собственный расстрел. Расстрел, после которого ему чудом удалось выжить. Казнили его каратели Сурова в Казанке. А вот излечили в Ново-Кусковской больнице. Уговорила Елена Дмитриевна Николая Александровича осмотреть Левина. На беду.

Про огонь, воду и медные трубы с детства слышали наверняка все. Так вот, испытание огнём Никита Кузьмич выдержал. Мало на планете найдётся людей, которым удалось прожить восемьдесят два года, будучи расстрелянными в тридцать четыре. Оправился от ран наш герой, но появилась привычка глушить боль алкоголем, огненной то бишь водой. Но всякое лекарственное снадобье, пока ведь панацея не обнаружена, обладает побочными эффектами. Настойки на спирту имеют способность завышать самооценку употребляющего вовнутрь. Может и море лужей предстать, той самой, которая по колено.

Закончилась Гражданская война, и Левина накрыла слава. Слава героя-партизана. Пресловутую правду жизни слегка отодвинули. Иначе как? Иначе никак невозможно! Ведь уже классики писали посвящения: «Деду Фишке – Никите Кузьмичу Левину с глубочайшим уважением автор Г. Марков».

Вон как громыхнули медные трубы! Родилась легенда, ни дать ни взять. Литературный герой, герой без страха и упрёка, несгибаемый борец за правду материализовался. В пример одним и в назидание другим.

И кому, как не Никите Кузьмичу, доверить колхоз «Рассвет», созданный в деревне Казанка Ново-Кусковского района? Четыре года терпели колхозники художества бывшего партизана. Это и был пик его карьеры.

Ну а в 1931 году судьба, сообразуясь с направлением райкома партии, ещё раз свела его с четой Лампсаковых. Николай Александрович принял Левина завхозом в Ново-Кусковскую больницу. Не председатель, однако должностишка непыльная, опять же спирт медицинский.

А дальше ответим на вопрос: почему из всех сельчан нашёлся лишь один потерпевший, и этот один – Н. К. Левин? Его имя всплыло в характеристике обвиняемого Н.А. Лампсакова. Председатель сельсовета Петров и секретарь Попов писали: «Лампсаков имел большую популярность среди населения. Особенно среди зажиточного населения. В то же время к лечению партизан относился самым скверным образом (Левин Н. К.)».

Ну что ж, ответ прост и банален. Никита не простил доктору своего увольнения в 1933 году.

Как, его?! Борца за власть Советов, живота не пощадившего за рабочее дело, какой-то докторишка посмел уволить! Антилегент хренов!

В больнице Никита продержался два года. И совсем неплохо себя чувствовал. Но вот сил у главного врача терпеть вконец разболтавшегося экс-партизана попросту не осталось.

Асиновское бюро РК ВКП(б) на внеочередном заседании 8 июля 1933 года отреагировало на увольнение своего протеже жёстко: «Со стороны заведования врача допускаются безобразия: сознательное засорение обслуживающего коллектива чуждым элементом, гонение и вытеснение с работы партийно-комсомольского состава... преступное пренебрежение в лечении партийно-комсомольского актива».

Реванш состоялся. Николая Александровича уволили. Год больницей руководил некто Параскун. Так всегда на Руси – созидать некому, а реформы реформировать от желающих отбоя нет. Причём результаты деятельности языкастых перестройщиков и реформаторов разного пошиба вполне предсказуемы и одинаковы. Развал. Некто Параскун с блеском и всего-то за год успешно достиг развала. Пришлось партийным товарищам возвращать Николая Александровича. Но конфуз свой запомнили и не простили...

Вот так Николай Александрович попал в списки неблагонадёжных.

Что дальше? Дальше за дело взялись профи из НКВД. Николай Александрович удо-

Вид на музей

Кабинет Н.А. Лампсакова

стоился беседы с начальником Томского ГО НКВД Иваном Васильевичем Овчинниковым и уже наяву услышал:

– Ктой-то тебя, Николай Александрович, научал эти письма писать? А! Подикось, дружки твои – япошки? Давай-ка колись, вражья морда! Мы ведь с тобой валандаться не будем. У нас с такими антилегентами разговор короткий – вилы в бок, да в колодец!

Овчинников скрипуче захихикал...

...Николая Александровича расстреляли 29 августа 1937 года.

Реабилитировали 01.10.1956.

Но и Овчинников совершенно зря хихикал, утверждая обвинительное заключение по делу Н. А. Лампсакова. Его самого приговорили к ВМН (высшей мере наказания) 19 мая 1941 года. В отличие от своих жертв, реабилитирован он не был. Это Лаврентий Павлович, как умел, взялся в наркомате бороться с приписками и очковтирательством. А Иосиф Виссарионович восстановил справедливость. Тоже по-своему и тоже как умел: «...нужно расстрелять».

Осталось добавить, что и врид начальника Асиновского РО НКВД сержант госбезопасности А. С. Салов, автор обвинительного заключения по делу Лампсакова, общей участи не избежал тоже. Ему репрессии аукнулись в 1939 году:

«Салов Артём Семёнович – за участие в репрессиях в Асиновском районе (создание клеветнических материалов и незаконные аресты) снят с должности в мае 1939 года. В июле 1939 арестован; Военным Трибуналом 21 сентября 1939 за нарушения законности по ст. 193-17 УК осуждён на 4 года заключения в ИТЛ».

Ну ещё рискнём утомить читателей, помянув всеу полковника Сурова. Владимир Александрович Суров родился в 1892 году, окончил четырёхклассное городское училище. В октябре 1913 года зачислен в ратники государственного ополчения второго разряда. В 1915 году призван по мобилизации, попав в 9-й Сибирский стрелковый запасной батальон, зачислен в Иркутскую школу прапорщиков. 1 апреля 1916 года произведён в первый офицерский чин – прапорщика армейской пехоты, направлен в 4-ю Сибирскую запасную стрелковую бригаду.

Начало карьеры – как и у многих в то время. Но в Гражданскую войну стал палачом. Война виновата? Война всё и спешет? Война не списала.

Вот перед нами оперсводка штаба войск ЯАССР:

В конце апреля 1924 года Томский губернский суд рассмотрел дело Сурова. Из решения суда: «Капитан Суров в первых числах мая 1919 года получил командование над экспедиционно-карательными отрядами, в задачи которых входила беспощадная борьба с повстанческим движением. С этого времени над Томской губернией, особенно над Томским и Мариинским уездами, нависли чёрные дни суровицины. Жестокость и бесчеловечность Сурова не имели границ: пыткам и истязаниям, порке, расстрелу и повешению предавались сильные и слабые, старики и старухи, женщины и дети».

Суд приговорил В. А. Сурова к расстрелу. Приговор привели в исполнение.

В каждой борьбе за власть присутствуют по крайней мере две правды, две идеи. И шут бы с ними, с правдами ль, с идеями ль, разбивай они собственные лбы друг о дружку! Ан нет, плохие ль, хорошие ль, но гибнут в борьбе за идею, вернее цель, которая потом оправдывает все средства, люди. Победители дружно провозглашают наступление эры справедливости.

На следующем витке исторической спирали следующие победители так же дружно голосят о наступлении следующей эры справедливости. И мы снова весь мир разрушаем до основания, а потом?! А потом снова – вверх по лестнице, ведущей вниз! Может, в этом и есть нашего народа предназначенье – плутать, постоянно упираясь в тупики? Да иногда проваливаться в пропасти? Или тупики и пропасти существуют исключительно в нашем воображении? ■

Александр СУХАЧЁВ,
город Рубцовск, Алтайский край

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

РАСШИРЕНИЕ ГЕОГРАФИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЪ» И СОТРУДНИЧЕСТВА С ТВОРЧЕСКИМИ ЛЮДЬМИ – ЗАДАЧА, НАД КОТОРОЙ АКТИВНО РАБОТАЕТ РЕДАКЦИЯ ИЗДАНИЯ. С ЭТОЙ ЦЕЛЬЮ И ПРОВОДЯТСЯ ПРЕЗЕНТАЦИИ И ВСТРЕЧИ С ТВОРЧЕСКИМИ И ЗАИНТЕРЕСОВАННЫМИ ЛЮДЬМИ.

ТАК, В АВГУСТЕ В ГОРОДЕ ПЕРЕСЛАВЛЕ-ЗАЛЕССКОМ, В ПЕРЕСЛАВСКОМ КОЛЛЕДЖЕ ИМ. А. НЕВСКОГО, СОСТОЯЛОСЬ ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ, ПОСВЯЩЁННОЕ ДЕСЯТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ «БОЕВОГО БРАТСТВА».

Братство не всегда возникает по родственной крови. Ещё людей может объединить кровь, пролитая за интересы своей страны.

Единение по такому признаку собрало в один круг ветеранов и инвалидов армии, флота, погранслужбы, разведки, спецподразделений и правоохранительных органов. Ветераны, их семьи, приглашённые гости встретились, чтобы отметить юбилей создания организации.

Среди гостей были директор Международного центра «Святые Лавры Руси Православной» Владимир Васильевич Березовский

и член попечительского совета Центра, главный редактор журнала «Александръ» Анатолий Сергеевич Труба.

На мероприятии был представлен литературно-исторический журнал «Александръ», тепло встреченный участниками собрания. Экземпляры издания были подарены епископу Переславскому и Угличскому Феодору и ветеранам движения. Поступило предложение о творческом со-

трудничестве между Тамбовской и Ярославской областями.

В то же время Тамбовскую область посетила праправнучка легендарного графа Воронцова-Дашкова графиня Елизавета Владимировна Апраксина. Вместе с Е. В. Апраксиной в делегацию входили представители центра Воронцова-Дашкова и колледжа, носящего его имя.

Гостям был представлен литературно-исторический журнал «Александръ», который вызвал большой интерес. Были намечены пути взаимодействия между журналом и центром Воронцова-Дашкова, которые позволят обогатить издание уникальной информацией и расширить географию его распространения.

После этого мероприятия в редакцию поступило предложение о презентации журнала в бельгийском посольстве в Москве, где работает графиня Апраксина.

Стоит отметить приятное событие, говорящее о признании заслуг редакции «Александра». В последний день лета в Мичуринске – наукограде РФ состоялось вручение именных муниципальных премий. Лауреатом муниципальной премии имени Б. К. Панова за успехи в литературном творчестве и журналистике стал Анатолий Сергеевич Труба. Награда была присвоена за цикл работ, посвящённых истории Тамбовщины. ▀▀

